# Политика России в Средней Азии (1847-1868)

**Н.А. Халфин**

Из введения:

Автор настоящего труда старался уделить больше внимания личным архивам, которые, к сожалению, мало использовались при изучении внешней политики царского правительства в Средней Азии. […] Наряду с документами государственных архивов автором настоящей книги использованы также материалы Архива Академии наук СССР, Архива Всесоюзного географического общества (АВГО), Отдела письменных источников Государственного исторического музея СССР (ГИМ), Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (БЛОР). Большой интерес для работы над темой представляют публикации в периодической печати того времени, которая широко освещала вопросы торговли и политики России в Средней Азии. Наконец, в данной работе использована многочисленная мемуарная литература, воспоминания участников военных походов и дипломатических миссий, описания научных экспедиций и путешествий. При всем субъективизме, присущем этим материалам, они зачастую содержат интереснейшие сведения, позволяющие лучше уяснить сложившуюся обстановку в России и странах Востока, позицию и взгляды того или иного политического или военного деятеля, ученого, дипломата, предпринимателя.

## Содержание



[1] Так обозначены страницы. Номер страницы предшествует странице.
{1}Так обозначены ссылки на примечания.

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857-1868). — М.: Издательство восточной литературы, 1960. — 272 с. Тираж 1900 экз.

Издание: Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857-1868). — М.: Издательство восточной литературы, 1960
«Военная литература»: militera.lib.ru

## Введение

50–60-е годы XIX в. являлись важной эпохой в истории политики России в Средней Азии. Поражение в Крымской войне (1853–1856) заставило царское правительство временно отказаться от активной политики на Балканах и Ближнем Востоке и уделить больше внимания укреплению своих позиций в странах Центральной Азии{1}. Наибольший интерес у господствовавших тогда кругов Российской империи вызывали Бухарское, Кокандское и Хивинское ханства, которые поддерживали тесные торговые отношения с Россией. Этому способствовала географическая близость их к России, а также экономическая обстановка в Российской империи и среднеазиатских ханствах в первой половине XIX в. Россия все более твердо становилась ра капиталистический путь развития, а Средняя Азия представляла собой экономически отсталый район, являвшийся выгодным рынком сбыта промвпцленной продукции и источником сырья.

Укрепление экономических, а в связи с этим и политических позиций в среднеазиатских ханствах приобретало для торгово-промышленных кругов Российской империи тем большее значение, что русская промышленность отставала в те годы по уровню и темпам развития от промышленности капиталистических стран Европы.

Узость внутреннего рывка, обусловленная господством крепостного права, а после его отмены — наличием серьезнейших пережитков феодально-крепостнической системы, увеличивала ценность внешних рынков для правящих классов империи. Российский капитализм, который встречал серьезные трудности для развития «вглубь», распространялся «вширь». Важным объектом этого распространения после Крымской войны стала Центральная Азия. [4]

Однако на пути завоевания этих рынков царизм сталкивался с сильным соперником — Англией. Завершив в середине XIX в. подчинение Индии и превратив ее в базу широкой экономической и военно-политической экспансии в Азии и Африке, британские колонизаторы стремились установить свое господство и в Центральной Азии. Английские фабричные товары, вытеснявшие в Индии местное ремесленное производство, наводняли Турцию, во все большем количестве проникали в Иран, Афганистан, Среднюю Азию, западнокитайскую провинцию Синьцзян Британские войска вторгались в Иран и Афганистан, а английские агенты вели подрывную деятельность в Бухаре, Хиве, Коканде, Синьцзяне. Правящие круги Англии и британская печать прикрывали эти действия шумихой о «русской угрозе» Индии.

Английская торгово-политическая экспансия явилась дополнительным стимулом, обусловившим активизацию политики России в Средней Азии. Проведя в 1857–1862 гг дипломатическую и военную разведку, царское правительство в 1863–1868 гг. распространило свое господство на Южный Казахстан и Северную Киргизию, на Ташкентский и Самаркандский оазисы, заставило крупнейшие среднеазиатские ханства — Бухарское и Кокандское — признать их зависимость от Российской империи.

Таковы вопросы, рассматриваемые в данной книге. Их исследование имеет важное значение при изучении истории нашей Родины, способствует освещению экономического развития России, позиции различных социальных слоев при определении целей, задач и методов внешней политики в Центральной Азии в 50–60-х годах XIX в. Внутриполитическое положение Российской империи, Англии и ханств Средней Азии затрагивается в книге лишь в той степени, в какой это необходимо для понимания внешнеполитической деятельности того или иного государства.

К сожалению, недостаточная изученность в нашей литературе восточных источников не дает возможности всесторонне осветить отношение различных кругов народов Средней Азии и соседних стран Востока к политике России. Однако уже имеющиеся материалы, в частности использованные в трудах Б. Г. Гафурова, Е. Б. Бекмаханова, А. В. Пясковского, Б. Д. Джамгерчинова и др.{2}, свидетельствуют о том, что широкие слои населения стран Востока были кровно заинтересованы в уничтожении феодального гнета. Это проявилось, например, во время борьбы России с Кокандским и Бухарским ханствами. [5]

Включение Средней Азии в состав России, в частности, стимулировало, помимо воли царского правительства, развитие пролетариата в Средней Азии, способствовало образованию в дальнейшем многонационального союза трудящихся против царизма, буржуазии и помещиков, против местных эксплуататоров, против всех и всяких видов классового и национального угнетения.

Дореволюционная русская историография, уделявшая много внимания соперничеству между Российской империей и Англией в странах Востока, особенно военной стороне этого соперничества, лишь поверхностно касалась социально-политических и экономических проблем{3}. Даже крупные специалисты в области международных отношений иа Востоке не шли в своих работах дальше простого изложения собранного фактического материала. Дворянско-буржуазная историография не разработала общей концепции политики царизма в XIX в Попытки же создать серьезную научную концепцию оказались неудачными из-за классовой ограниченности мировоззрения их авторов. «Актуальность тематики содействовала также тому, — справедливо отмечал известный советский ученый А. Л Попов, — что буржуазно-Дворянские историки, работавшие над вопросами внешней политики самодержавия XIX в., культивировали в своих трудах официальные легенды или ограничивались публицистическим подходом»{4}.

Вопросы внешней политики царского самодержавия в XIX и начале XX в освещались дореволюционными историками меньше, чем внутриполитические проблемы Российской империи Это объясняется, в частности, сугубой секретностью документальных материалов В государственные архивы получали доступ лишь единичные исследователи, пользовавшиеся особым доверием правительства Но и они могли публиковать свои труды только в том случае, если их точка зрения совпадала с официальной. Так, трехтомная «История завоевания Средней Азии» М. А. Терентьева, ознакомившегося в 70-х годах XIX в. с архивными материалами учреждений Туркестанскою генерал-губернаторства, увидела свет лишь через три десятилетия — в 1906 г., когда первая буржуазно-демократическая революция в России заставила царское правительство допустить на некоторое время цензурные послабления Такая долгая задержка с выходом книги объясняется тем, что ее автор [6] несколько критически отнесся к действиям царских чиновников и военных деятелей в Средней Азии{5}.

Если доступ к документам государственных учреждений был крайне ограничен, то материалы предпринимателей, торговцев, путешественников 'были недостаточны для исследователя.

Основной недостаток дореволюционной исторической литературы заключается в идеалистическом подходе к исследованию. Буржуазные авторы не изучали всего комплекса социально-экономических (предпосылок, определявших тот или иной политический акт, отрывали внешнюю политику от внутренней, объясняли ее случайными, второстепенными факторами, зачастую поддерживали «официальную легенду». Так, в основу многих статей и книг, посвященных среднеазиатской политике самодержавия, легла, например, «концепция», выраженная в «циркулярной ноте» (1864 г.) министра

иностранных дел А. М. Горчакова о «непреодолимом стремлении правильно организованного государства» распространять свое господство ча соседние территории, где, по мнению царских чиновников, не существовало «твердого порядка».

Неправильная методология, отсутствие всестороннего и глубокого экономического и политического анализа серьезш обесценивали даже и те работы, в которых был собран большой фактический материал. Для примера могут быть названы та же книга М. А. Терентьева «История завоевания Средней Азии», работы М. И. Венкжова, В. В. Григорьева, Н. И. Веселовского и других дореволюционных востоковедов{6}.

Подлинно научное изучение внешней политики Российской империи и ее отношений с другими государствами, в том числе со странами Востока, фактически началось только после того, как к нему приступили советские историки, вооруженные марксистско-ленинской методологией. Но в советской исторической литературе больше внимания уделялось освещению истории международных отношений на Ближнем Востоке{7} и Дальнем Востоке{8}.

Политика капиталистических держав и международные отношения в Центральной Азии (особенно в Средней Азии) в [7] XIX в. освещены слабее. Среди имеющихся работ на эту тему видное место занимают исследования А. Л. Попова, базирующиеся на богатом и разностороннем фактическом материале: «Борьба за среднеазиатский плацдарм»{9} (ограничена тридцатыми годами XIX в.), «Из истории завоевания Средней Азии»{10} и обширный труд «Внешняя политика русского царизма в XIX веке в «кривом зеркале» М. Н. Покровского»{11}, где рассматриваются преимущественно историографические вопросы. Следует отметить также монографию М. К. Рожковой «Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия», статьи Е. В. Бунакова «К истории сношений России со среднеазиатскими ханствами в XIX в.»{12} и Е. Н. Кушевой «Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX века»{13}. Упомянутые работы и более мелкие исследования по сути дела исчерпывают советскую историографию по внешней политике России на Среднем Востоке и в Средней Азии в XIX в.

После второй мировой войны в реакционной буржуазной историографии широко распространилась версия о том, что советская историческая наука отошла от своих прежних позиций разоблачения агрессивной политики царизма на Востоке и стала «обелять» ее. При этом делались ссылки на работы отдельных советских авторов, допускавших некоторые ошибки в освещении исторического процесса. И хотя эти ошибочные положения подвергались резкой принципиальной критике в нашей литературе, буржуазные «критики» марксизма пытались л пытаются искать «противоречия» в советской исторической науке, приписать всей советской историографии «изменение позиций». Как же обстоит дело в действительности?

В трудах советских историков 20–30-х годов текущего века присоединение Средней Азии к России освещалось односторонне. Справедливо отмечая захватнический характер политики царского правительства и установленный им в Средней Азии режим колониального угнетения, эти авторы почти ве упоминали об объективно положительном значении включения народов Туркестана в состав Российской империи{14}. [8]

Мало внимания уделяли советские историки вопросам экономических и политических связей народов нашей страны еще до XIX в. В советской исторической литературе этого периода подчас недооценивали крупнейшие социально-экономические, изменения в Средней Азии, происшедшие в результате присоединения ее к России, и влияние передовой русской культуры на культуру народов Средней Азии.

Главным недостатком исторических работ того времени является недооценка тесного союза, который складывался между трудящимися массами Средней Азии и пролетариатом России. Создание этого союза имело огромное значение для народов нашей страны. «В лице русского пролетариата, — подчеркивается в тезисах ЦК КПСС о 300-летии воссоединения Украины с Россией, — трудящиеся всех национальностей нашей страны впервые в истории обрели надежного руководителя в их борьбе за ниспровержение социального и национального гнета».

В конце 40 — начале 50-х годов текущего века, а особенно после XX съезда КПСС, советские историки на базе накопленного ими обширного документального материала приступили к всестороннему изучению переломного этапа в жизни среднеазиатских народов — включения их в состав России. Этому вопросу посвящены следующие исследования: Б. Г. Гафуров, «История таджикского народа в кратком изложении. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.», новые издания «Истории Казахской ССР, С древнейших времен до Октябрьской социалистической революции» и «Истории Узбекской ССР», впервые изданная «История Туркменской ССР. С начала XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции».

Одновременно с указанными общими работами по истории узбекского, таджикского, казахского и туркменского народов были изданы специальные исследования Е. Б. Бекмаханова «Присоединение Казахстана к России», Б. Д. Джамгерчинова «Присоединение Киргизии к России», З. Ш. Раджабова «Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX в.», И. М. Муминова «Из истории общественной и философской мысли Узбекистана конца XIX и начала XX века» и др.

Эти труды — результат многолетних исследований научных коллективов и отдельных ученых. Авторы на большом фактическом материале рассмотрели сложившиеся социально-экономические отношения и государственное устройство среднеазиатских ханств накануне их присоединения к России; отметили экспансию царизма и агрессивные устремления Англии, направленные на использование ханств для борьбы против [9] Российской империи в Азии, интриги и провокации британской агентуры ореди местного населения.

Советские ученые (в отличие от буржуазных авторов, исходящих из идеалистических концепций о решающей роли личности в истории) обращают основное внимание на историю народных масс — подлинных ее творцов и созидателей материальных благ.

Поэтому, разоблачая колонизаторскую политику царского правительства и грабительскую, захватническую деятельность империалистов Запада в странах Востока, советские исследователи детально освещают развитие дружбы народов Российской империи, возникшей и крепнувшей вопреки колонизаторским стремлениям царского самодержавия. Они подчеркивают, что царизм был злейшим врагом всех этих народов, в том числе и русского.

Фальсификаторские приемы представителей реакционной буржуазной историографии не могут скрыть или затушевать подлинную принципиальную разницу между позициями советской и буржуазной историографии. Различие состоит не в признании западными историками агрессивности царизма и отрицании этой черты советскими учеными. Советские историки на основании всестороннего изучения международных отношений на Востоке пришли к выводу о безусловной тенденциозности и необоснованности версии буржуазных авторов (и в первую очередь английских) об «оборонительном» характере британской политики в Азии. «Положение было вовсе не таково, будто бы Россия наступала, а Англия оборонялась. В Средней Азии сталкивались два встречных потока

экспансии. И Россия и Англия вели наступательную политику, и при этом обе опасались друг друга»{15}.

Этот важный тезис базируется на известном высказывании В. И. Ленина, который, характеризуя острое соперничество между британскими империалистами и русским самодержавием, писал, что «Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»{16}.

Однако русский империализм вследствие общей экономической слабости (а в дальнейшем и все возраставшей зависимости от более развитых капиталистических держав) и особой остроты внутренних противоречий часто не мог соперничать с могущественными конкурентами. Царское правительство не могло серьезно думать и не думало о завоевании Индии, захвате Суэцкого канала и т. п. [10]

Прямой долг советских историков разоблачать попытки реакционной буржуазной науки прикрыть захватническую политику империалистов Англии, США и других держав лживой версией о «русской угрозе».

В советской историографии были более или менее подробво освещены основные аспекты вопроса об «угрозе Индии» и установлено, что авторитетные британские круги использовали эту версию для оправдания и манкировки своей экспан»ии в странах Востока{17}. Анализ экономического, политического и военного положения Российской империи в течение всего XIX в. убедительно свидетельствует, что русское правительство и не помышляло о подобной операции. Об этом были хорошо осведомлены правящие круги Британской империи. Английские империалисты опасались не столько захвата их колоний Россией, сколько того, что приближение к границам Индии соперничавшей с Англией державы могло активизировать антианглийское освободительное движение народов Востока, о чем в свое время писал Ф. Энгельс{18}.

Британские империалисты, неоднократно выступавшие с резкими протестами против продвижения России в Азии и организовывавшие демагогические кампании по поводу «угрозы Индии», фактически мало внимания уделяли подготовке к обороне против «русского вторжения». Вдоль северной границы Индии, казалось, наиболее уязвимой, не было построено почти никаких укреплений. Даже реакционный американский автор У. Б. Уолш отмечает, что «конфиденциальные донесения русского генерального штаба... не обнаруживают каких-либо русских планов захвата Индии»{19}.

Среди историков Запада в основном английские уделили много внимания внешней политике Российской империи в Средней Азии{20}. В буржуазной историографии Англии эта тема занимает особое место в связи с острым соперничеством между Британской империей и царской Россией на Среднем Востоке. К сожалению, ее разработка всецело подчинена не научным, а политическим целям: оправдать завоевательные действия английских правящих кругов на Востоке. [11]

Преследуя пропагандистские цели, реакционные английские историки (а после второй мировой войны — и американские) выдвигают два фальшивых тезиса: о «сверхагрессивности» России и «оборонительной» политике Англии в странах Востока и о продолжении Советским Союзом политики царской России.

Положение о «сверхагрессивности» России и «оборонительной» политике Англии в странах Востока стало отправным лунктом многих западных буржуазных исследователей. Они ссылаются при этом на «завещание Петра I» — фальшивку, впервые появившуюся во Франции во второй половине XVIII в., в которой Петру I приписывались фантастические планы захвата всей Европы, Османской империи, Ирана и Индии. В периоды обострения взаимоотношений между западными державами и Российской империей это «завещание» широко использовалось для пропаганды против русского

государства и обоснования тезиса о «сверхагрессивности» России. Этим сомнительным оружием часто оперировали апологеты и лроводники британской экспансии в странах Востока: Д. Уркварт{21}, Г. Раулинсон{22}, Д. Керзон{23}, П. Сайкс{24} и многие другие. После вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР в 1941 г. эта фальшивка распространялась и фашистской пропагандой.

Советские историки убедительно доказали научную несостоятельность мифа о «завещании Петра I», вскрыли его антирусскую направленность и политическую подоплеку спекуляций вокруг этого вопроса{25}. Однако эта легенда продолжает периодически появляться на страницах англо-американской печати, в книгах историков, в речах государственных деятелей. Именно стремлением всячески подчеркнуть «сверхагрессивность» России и одновременно оклеветать советскую внешнюю политику вызвано утверждение американского автора А. Лилиенталя, что со времен Петра I Россия, а затем СССР «неуклонно стремились» к захвату портов Средиземноморья и Персидского залива{26}. [12]

На сфабрикованных материалах типа «завещания Петра I» английская дипломатия и официальная историография 20–30-х годов XIX в. построила тезис о «русской угрозе» Индий и другим странам Востока и о чисто «оборонительном» характере внешней политики Англии в этом районе. Подобные взгляды лежат в основе почти всех английских исторических трудов XIX — XX Вв. по вопросам международных отношений на Востоке. Эти взгляды не претерпели почти никаких изменений до наших дней. Так, В. К. Фрэзер-Тайтлер вслед за Раулинсоном, Сайксом, Керзоном и другими, обосновывает всю колониальную политику Англии с начала XIX в. «агрессивными действиями России». Там, где он при всем желании не может обосновать тезис о прямой «угрозе», он выдвигает новое понятие «потенциальной угрозы»{27}.

Прикрываясь этой надуманной теорией, Фрэзер-Тайтлер изображает экспансионистские действия британских колонизаторов на севере Индии (захват Синда в 1843 г., Пенджаба в 1846–1849 гг., Кветты и Читрала в 1876 г., припамирских княжеств Хунзы и Нагара в конце 80-х — начале 90-х годов XIX в.) и агрессивные войны против Афганистана (1838–1842 гг., 1878–1880 гг., 1919 г.) в виде своеобразных «превентивных операций» Англии для обеспечения своих колониальных владений в Индии «от опасности с севера»{28}.

Фрэзер-Тайтлер и другие английские буржуазные историки, настойчиво твердившие об «угрозе Индии», умалчивали о том, что Индия уже была захвачена силой и превращена в английскую колонию, а ее население подвергалось беспощадной эксплуатации и ограблению.

Мнимое «завещание Петра I», которое ранее широко использовалось в Англии для оправдания ее «чисто оборонительной» империалистической политики в противовес «наступательной» политике России, после Октябрьской революции применяется для «доказательства» агрессивных намерений «большевиков» на Востоке; оно превратилось в орудие клеветы на внешнюю политику Советского Союза.

В наши дни версия о «сдерживающей роли Англии», якобы заинтересованной лишь в защите Индии и развитии экономических связей со странами Азии, выдвигается и американскими реакционными историками. Д. Ленцовский, например, утверждает: «В противоположность России, продвигавшейся на новые территории, Британия концентрировала свое внимание исключительно на достижении экономических выгод» и с [13] начала XIX в. «лишь оборонялась. Главной целью ее политики была защита Индии»{29}.

Аналогичные взгляды высказывала и Р. Л. Гривз, выпустившая книгу под тенденциозным названием «Персия и оборона Индии»{30}.

В действительности, в XIX в. отмечалась активная экономическая и военно-политическая экспансия Англии на Востоке, и Индию английская буржуазия не «защищала»,

а завоевывала и грабила. О тяжелой трагедии народов Индии написаны многие сотни статей и книг.

Так как Индия в период английского колониального господства служила важнейшей базой захватнической деятельности Британской империи в Азии, развитие международных отношений на Востоке привлекало и привлекает внимание национальной индийской историографии. После завоевания независимости в Индии опубликовано много ценных работ, использующих не привлекавшиеся ранее источники, доступ к которым в условиях колониального режима был затруднен. Труды индийских ученых по вопросам международных отношений на Востоке в XIX в. можно разделить на две группы: в одной продолжают господствовать некоторые традиционные мотивы британской буржуазной историографии; другая выдвигает концепцию, отличающуюся от «канонических» положений этой историографии.

К первой группе историков Республики Индии, воспринявших фальсификаторские утверждения английских авторов о русской «угрозе Индии» и «оборонительном» характере политики Великобритании в Азии, относятся Б. Прасад{31}, М. Чоудхури{32}, в меньшей степени — Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи{33}.

В то же время К. М. Паниккар, К. С. Менон, А. Ч. Капур занимают более правильную позицию. Они справедливо считают, что британская экспансия на Востоке имела вполне самостоятельный характер, а не являлась «ответной», оборонительной мерой{34}. Эти историки отмечают, что версия о «русской угрозе» послужила дымовой завесой, под покровом [14] которой правящие круги Великобритании проводили захватническую политику в Азии{35}.

Очень интересна небольшая, но содержательная работа индийского ученого К. С. Менона « «Русское пугало» и британская агрессия в Индии и за ее пределами»{36}. На основании английских документов Форейн оффис К. С. Менон убедительно доказывает, что шумиха о «русской угрозе» в течение длительного времени была блефом и служила ширмой, под прикрытием которой велась английская экспансия в странах Востока.

Важнейший ключ к трактовке исторических документов и пониманию подлинной сущности событий, а также определяющих мотивов в международных отношениях на Востоке дают произведения основоположников марксизма-ленинизма. Известные циклы статей К. Маркса и Ф. Энгельса об Индии, о «Восточном вопросе» помогают лучше уяснить политическую и социально-экономическую обстановку в странах Востока. Труды Ф. Энгельса «Положение рабочего класса Англии», В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» освещают важнейшие проблемы развития капиталистических отношений в Англии и Российской империи, основные предпосылки колониальной политики этих держав. Работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», «О сепаратном мире», «Тетради по империализму» способствуют определению места англо-русского соперничества в странах Востока в общем комплексе противоречий между капиталистическими: державами в их борьбе за рынки сбыта и источники сырья, особенно обострявшихся по мере развития в этих странах основных черт империализма. Исследование внешнеполитических проблем, как и вопросов внутренней истории, невозможно без тщательного изучения трудов классиков марксизма-ленинизма.

Источниками для разработки нашей темы послужили богатейшие документальные материалы государственных архивов: Центрального Государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА), особенно коллекции Военно-ученого архива (ВУА); Центрального Государственного исторического архива в Москве (ЦГИАМ), в котором следует на первый план (с точки зрения нашей темы) выделить личные фонды видных политических деятелей и представителей торгово-промышленных кругов

России; Центрального Государственного исторического [15] архива в Ленинграде (ЦГИАЛ); Архива внешней политики России (АВПР); Центрального Государственного архива военно-морского флота СССР (ЦГА ВМФ); Центрального Государственного исторического архива Узбекистана (ЦГИА УзССР). В последнем архиве, в частности, имеется фонд 716 — «Подготовительные материалы к публикации документов А. Г. Серебренникова «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания»». Это 70 объемистых томов содержательной, но малоизвестной публикации, составленной А. Г. Серебренниковым по архивным документам Петербурга, Москвы, Оренбурга, Тифлиса и Омска, т. е. городов, где находились государственные органы, связанные с политикой царского правительства в Средней Азии. Часть этой публикации издавалась ограниченным тиражом в Ташкенте в годы первой мировой войны, причем из 70 томов в 1912–1915 гг. было выпущено в свет лишь 14.

Эта коллекция, несмотря на некоторые существенные недостатки в подборе и археографической обработке документов{37}, очень ценна для исследования истории Средней Азии за период 1839 по 1876 г.

Среди других источников следует отметить материалы военного ведомства Российской империи, хранящиеся в Центральном Государственном военно-историческом архиве СССР, — Департамента Генерального штаба (ф. 38), Главного штаба (ф. 400), Военно-ученого комитета (ф. 401), коллекцию «Военные действия в Средней Азии» (ф. 483) и др. Военное министерство играло важную роль в планировании и проведении политики царского правительства в Средней Азии и поддерживало теснейший контакт с Министерством иностранных дел. Использование данных военного ведомства дало возможность уделить меньше времени работе над фондами Министерства иностранных дел, ибо бумаги дипломатических органов царского правительства, как правило, пересылались для сведения или согласования высшим военным руководителям Российской империи.

Особое значение имеют так называемые личные фонды — документальные материалы, «отложившиеся» в архиве того или иного государственного, военного или общественного деятеля, какой-нибудь «династии» помещиков, предпринимателей, торговцев либо отдельных представителей этих социальных слоев. Документы отдельных лиц, участвовавших в исторических событиях, дополняют материалы государственных учреждений и организаций, зачастую проливая новый свет на [16] истинную подоплеку различных событий и помогая глубже раскрыть их смысл.

Автор настоящего труда старался уделить больше внимания личным архивам, которые, к сожалению, мало использовались при изучении внешней политики царского правительства в Средней Азии. В работе над личными фондами встречаются серьезные трудности, так как эти материалы разбрр-саны по разным учреждениям. Поэтому далеко не всегда известно, где находятся документы того или иного исторического деятеля. Многие личные фонды хранятся в архивах, библиотеках и музеях, куда они попали подчас по каким-либо случайным причинам{38}.

Наряду с документами государственных архивов автором настоящей книги использованы также материалы Архива Академии наук СССР, Архива Всесоюзного географического общества (АВГО), Отдела письменных источников Государственного исторического музея СССР (ГИМ), Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (БЛ ОР).

Большой интерес для работы над темой представляют публикации в периодической печати того времени, которая широко освещала вопросы торговли и политики России в Средней Азии{39}.

Наконец, в данной работе использована многочисленная мемуарная литература, воспоминания участников военных походов и дипломатических миссий,

описания научных экспедиций [17] и путешествий. При всем субъективизме, присущем этим материалам, они зачастую содержат интереснейшие сведения, позволяющие лучше уяснить сложившуюся обстановку в России и странах Востока, позицию и взгляды того или иного политического или военного деятеля, ученого, дипломата, предпринимателя.

Таковы, например, мемуары Н. П. Игнатьева и Н. Г. Залесова об их поездке в Хивинское и Бухарское ханства, И. Ф. Бабкова о его службе в Западной Сибири, П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. А. Северцова, Ч. Ч. Валиханова и других о совершенных ими научных путешествиях по Средней Азии.

К перечисленным источникам необходим, конечно, критический подход. В особенности это относится к материалам военно-политических деятелей царизма и представителей торгово-буржуазных кругов, в которых обосновывалась «необходимость тех или иных военных походов в Средней Азии».

Интереснейшие проблемы политики России и других держав на Среднем Востоке, международные отношения в этой части земного шара в период так называемого «свободного капитализма» и империалистической стадии еще ждут своих исследователей. Важная и ответственная задача советских историков — разработка частных вопросов и создание обобщающих трудов, в которых была бы показана общая картина политики и взаимоотношений различных государств.

В обстановке распада колониальной системы и неуклонного роста авторитета СССР фальсификаторская концепция о «сверхагрессивности России» получила новое значение. Широкая морально-политическая поддержка Советским Союзом антиколониального движения сыграла важную роль в его успехах. Народы Азии и Африки, по достоинству оценивая политику страны Советов, видят в СССР верного друга в борьбе против империализма и колониализма. Мировая реакция стремится помешать развитию и укреплению дружественных связей между Советским Союзом и странами Востока. По мере сил этому помогает и реакционная буржуазная историография.

Идеологи «холодной войны» выдвинули фальшивый тезис о «советском колониализме», подняли шумиху о «коммунистической агрессии», о «преемственности» политики царского самодержавия и рабоче-крестьянского Советского правительства. Эта пропагандистская кампания, не имеющая под собой ничего, кроме провокационных, демагогических измышлений ее организаторов, используется прежде всего для «обоснования» захватнической деятельности да Востоке империалистических держав, в первую очередь США, и прямого вмешательства колонизаторов во внутренние дела независимых [18] государств Азии и Африки, для вовлечения их в военные блоки и установления над ними иностранного господства.

По поводу этих демагогических обвинений в адрес СССР глава Советского правительства Н. С. Хрущев сказал: «У Советского государства не было, нет и не может быть каких-либо захватнических намерений по отношению к другим странам... Цель нашей внутренней политики — единственная и главная — в том, чтобы создать жизнь, достойную лучших идеалов человечества. Цель нашей внешней политики — единственная и неизменная — предотвратить войну, обеспечить мир и безопасность для своей страны и для всех стран»{40}. [19]

## Глава I. Россия и международные отношения в Центральной Азии с начала XIX в. до Крымской войны

### Центральная Азия в первой половине XIX в.

С давних времен в Средней Азии существовали два ханства: Бухарское, в бассейне реки Зеравшан, и Хивинское, в нижнем течении р. Аму-Дарьи. В конце XVIII в. в Ферганской долине консолидировалось третье ханство — Кокандское. Ему удалось в начале XIX в. овладеть важным торгово-политиче-ским центром — Ташкентом, в то время самостоятельным городом-государством. Для подчинения кочевых казахских и киргизских племен кокандские власти создали цепь укреплений на р. Сыр-Дарье и в междуречье Сыр-Дарьи, Чу и Или. Твердо определенных границ среднеазиатские ханства не имели. В начале XIX в. в Средней Азии проживало 4 млн. человек; к середине века население увеличилось до 5 млн.: в Бухарском ханстве — около 3 млн., в Хивинском — около 0,5 млн., в Кокандском — около 1,5 млн. Наиболее густо были заселены небольшие по площади районы — оазисы и речные долины, особенно Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, Зеравшана, Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи. В долинах рек находились крупные среднеазиатские города: Ташкент (60–80 тыс. жителей), Бухара (около 70 тыс.), Коканд (30–40 тыс.), Самарканд (30 тыс.) и др.

Большую часть Средней Азии составляют полупустыни, пустыни и горы, где кочевали скотоводческие племена.

Национальный состав населения Средней Азии весьма разнообразен. В Бухарском ханстве жили в основном узбеки, таджики, туркмены; в Кокандском — узбеки, таджики, казахи и киргизы; в Хивинском — узбеки, туркмены, казахи и [20] каракалпаки; в городах жили также персы, евреи, арабы, цыгане, выходцы из Индии и Китая.

Все три ханства были экономически отсталыми феодальными государствами с пережитками рабовладельческого уклада (велась торговля невольниками — захваченными в плен персами, русскими солдатами и поселенцами, жившими в пограничных районах). В общественной жизни кочевников — туркмен, казахов, киргизов — были сильны пережитки родопле-менного уклада.

Основным занятием населения было скотоводство и земледелие, садоводство и огородничество. Выращивался хлопок местных коротковолокнистых сортов (гуза), годившийся лишь для выработки тканей низкого качества. Посевные площади под хлопком были ограничены, урожаи низки, и производство не удовлетворяло ни внутренний, ни внешней рынок{41}.

Среднеазиатские города были центрами ремесленного производства (особенно ткачества) и торговли. Хлопчатобумажные и шелковые ткани, изготовленные ремесленниками главным образом в Бухаре, Коканде, Ташкенте, Самарканде, Карши, Шахрисябзе, находили сбыт в различных странах Востока и в Российской империи.

Средняя Азия богата природными ресурсами. Издавна здесь было известно много месторождений полезных ископаемых, добывали золото, серебро, медь, железную руду, свинец, нефть (в основном для лекарственных нужд). В Шахрисябзе, Катта-Кургане, Гиссоре, Чуете, Намангане, Андижане лили чугун и медь, выделывали изделия из железа и серебра. Однако разработка полезных ископаемых велась кустарным способом, выплавленных из руд металлов не хватало, и изделия из них стоили гораздо дороже привозных, преимущественно из России.

Экономическое развитие Средней Азии встречало на своем пути серьезные трудности. Тяжесть налогов, которые взимались почти всегда натурой, обусловливала узость внутреннего рынка, задерживала процесс развития товарно-денежных отношений. Присвоение феодалами не

только прибавочного, но зачастую и необходимого продукта дехканского труда, дополнявшееся эксплуатацией дехкан ростовщическим капиталом, крайне тяжело отражалось на состоянии сельского хозяйства — основы экономики Средней Азии. В таком же плачевном состоянии находилось и ремесленное производство.

Тяжелый феодальный гнет, засилье ростовщиков препятствовали [21] росту ремесленного производства, его дальнейшему совершенствованию, увеличению выпуска продукции.

Оторванность от мирового рынка, господство феодально-патриархальных отношений, феодальная раздробленность мешали развитию экономики среднеазиатских ханств.

Кроме этих основных общих причин, развитие производительных сил Средней Азии тормозилось и другими факторами: длительными кровопролитными войнами между Бухарой и Хивой, особенно между Бухарой и Кокандом; внутриполитическими раздорами в ханствах, например в Бухаре эмиры упорно пытались восстановить былое влияние на левобережье Аму-Дарьи и силой подавить сепаратистские тенденции феодалов Шахрисябзского оазиса; в Коканде велась кровопролитная борьба различных группировок за власть; Ташкент стремился вернуть былую самостоятельность. Не меньшее значение имело и ожесточенное соперничество между узбекскими и туркменскими феодалами в Хиве, между узбекскими ханами и киргизской родо-племенной верхушкой в Коканде.

Для Средней Азии XVIII — XIX вв. характерно обострение классовой борьбы дехкан всех национальностей против суровой эксплуатации со стороны эмиров, ханов, беков, баев, биев и т. д. Антифеодальные народные восстания в ханствах не прекращались в течение всего этого периода.

Среди многих выступлений трудящихся Средней Азии против феодалов наиболее мощными были движение китайкип-чаков, одного из узбекских племен Бухарского ханства, в 1821–1825 гг. и массовое восстание самаркандских ремесленников в 1826 г. Острый характер имели также антифеодальные выступления дехкан и городской бедноты в Хивинском ханстве в 1827 г., 1855–1856 гг.; в Кокандском ханстве в 1814 г. (восстание в Ташкенте); в 1856–1858 гг. (в Южном Казахстане) и др.{42}.

В апреле 1858 г. кокандскими солдатами был взят в плен известный ученый-путешественник Н, А. Северцов. Когда его привезли в г. Туркестан (Южный Казахстан), там бушевало народное восстание. Восставшие казахские племена осадили Туркестан и Яны-Курган и длительное время успешно противостояли войскам Кокандского ханства{43}. Непосредственной причиной восстания, как писал Северцов, послужили «беззаконные поборы и грабительство коканских чиновников, особенно ташкентского бека»{44}. [22] Несмотря на свирепую расправу, народные массы снова и снова брались за оружие, принуждаемые к этому исключительно тяжелым экономическим и политическим гнетом{45}.

Дореволюционные авторы, призывая к поглощению ханств, привлекали внимание общественности к тому, «каким образом под влиянием кровавого деспотизма, суеверия... некогда считавшаяся колыбелью человечества великолепная Трансоксания обратилась в тот жалкий обломок, который представляет собой современное Бухарское ханство»{46}.

Хивинское правительство «слишком угнетательно, чтобы извлечь из щедрой природы те сокровища, которые она доставить может»{47}, — писал побывавший в Хиве в 1819–1820 гг. Н. Муравьев. Посетивший это же государство через 40 лет М. Г. Черняев отмечал: «Положение каракалпаков весьма бедственно, о чем можно заключить по их одежде, состоящей буквально из одних рубищ, а некоторые из них не имеют, чем прикрыть от палящего моя верхние части тела. Дети почти все нагие... Определенной

подати у них нет... Хивинцы берут с них все, что только могут»{48}.

Не лучше обстояло дело и в других ханствах. «Дурному управлению в Кокане не предвидится конца»{49}, — писал русский востоковед В. В. Вельяминов-Зернов, сообщая о «пагубной системе администрации», экономической и политической деградации этого государства. Примерно то же писал о положении в Бухаре один из членов приехавшего туда в 1858 г. русского посольства{50}.

Наряду с выплатой разнообразных налогов, размеры которых при отсутствии фиксированной системы налоговых обложений во много раз увеличивали сборщики податей, народные массы Средней Азии были вынуждены нести различные натуральные повинности: строить дворцы для феодальной знати и военные укрепления, чистить арыки, прокладывать дороги и т. п. Эти повинности зачастую совпадали с периодом сельскохозяйственных работ. Ханские чиновники насильственно сгоняли дехкан, «забивая палками до смерти» не выполнявших дневного задания{51}. Налоговый сбор всегда сопровождался [23] «злоупотреблениями, которых не чужд и сам правитель»{52}.

Эмиры и беки вершили суд и расправу «по произволу и всегда в пользу ханской казны»{53}. За незначительный проступок виновный мог лишиться всего имущества, которое конфисковывалось ханом или эмиром. Широко применялась смертная казнь, а также пожизненное заключение в подземных тюрьмах (зиндонах).

Так, бухарский эмир Мухаммед Рахим во время карательного похода в Гиссарскую долину в 1756–1758 гг. сложил в окрестностях Денау «минарет из голов» казненных им людей{54}.

Известный русский путешественник Филипп Назаров, побывавший в Средней Азии в начале XIX в., сообщал, что в 1814 г., после очередной попытки жителей Ташкента сбросить кокандское господство, в городе 10 дней продолжались массовые зверские казни{55}.

Феодальный гнет и произвол тормозили развитие экономики Средней Азии, но не могли помешать росту производительных сил. В первой половине XIX в. здесь намечается расширение товарно-денежных отношений, переход от натуральных иодатей к денежным налогам, увеличение товарности дехканского хозяйства, рост торговли{56}.

Средняя Азия вела торговлю с Россией и с соседними странами — Ираном, Афганистаном (а через него с Индией), с Китаем (Синьцзяном).

Среднеазиатские купцы часто и охотно посещали ярмарки в Нижнем Новгороде и в более близких городах — Троицке и Петропавловске. Долгое время Российская империя была важнейшим поставщиком промышленных товаров в Среднюю Азию, откуда, кроме товаров местного экспорта, в Россию шли также транзитные товары из Западного Китая, Афганистана и Индии. Первое место по товарообороту с Россией занимало Бухарское ханство.

Несмотря на оживленный и все более возраставший товарообмен между Российской империей и Средней Азией, их экономические и политические взаимоотношения не имели правовой основы, не были определены соответствующими договорами. Развитию торговли мешали различия денежных систем и мер веса, обилие таможенных пошлин, взимавшихся по пути [24] следования караванов, а также дополнительные обложения, которым подвергались купцы-немусульмане.

Кроме того, расширению торговли с Российской империей препятствовали бесконечные феодальные раздоры, междоусобицы и войны.

Сложившаяся здесь обстановка как нельзя лучше иллюстрировала известный вывод Ф. Энгельса: «...восточное владычество несовместимо с капиталистическим строем; извлеченная прибавочная стоимость ничем не обеспечена от хищных рук сатрапов и пашей; нет налицо первого основного условия буржуазного приобретения — обеспеченности личности купца и его собственности»{57}.

Подавляющее большинство русских путешественников, посетивших в этот период среднеазиатские государства, отмечали резко отрицательное влияние на торговлю произвола эмиров, ханов, беков.

14 ноября 1850 г. П. И. Небольсин писал из Оренбурга руководителям Русского географического общества, что вся торговля среднеазиатских ханств с Российской империей сосредоточена «в руках нескольких капиталистов, преимущественно лиц, имеющих участие в правлении, тогда как самый народ находится в крайнем угнетении и бедности». Небольсин подчеркивал, что зажиточные люди Бухары, Хивы и Коканда, занимающиеся торговлей, «скрывают достатки свои от владельцев, чтобы не затронуть их алчности и, в недобрый час, не быть ими ограбленными, потому что владельцы эти, нося громкие названия ханов и эмиров, суть деспоты, которые ничем себя не ограничивают и без всякого зазрения совести самопроизвольно располагают достоянием своих подвластных: там первый богач не может быть уверен, что он без всякой со своей стороны вины, без всякого суда и расправы, не лишится завтра всего своего имущества а не сделается буквально нищим». Автор призывал предпринимателей Российской империи «дать толчок нашей коммерции и распространить круг наших промышленных оборотов с народами Средней Азии»{58}.

Эти же взгляды П. И. Небольсин подробно развивал в своей книге «Очерки торговли России с Средней Азией». Чиновники эмира, собирая подати с недвижимого имущества и товаров, «производят поборы с купцов, с отдельных правителей, с богатых людей и вообще со всех тех, кого эмир захочет освободить от излишних, не нужных для простого подданного капиталов. Боязнь каждого капиталиста обнаружить настоящее [25] состояние своих сундуков заставляет каждого благоразумного бухарца жаться, прикидываться бедняком, обращать произведения своей земли в наличный капитал», не торговать на большие суммы и дробить выделенные для торговли средства «на самые мелочные куши»{59}.

О том же свидетельствовал и автор интересной статьи «О путях сообщения России с Средней Азией» Д. Долинский: «Достаточный азиатец скрывает свое имущество, прикидывается нищим, прячет даже порядочную одежду... из опасения, что его оберет владетель для удовлетворения каких-либо собственных своих политических целей или для прихотей. Малейшее возражение грозит виселицей»{60}.

«Прежде в Кокане, — отмечал находившийся там свыше месяца Д. Долгорукой, — как и в Бухаре, достаточно было прослыть богачом, чтобы подвергнуться смертной казни, причем имущество казненного отбиралось без всяких разговоров в пользу хана или эмира... По отсутствию ли капиталов или вследствие их сокрытия, больших операций и на наличные, при покупке заграничных товаров, в Кокане не делается»{61}.

Не случайно в записке «О Каспийских путях сообщения, и видах развития среднеазиатской торговли учреждением укрепленных факторий да восточном берегу моря», составленной в 1856 г. представителями торгово-промышленных кругов Российской империи, подчеркивалось: «С такими народами торговые сделки требуют особых условий и мер. Где нет ни закона, ни права, там нет собственности; поэтому в ханствах этих есть только торгаши, барышники, которые окупают и продают, что попадается под руку, только бы зашибить скорее копейку; этой системы держатся и ханы, они даже главные торгаши и вредные монополисты; перебивая выгодные сделки у своих подданных, они не довольствуются поборами и часто отнимают у них все состояние; это заставляет всех бояться расширять свою деятельность и зарывать в землю каждый рубль, нищенствовать, терпеть нужду и коснеть в вековых привычках ничтожества, ограничивая свою жизнь только необходимыми физическими потребностями»{62}.

Господствующие классы Российской империи стремились добиться более выгодных условий для торговли со среднеазиатскими ханствами. Царское правительство попыталось решить ату задачу политическим путем.

Между Россией и среднеазиатскими ханствами не [26] существовало налаженных дипломатических связей. В Средней Азии не было русских посольств или консульств, а в Российской империи — постоянных представительств среднеазиатских государств. Время от времени происходил лишь обмен миссиями. Так, в 1841 г. Хиву посетил капитан Никифоров, а в Бухаре побывала миссия во главе с К. Ф. Бутеневым. В 1842 г. в Хиву был послан полковник Г. И. Данилевский. В эти же годы в Россию приезжали хивинские послы Ваиз Нияз и Ишбай Бабаев, Мухаммед Эмин, представитель Бухары Худояр Клычбаев и др. Эти визиты, как правило, не приводили к подписанию каких-либо договоров или соглашений{63}.

Русско-бухарские и русско-хивинские отношения в первой половине XIX в. имели в общем мирный характер, если не считать мелких нападений на торговые караваны, инспирированных хивинскими властями, и неудачного военного похода В. А. Перовского на Хиву в 1839 г.

По-иному сложились взаимоотношения между Российской империей и Кокандским ханством. Попытки кокандского хана подчинить казахские племена противоречили интересам царского самодержавия, принявшего в русское подданство значительную часть казахов.

В течение первой половины XIX в. между Российской империей и Кокандским ханством шла упорная борьба из-за Казахстана. Войска Коканда были сосредоточены в Ташкенте и укрепленных пунктах: Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата, Пишпек, Токмак, Мерке и др. Вооруженные силы Российской империи наступали от Оренбурга к Аральскому морю и Сыр-Дарье и от Семипалатинска к оз. Балхаш и р. Или.

В продвижении в глубь Средней Азии важное значение для царского правительства имел захват низовьев Сыр-Дарьи. Здесь в 1847 г. было создано Раимское укрепление, впоследствии переименованное в Аральское. Войска оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского заняли крупную кокандскую крепость на Сыр-Дарье Ак-Мечеть (1853).

Вскоре после взятия Ак-Мечети была образована Сыр-Дарьинская линия военных постов, ставшая базой дальнейшего движения русских войск в глубь Средней Азии. Сыр-Дарьинская линия состояла из Аральского укрепления с соседними постами, среди которых был заложен близ р. Казалы форт № 1 (ныне г. Казалинск), форт № 2 на урочище Кармакчи, форт № 3 на р. Куван-Дарье, на месте бывшего кокандского поста Кош-Курган. Административным и военным центром [27] линии стала Ак-Мечеть, переименованная в форт Перовский (ныне г. Кзыл-Орда).

В эти же годы царские отряды продвинулись в глубь Казахстана и со стороны Западной Сибири. В 1847 г. часть Большой Орды, сохранявшая до того независимость, приняла подданство России. Среди кочевьев этой орды, у Семиреченского Улутау, было основано укрепление Копал. В начале 50-х годов XIX в. царские войска в Семиречье перешли через р. Или и заняли почти весь Заилийский край. Здесь, у селения Алма-Аты, в 1854 г. возникло укрепление Верное (ныне г. Алма-Ата). Оно стало опорным пунктом военных операций против Кокандского ханства. От Семипалатинска до Верного, почти параллельно Сыр-Дарьинской линии, протянулась цепь укрепленных постов на подступах к Средней Азии — Сибирская линия. В 1854 г. в Петербурге на заседании Особого комитета, в котором приняли участие высшие сановники, а также оренбургский и западносибирский генерал-губернаторы, было принято решение соединить эти линии.

Однако дальнейшее продвижение русских войск было прервано Крымской войной. Линии не были соединены; их

разделяло около тысячи километров территории, по которой кочевали казахские племена. Пользуясь отсутствием определенной, охраняемой границы, кокандские отряды вторгались в кочевья этих племен, собирали с них дань, отбирали скот, подстрекали к выступлениям против России. Царские войска в свою очередь предпринимали эпизодические походы против кокандских укреплений, разрушали их и возвращались на свои базы — Верное и форт Перовский.

Общая экономическая отсталость и политическая раздробленность среднеазиатских ханств обусловили военную их слабость. В. В. Вельяминов-Зернов, например, писал, что кокандский хан фактически не имеет войска: «Регулярной армии в Кокане не существует... Артиллерия у Кокандцев есть; но она так дурна, что едва ли можно назвать ее этим именем»{64}. То же можно сказать о бухарской и хивинской постоянных армиях, которые состояли из плохо обученных и плохо вооруженных сарбазов (солдат) в возрасте от 15 до 60 лет. В военное время обычно созывались народные ополчения: дехкан и ремесленников сгоняли на войну палками, как и на выполнение повинностей. Эти ополчения, понятно, без энтузиазма сражались за чуждые им интересы, за укрепление или расширение власти ханов, эмиров, беков и других местных деспотов. Регулярные войска были пригодны лишь для подавления народных восстаний или сепаратистских выступлений феодалов. [28]

* * *

Не менее острая обстановка сложилась к середине XIX в. в соседней со Средней Азией западной провинции Китая — Синьцзяне. Эта обширная провинция (свыше 1700 тыс. кв. км) была заселена народами тюркской группы: уйгурами (до 76 %), казахами, киргизами, узбеками, а также ханьцами, близкими к ним по языку дунганами (по-китайски хуэй-цзу), маньчжурами. Общая численность населения превышала 4 млн. человек.

До VIII в. Синьцзян входил в состав Китая. В период упадка Танской империи на территории Синьцзяна возникли различные самостоятельные феодальные государства. В XVII в. Синьцзян был покорен Ойротским ханством.

В 1758–1759 гг. войска утвердившейся в Китае маньчжурской династии Цин уничтожили Ойротское ханство. Они изгнали правившую «а значительной части Синьцзяна мусульманскую династию ходжей. Синьцзян снова стал частью Китая. Присоединение Синьцзяна к Китаю способствовало развитию местной экономики и росту торговли.

В Синьцзяне были развиты поливное земледелие и скотоводство; выращивались пшеница, кукуруза, рис, ячмень, хлопок. Из Синьцзяна вывозились в первую очередь зерно, фрукты, кожи, меха, а ввозились ткани (шелк, полотно), чай, фарфоровые изделия. Крупными центрами ремесленного производства и торговли были города Кульджа (Или), Чугучак (Тарбагатай), Урумчи (Дихуа) — в северной части Синьцзяна (Джунгарии), Аксу, Кашгар, Яркенд, Хотан — в южной части провинции (Кашгарии).

Непосредственное соседство Синьцзяна с ханствами Средней Азии и одинаковый уровень социально-политического, экономического и культурного развития народов этих стран способствовали установлению между ними тесных торговых взаимоотношений.

Долгое время при посредничестве мусульманских купцов поддерживалась торговля также между Синьцзяном и Россией, приносившая выгоду обеим сторонам. Синьцзян ввозил изделия металлургической и текстильной промышленности, а вывозил продукты скотоводства и грубую ткань (даба), находившую широкий сбыт среди казахов — подданных Российской империи. Однако нормальному развитию торговли между Россией и

Синьцзяном препятствовали отсутствие договоров, определявших условия экономических взаимоотношений, произвол местных властей и особенно — острая классовая и политическая борьба, происходившая в Синьцзяне в конце XVIII — первой половине XIX в. [29]

Как и в остальном Китае, режим суровой эксплуатации и угнетения, установленный феодальной кликой, вызывал острое недовольство народных масс Синьцзяна. Как свидетельствует современный китайский историк Фань Вэнь-лань, население Синьцзяна страдало от гнета Цинской династии «значительно больше, чем национальные меньшинства Внутреннего Китая»{65}.

Цинские правители захватывали земли в Синьцзяне, частью предоставляя их во владение феодалам, частью передавая на кабальных условиях крестьянам, «становящимся, таким образом, в феодальные арендные отношения с государством, олицетворяющим и представляющим интересы класса землевладельцев-феодалов, начиная с богдыхана — первого помещика в империи Цинов, и кончая туземным беком»{66}.

Местное население грабили и ростовщики и чиновники{67}. «Беки любят наживаться насилием, — цитировал известный русский ученый Н. Я. Бичурин отрывок из книги «Си-юй-вынь-цзянь-лу», характеризуя тяжелый гнет синьцзянской администрации, — теснят слабых. Если бедный скопит сколько-нибудь имущества, то и стараются высосать оное, почему в стране достаточных домов нет»{68}.

Цинские чиновники, опиравшиеся на местную знать, облагали трудящиеся массы Синьцзяна всевозможными поборами, заставляли выполнять различные феодальные повинности.

Н. Ф. Петровский, проведший много лет в Кашгаре на посту русского генерального консула, писал в «Записке о современном положении в Восточном Туркестане», ссылаясь на китайского историка Вэй Юаня, что маньчжурские чиновники, не брезгуя никакими средствами, произвольно облагали население чрезмерно высокими податями. В отдаленном Синьцзяне они грабили население, не боясь ни контроля, ни ответственности. Государственная казна получала не более 20% того, что взималось с населения{69}.

Экономический и политический гнет усугубляли национальные противоречия между уйгурским крестьянством и маньчжуро-китайскими феодалами. В конце XVIII — первой половины XIX в. в Синьцзяне неоднократно вспыхивали народные волнения и восстания, охватывавшие обширную территорию.

За развитием событий в Западном Китае, особенно в [30] Кашгарии, внимательно следили потомки династии ходжей, обосновавшиеся в соседней Ферганской долине, в Кокандском ханстве. Они поддерживали тесную связь с мусульманским духовенством, вели антиманьчжурскую агитацию, возглавляли вооруженные отряды, вторгавшиеся в Синьцзян и принимавшие активное участие в местных восстаниях.

Еще в 1763 г. ходжа Сарымсак пытался восстановить в Кашгарии власть династии ходжей. Подобные попытки предпринимались и в дальнейшем: в 1826–1827 гг. (восстание Джехангир-ходжи), в 1830 г. (вторжение кокандских войск в Кашгар).

Ходжам порой удавалось добиться временных успехов, но в конечном итоге побеждала Цинокая империя. Этому немало способствовало то, что режим феодальной эксплуатации, устанавливавшийся ходжами, ничем не отличался от гнета маньчжуро-китайских феодалов. Вооруженная борьба между этими двумя группировками лишь подрывала экономику Синьцзяна.

Стремясь положить конец вторжениям ходжей и привлечь на свою сторону кокандского хана Мадали, маньчжурское правительство в 1831 г. заключило с ним соглашение, по которому в пользу Кокандского ханства поступали пошлины со всех товаров, привозившихся в Южный Синьцзян из-за границы. В свою очередь Мадали

обязался установить надзор над ходжами и препятствовать их поездкам в Кашгарию. Для сбора пошлины в основных городах юга Синьцзяна (Аксу, Кашгар, Яркенд, Хотан, Янгигисар, Учтурфан) были поселены кокандские аксакалы (старосты, старшины).

Соглашение 1831 г. усилило влияние Коканда в Кашгарии. Для маньчжурских властей это было меньшим злом. Однако, когда крестьянские волнения в Кашгаре совпадали с обострением политических и социальных противоречий в Коканде, ходжам обычно удавалось уходить из-под надзора и добираться до Синьцзяна. Используя народное движение против, маньчжурских феодалов, ходжи порой подчиняли Синьцзян (например, в 1847 г.).

Классовая и межфеодальная борьба в ханствах Средней Азии и в Синьцзяне препятствовала развитию их экономических связей с соседними странами и прежде всего с Россией.

## Торговля России с Центральной Азией

В первой половине XIX в. процесс разложения феодально-крепостнического хозяйства России являлся одновременно процессом складывания новых, капиталистических отношений. Расширялось мелкое товарное производство, кустарная [31] крестьянская промышленность постепенно заменялась капиталистической мануфактурой, которая в свою очередь уступала место фабрике, крупной машинной индустрии.

1804 по 1825 г. число промышленных предприятий увеличилось с 2402 до 5261, а к 1860 г. возросло до 15388. Соответственно расширялось и число занятых рабочих: 1804 г. — 95,2 тыс., 1825 г. — 210,6 тыс., 1860 г. — 565,1 тыс.{70}.

Быстрее всего развивалась хлопчатобумажная промышленность, распространенная главным образом в центральном районе Европейской России; слабее — тяжелая промышленность, особенно металлургия. В ее развитии Россия серьезно отставала от передовых стран Западной Европы (и в первую очередь от Англии). Поэтому Российская империя на мировом рынке выступала по отношению к Европе в основном как поставщик сельскохозяйственного сырья.

В период интенсивного развития капитализма для России чрезвычайно важное значение приобретала проблема рынков сбыта, так как узкий внутренний рынок удовлетворял не полностью потребности промышленности.

В классической работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин указывал на две стороны процесса образования рынка для капитализма: развитие капитализма вглубь и вширь, т. е. распространение его господства на новые территории: «...капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран...», — отмечал он. «Фабрикантам нужен рынок немедленно, и если отсталость других сторон народного хозяйства суживает рынок в старом районе, то они будут искать рынка в другом районе или в других странах...»{71}.

Царское правительство и ведущие торгово-промышленные круги страны внимательно изучали вопрос о рынках сбыта и источниках сырьевых ресурсов. Эта проблема тщательно и всесторонне разрабатывалась виднейшими экономистами и представителями деловых кругов Российской империи.

Авторы подавляющего большинства работ, посвященных внешней торговле, сходились на мысли, что России трудно конкурировать с более развитой промышленностью капиталистических государств Запада; соседние же страны Востока, более отсталые, чем царская Россия, могут стать рынком сбыта русских товаров. Многочисленные данные, подтверждавшие это положение, собраны в работе А. А. Семенова «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности [32] с половины XVII-го столетия по 1868

год». Этот объемистый труд, содержащий огромный фактический материал, — своеобразная энциклопедия торговли и промышленности России за сто лет, в течение которых в стране формировался капиталистический уклад.

С 30-х годов XIX в. резко сократился экспорт из России холста (в среднем на 360 тыс. руб в год) при одновременном падении на него цены. Две трети этого товара вывозилось ранее в Соединенные Штаты Америки, но в 50-х годах XIX в. русский холст стал постепенно вытесняться английским и немецким. «...Это подтверждает невозможность теперь нам выдержать соперничество с льняными иностранными изделиями, при употреблении там машинной пряжи...» — заключал А. А. Семенов{72}.

Экспорт льняной и пеньковой пряжи стал «ничтожен в сравнении с отправлением из Великобритании, где машинное прядение сделало в новейшее время значительные успехи. Вывоз английской машинной пряжи, вырабатываемой большей частью из русского льна, простирался уже около 1850 г. до 500 тыс. пудов на 5 ½ млн. руб, сер. и потому при возрастающем употреблении машинной пряжи наша ручная не может с ней соперничать ни в дешевизне, ни в доброте, хотя и теперь до сравнению цен пряжи пеньки и льна излишек, остающийся за прядение, ничтожен и не вознаграждает труд работника»{73}.

Аналогичное положение сложилось и в торговле полотняными изделиями. Русское полотно, основным рынком сбыта которого также были США, начало вытесняться английским; кроме того, «возникает совместничество и в Соединенных Штатах, где поощряются собственные фабрики к выделке этого рода изделий...»{74}. В результате вывоз полотна в США за 20 лет сократился более чем на две трети, а общий объем торговли сократился более чем на 25% по сравнению с 1833–1835 гг.

Не лучше было и с вывозом металла и металлических изделий. Если во второй половине XVIII в. «заграничный отпуск» этих товаров неуклонно возрастал (в 1749 г. — около 579 тыс. пудов, в 1790–1792 гг. — 2581 тыс. пудов), то в начале XIX в. он стал сокращаться (в 1802–1804 тт. — 2200 тыс пудов). В дальнейшем вывоз железа быстро падал, ибо «обширное развитие железного производства в Англии... дешевизной своей вытеснило русокос железо на иностранных [33] рынках»{75}. К этой конкуренции затем прибавилось не менее опасное соперничество шведских и североамериканских предпринимателей. Упал вывоз меди в Англию и Францию, где ее стала заменять более дешевая медь английского производства.

А. А. Семенов видел выход из этого угрожающего для русской торговли и промышленности положения в максимальном удешевлении производства, расширении внутреннего потребления, а также использовании в качестве внешнего рынка сбыта Средней Азии. «Несомненно, товары наши до сих пор не могут соперничать с изящными иностранными изделиями, — писал он, — но мы имеем в отечестве нашем при населении 60 млн. жителей и в Средней Азии обширный рынок для сбыта наших льняных, бумажных, шелковых, металлических и других изделий, а сукна и шерстяные ткани удовлетворяют требованию людей и высшего класса; следовательно, можно надеяться, что при умеренной охранительной системе нового тарифа, если наши фабриканты будут стараться вводить на своих фабриках усовершенствованные способы производства по примеру иностранных, то мы в состоянии будем продолжать и на будущее время с успехом нашу фабричную деятельность»{76}.

Если на европейских рынках Россия выступала преимущественно как поставщица сельскохозяйственного сырья, то на рынках Азии она была экспортером металла, металлических и текстильных изделий, выделанных кож и т. п.

В середине XIX в. в Азию, главным образом в Среднюю Азию, вывозилось до 60% всего металла, который экспортировался Российской империей{77}.

Еще в 1836 г. по распоряжению Николая I был учрежден особый комитет для рассмотрения предположений о торговых сношениях России с Азией. В него вошли члены Государственного совета, военный министр, министры иностранных дел и финансов, главноначальствующий путями сообщения и ответственные сотрудники департамента экономии. На заседаниях комитета изучались проблемы расширения экономических связей с Ираном, азиатской Турцией и другими соседними странами Востока{78}.

В том же 1836 г. специалист по торговле с Азией генерал А. И. Веригин требовал обеспечить беспрепятственные экономические связи со среднеазиатскими ханствами, где России не пришлось бы испытывать конкуренции с державами Европы. [34] «...Приведя в безопасность торговлю нашу в Средней Азии, мы приобретаем со временем легчайший способ вознаграждать те потери, которые вынуждены сносить по европейской торговле...»{79}, - утверждал он.

В 1843 г. орган торгово-промышленных кругов — «Журнал мануфактур и торговли» подчеркивал заинтересованность России и среднеазиатских ханств в раавитии тесных экономических связей, а также зависимость хозяйственной жизни Средней Азии от поставок из Российской империи металла, юфти, и других товаров.

«...С умножением населения потребность этих материалов год от году будет увеличиваться, следственно, будет увеличиваться и зависимость Хивы и вообще оседлых народов Средней Азии от России. Чугун и железо доселе, по крайней мере, могли быть доставляемы в Среднюю Азию только из России.

Свои же произведения, как то: хлопчатую бумагу, бумажные изделия, разного рода плоды и пр., Хивинцы могут сбывать только нам; не могут сбывать их ни в Персии, ни в Бухаре, ни Афганцам, и для покупки необходимых им материалов из России нуждаются в сем сбыте; посему в тортовом отношении Хивинцы в совершенной зависимости от России»{80}.

Эти взгляды разделял и Г. И. Данилевский, который в 1843 г. посетил Хиву с дипломатической миссией{81}.

В 1849 г. видный географ и путешественник П. А. Чихачев отмечал важное значение для Российской империи среднеазиатской торговли, которая в отличие от торговли с другими странами Востока не находится под угрозой «англо-американского совместничества», т. е. соперничества. Он писал: «Увеличение нашей меновой торговли с народами Аральского бассейна, столь естественной и взаимовыгодной; развитие нашей мануфактурной и заводской промышленности и усиление потребностей в приобретении азиатской хлопчатой бумаги и марены; недавнее открытие каменного угля на Мангишлаке ж близ Астрабада, который может придать сильное движение пароходству Волги и Каспийского моря, а со временем развить его на водах Арала и впадающих в него рек, — все эти разносторонние обстоятельства и многие другие, едва мелькающие теперь на горизонте практического мира, могут сделаться значительными. Они показывают, сколь важно ныне же, [35] заблаговременно, изучить хоть географию этих стран вплоть до вершин Сыр и Аму-Дарьи»{82}.

Чихачев предвидел, что проникновение Англии и Соединеных Штатов Америки в Китай приведет к ослаблению русско-китайских торговых связей. Он заявлял поэтому о необходимости «искать новых рынков, более удаленных от моря, где можно будет обменивать наши мануфактурные и заводские изделия на китайские продукты без опасения английского или американского совместничества».

«Притом, — продолжал Чихачев, — торговля наша вообще с оседлыми жителями Средней Азии, занимающимися земледелием, совершенно натуральна. Этим жителям необходимы для их земледельческих работ и копания каналов: сошники, бороны, лопаты, мотыга, котлы

и вообще разные железные, чугунные и мануфактурные изделия, которые они могут получать выгодно только из России и взамен давать нам хлопчатую бумагу, марену и некоторые другие произведения»{83}.

Учитывая все изложенное, он настаивал на детальном изучении «взаимных коммерческих потребностей», «способов доставки» и путей движения предметов среднеазиатской торговли{84}.

Благоприятную для России специфику экономических связей со странами Средней Азии отмечали многие современники Чихачева. Известный востоковед Я. В. Ханыков в «Пояснительной записке к карте Аральского Моря и Хивинского Ханства...» (1850 г.) подчеркивал, что торговые отношения Российской империи со среднеазиатскими ханствами «принадлежат к числу тех редких в нашем отечестве заграничных оборотов, в коих отпуск выделанных товаров слишком вдвое превосходит привоз таковых изделий, тогда как, напротив, по европейской торговле привозится обработанных товаров в четыре раза больше, чем отпускается из России...»{85}. Среднеазиатская торговля, отмечал Ханыков, за истекшие 75 лет увеличилась в 13 раз. В слаборазвитые заволжские области России нахлынули торговцы, деятельность которых способствовала развитию «местной торговой предприимчивости». Поскольку экономические отношения со Средней Азией имеют первостепенную государственную важность, для их расширения нужно создатъ наиболее благоприятные условия{86}. [36]

Г. П. Небольсин, автор опубликованного в 1850 г. двухтомного «Статистического обозрения о внешней торговле России», на основании многочисленных конкретных данных убедительно показал прогрессировавшее отставание России от передовых в техническом отношении стран Европы и Америки.

Он, как и А. А. Семенов, писал, что русский экспорт железа в США и западноевропейские государства сокращается из-за конкуренции Швеции и Великобритании и производства железа в самих Соединенных Штатах{87}. На Ближнем Востоке русское железо вытесняется английским, которое стоит дешевле и «доставляется в разнообразных видах»{88}. Что же касается рынков так называемой внутренней Азии, то они значительно перспективнее для железоделательной промышленности Российской империи, так как русские товары не встречают «иноземного соперничества по торговле железом».

«Исследования наши по торговле русским железом приводят к заключению, — писал Г. П. Небольсин, — что ныне нельзя ожидать приращения его сбыта в Европе и Америке и что только вывоз его в Азию еще может увеличиться»{89}.

Небольсин отмечал, что не лучше обстояло дело и с экспортом текстильных товаров. Не имея возможности сбывать их в Европу и Америку, Россия «открыла сбыт произведениям своей бумажной фабрикации на азиатских рынках; в новейшее время особенно увеличился вывоз этих изделий в Китай и составляет более половины всего отпуска их в нашей азиатской торговле»{90}.

Однако на рынках некоторых стран Азии в 30-х годах XIX в. позиции русской торговли хлопчатобумажными тканями стали ослабевать. Это объяснялось тем, что в эти годы предприниматели Западной Европы (преимущественно английские) проложили новый путь своим изделиям: по Средиземному и Черному морям — до Трапезунда, а оттуда через Эрзурум — в Северный Иран. Использование этого пути сокращало сроки и стоимость доставки товаров{91}.

Под натиском более дешевых европейских и американских хлопчатобумажных товаров, особенно с развитием «трапезундской торговли», сокращался вывоз этой продукции из России в Иран.

Через Мешхед английские ситцы начали проникать и в [37] Бухарское ханство, но их сбыт там в ту пору был «маловажен и еще не представлял опасного соперничества для русских изделий», как констатировал Г. П. Небольсин,

считавший, что «виды на сбыт» русских бумажных товаров «по азиатской торговле должны обратиться преимущественно к Средней Азии, потому что в других азиатских землях они уже встречают соперничество европейских бумажных товаров»{92}. Он советовал русским промышленникам глубоко и всесторонне изучать вкусы и нужды потребителей в Средней Азии, что должно было способствовать расширению экспорта товаров из России{93}.

Подводя итоги, Г. П. Неболсин писал: «Разделение внешней торговли России на европейскую и азиатскую не должно принимать за одно только географическое распределение главных ее отраслей. Этим разделением резко обозначается различие торговых отношений России к Западу и Востоку, различие, выражающее собой потребности и состояние ее внутренней промышленности, отличительные свойства ее внешней торговли.

Пропорция вывоза хлеба, разных сырых продуктов и полуобработанных материалов доходит по европейской торговле до 96%, а на долю изделий приходится только 4%, тогда как в азиатском торге изделия составляют почти три пятых или 60 процентов всей суммы отпуска.

Итак, в своей отпускной торговле Россия является земледельческим государством в отношении к Западу и мануфактурным в отношении к Востоку, но превосходство нашей европейской торговли над азиатской показывает, как велик в России перевес земледельческой промышленности над мануфактурной...

Нынешнее состояние нашей внешней торговли обнаруживает, с одной стороны, что в России земледельческие промыслы служат главным источником народного богатства, а с другой, что Россия уже подвигается на поприще мануфактурной «промышленности, и сбыт сырых продуктов на Западе доставляет взамен их необходимые ей материалы, между тем как потребление ее изделий на Востоке поддерживает нашу азиятскую торговлю»{94}.

И, наконец, «в Средней Азии еще поддерживается сбыт наших мануфактурных товаров, но в Северной Персии и в «Азиятской Турции русские изделия встречают соперничество европейских товаров...»{95}. [38]

Видный дореволюционный экономист Ф. Г. Тернер в своей книге «Движение внешней торговли России с 1853 по 1856 г. писал, что сбыт российских промышленных изделий сокращается на Западе, но растет на Востоке. Для примера он проанализировал статистику торговли металлом и металлическими изделиями. В течение десятилетия (1842–1852) из России в страну Европы вывозилось в среднем 550 тыс. пудов в год по сравнению с 1200 тыс. пудов в 1827–1836 гг; экспорт уменьшился на 55% «Между тем как отпуск нашего железа на Запад все более и более падал, — подчеркивал Ф. Г. Тернер, — сбыт его несколько увеличился на Востоке»

Если в 1822–1826 гг. в страны Азии вывозилось в среднем около 172 тыс. пудов в год, то в 1850 г. — 238,5 тыс. пудов, а в 1855 г. — почта 250 тыс. пудов. «В 1854 г., во время совершенного упадка вывоза в Европу железа, количество отпуска оного в Азию увеличилось на 40 тыс. пудов или на 18 процентов»{96}.

Тернер в своих расчетах не учитывал, что 1854 г. — это период Крымской войны, когда увеличилось потребление металла внутри страны и сократился вывоз его в страны Европы. Тем не менее отмеченная им общая тенденция, безусловно, справедлива: для западной торговли России промышленными изделиями — это тенденция уменьшения, а для восточной — тенденция роста.

Программа развития экономических связей России со странами Средней Азии была сформулирована уже упоминавшимся выше действительным членом Руского географического общества П И. Небольсиным, который в 1850 г., по поручению общества совершил поездку в Оренбургский край и прикаспийские области «для собирания разных сведений по торговле». В письме из Оренбурга от 22 мая М. Н. Муравьеву, одному из

руководителей общества, он высказывался за проведение активной политики в Средней Азии{97}. В ноябре того же года П. И Небольсин представил проект развития русской торговли со Средней Азией, предусматривавший поворот рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи в Каспийское море{98}. Естественно, что подобный проект в тот период был абсолютно нереален{99}. Однако появление такого проекта свидетельствовало о настойчивых поисках самых разнообразных способов и методов [39] расширения торгово-экономических связей между Российской империей и среднеазиатскими ханствами.

В дальнейшем, обработав материалы, собранные во время поездки в Оренбург и в прикаспийские районы, П И. Небольсин подготовил капитальный труд — «Очерки торговли России с Средней Азией», отмеченный Демидовской премией Руского географического общества. «Мы шлем в Среднюю Азию такого рода товары, — писал автор, — которые в целом Туране составляют предметы первых, самых необходимых потребностей всего народонаселения. Именно от нас идут туда золото, серебро, медь, чугун, железо, разного рода металлические поделки, кожи, краски, сахар, сукна, ситцы и всякие бумажные, а частию шелковые изделия... Наших товаров, каковы металлы, юфть, сукна и ситцы, Средней Азии трудно получить по нашим ценам от какой-либо другой страны.

Что касается до товаров, получаемых в обмен из Средней Азии, то естественные богатства центрального рынка Средней Азии, Бухары, состоят теперь пока только в хлопчатой бумаге, в шелке, в марене, в садах и богатых виноградниках и, наконец, в произведениях скотоводства и звероловства»{100}.

Хотя доля торговли со Средней Азией (включая а Казахстан) в 50-х годах XIX в. в общем обороте русской внешней торговли была сравнительно невелика (немногим более 2,5%) {101}, она могла быть, по мнению правительственных и деловых кругов Российской империи, значительно увеличена.

Необходимость расширения торговли с ханствами Средней Азии вызывалась ухудшением условий торговли России с Китаем. Не случайно Г. П. Небольсин уже в 1850 г. высказывал предположение, что с открытием северных портов Китая расширится привоз туда хлопчатобумажных изделий Великобритании и Соединенных Штатов. «В Китае до сих пор они сбывались только через Кантон и по отдаленности доставки не могли иметь большого расхода в Северном Китае, оттого соперничество их не было там ощутительно для русских бумажных изделий. Ныне оно угрожает им в сильной степени, потому что через новооткрытые для европейской торговли китайские порты может распространиться употребление английских бумажных изделий в северных областях Китая».

Г. П. Неболсин подчеркивал, что Англии, «располагающей миллионными капиталами и неистощимыми механическими [40] силами, не трудно будет вытеснить наши бумажные изделия из Китая... Кроме Великобритании, в новейшее время Соединенные Штаты значительно умножили обыт своих бумажных изделий в Кантоне и, конечно, также примут деятельное участие в торговле с северными портами Китая; таким образом, нельзя не опасаться, что со временем отпуск наших бумажных товаров через Кяхту может потерпеть ощутительный ущерб»{102}.

К таким же выводам в отношении Ирана и Средней Азии приходил и И. Жуковский, автор заметки «Азия». Он указывал на увеличение вывоза английских товаров из Индии в Среднюю Азию. «...Русские товары в Персии и Бухаре, — опасался Жуковский, — подвержены той же участи, как и на всех европейских рынках, и Россия может удержать за собой монополию только теми предметами, которые не доставляются другими европейскими народами». Жуковский призывал в связи с этим изменить систему торговых отношений с Азией{103}.

Оживленные торговые связи России с Синьцзяном в XVII — XVIII вв. сократились «а рубеже XVIII и XIX вв.,

после того как маньчжурское правительство закрыло северо-западные границы Китая для русских купцов. Товары из России могли проникать в Западный Китай лишь при посредничестве среднеазиатских торговцев.

Царское правительство длительное время безуспешно пыталось открыть границу для нормального товарообмена (посылка в Китай миссии Ю. Головкина в 1805 г., поездка на р. Или переводчика Путинцева в 1811 г.). Восстановление прямой торговой связи России с Синьцзяном было одной из важных задач внешней политики царского правительства в этом районе, особенно в связи с продвижением войск Российской империи в глубь Средней Азии со стороны Западной Сибири.

Во второй трети XIX в. русско-китайские отношения резко изменились. Нанкинский трактат (1842 г.), навязаный Англией Китаю, положил начало серии неравноправных договоров», которые Китай был вынужден заключить с капиталистическими державами. Резкое ослабление «Небесной империи» в борьбе с ними и развивавшийся кризис феодальной маньчжурской династии заставили китайское правительство пойти на уступки в отношении русской торговли в Синьцзяне.

Вопрос о возобновлении экономических связей с Западным Китаем рассматривался в Министерстве финансов, а затем и в Министерстве иностранных дел, которое, по свидетельству известного востоковеда Н. Веселовского, «очень чутко относилось к торговым предприятиям нашего купечества, всеми способами [41] старалось поддержать его стремление к завоеванию новых рынков и не могло остаться безучастным в данном случае»{104}. В 1845 г. северную часть Синьцзяна — Кульджинский край посетил под видом купца сотрудник Министерства иностранных дел Н. И. Любимов, впоследствии директор Азиатского Департамента этого министерства. Вернувшись из Китая, он указывал на важность и выгоды развития торговых отношений с Синьцзяном, но призывал обеспечить безопасность проезда в Западный Китай, заключить торговый договор с китайскими властями и добиться пересмотра торговых пошлин.

Постепенно улучшались условия проезда русских купцов в Синьцзян, особенно в его северную часть. В конце 40-х годов XIX в. продвижение Российской империи в Среднюю Азию со стороны Западной Сибири велось особенно настойчиво. В 1846–1847 гг. у подножья Семиреченокого Улутау было основано укрепление Копал. В 1850–1854 гг. был присоединен Заилийский край, а в 1854 г. основано поселение Верное — военный и административный центр этого края. Царские войска продвигались к берегам оз. Иссык-Куль. К этому времени серьезно возросли стремления правительственных и торговопромышленных кругов России к укреплению экономических и политических отношений с Китаем и его западной провинцией.

Царское правительство отправило в Кульджу полковника Ег. П. Ковалевского, поручив ему вести переговоры о заключении торгового соглашения. В 1851 г. Ковалевским, с одной стороны, и китайскими сановниками И Шанем и Бу Яньтаем — с другой, был подписан Кульджинский трактат. Этот договор предусматривал открытие в городах Синьцзяна — Или (Кульджа) и Тарбагатае (Чугучак) русских консульств и факторий, введение беспошлинной меновой торговли, а также установление непосредственной связи между Россией и Китаем через губернаторство Западной Сибири и Илийское главное управление.

Первая статья трактата подчеркивала стремление обоих государств к дальнейшему развитию «взаимной дружбы двух держав»{105}. Царское правительство предоставило льготы русским и восточным купцам, торговавшим с Синьцзяном, в частности им гарантировалась восьмимесячная отсрочка в выплате пошлин при перевозке товаров через границы России{106}. [42] Согласно Кульджинскому договору в города Синьцзяна

были направлены русские консулы Захаров и Татаринов, владевшие китайским языком.

Кульджинский трактат способствовал оживлению и расширению экономических связей между Россией и Синьцзяном.

«Удачным заключением этого трактата, — писал генерал И. Ф. Бабков, — Е. П. Ковалевский как бы указал на неотложную необходимость прочного занятия нами Заилийского края и водворения в среде киргиз Большой и Дикокаменной орды надлежащего порядка и спокойствия, которые могли бы обеспечить беспрепятственное следование торговых караванов в пределы Западного Китая через земли, занятые этими киргизами. С этой точки зрения Кульджинский трактат имеет важное значение не только в торговом, но и в политическом отношении, послужив энергичным побуждением к продолжению наступательного движения в глубь Средней Азии...»{107}.

«Правила для торговли с Западным Китаем», подписанные министром иностранных дел Нессельроде и утвержденные 5 февраля 1852 г. царем, воспрещали вывоз в Синьцзян золота, серебра и кредитных билетов, огнестрельного оружия и пороха. Специальная статья налагала категорический заирет на ввоз в Китай опиума{108}. Последнее обстоятельство следует особо подчеркнуть, ибо именно в эти годы правящие круги Англии и Франции развязали против китайского народа вторую «опиумную» войну.

Иначе действовало в этот период царское правительство, добивавшееся своих целей без применения силы. Инструкция Министерства иностранных дел России консулу в Синьцзяне, утвержденная 19 февраля 1852 г., обязывала консулов «делать приезжающим в Западный Китай для торговли русским подданным постоянное внушение, чтобы они, находясь в чужой земле, вели себя сколько возможно благоприличнее»{109}.

После заключения Кульджинского договора резко возрос вывоз русских товаров в Синьцзян{110}: в 1850 г. на 39 тыс. руб., в 1851 г. на 42 тыс., в 1852 г. на 63 тыс., в 1853 г. на 106 тыс., в 1854 г. на 241 тыс. руб.

Экспортировались главным образом хлопчатобумажные и шерстяные ткани, листовая медь, железо, металлические и кожевенные изделия. Из Синьцзяна вывозились различные сорта чая, даба. [43]

Однако с 1855 г. русская торговля в Синьцзяне начала сокращаться. Это было вызвано внутриполитической обстановкой в Китае. Антифеодальная крестьянская война, охватившая эту страну с начала 50-х годов XIX в., привела к созданию на значительной ее части государства тайпинов. На окраинах Китайской империи развернулись вооруженные выступления национальных меньшинств, также боровшихся против маньчжуро-китайских феодалов. В этой войне приняло участие население провинции Ганьсу, через которую проходили торговые пути из центральных районов Китая в Синьцзян. Сократилось количество китайских купцов, приезжавших для торговли в Кульджу и Чугучак. В Синьцзяне участились случаи ограбления торговых караванов. Поэтому купцы из Восточного и Южного Китая резко сократили закупку русских товаров. Основными их покупателями выступили синьцзянские торговцы и приезжавшие сюда купцы из среднеазиатских ханств. Русские изделия стали вытеснять на рынках Синьцзяна товары из собственно Китая. Тогда торговцы из Восточного и Южного Китая в 1854 г. организовали нападение на факторию в Чугучаке и сожгли ее. Русская торговля в этом городе прекратилась до 1858 г.; вывоз товаров из России в Синьцзян резко сократился: до 71 тыс. руб. в 1855 г. и до 60 тыс. руб. в 1856 г.{111}.

К тому же в южной части Синьцзяна — Кашгаре вскоре началось новое антифеодальное восстание. Как сообщал в Петербург в августе 1857 г. русский консул в Кульдже Захаров, общий финансовый кризис вынудил маньчжурское правительство сократить жалованье чиновничьему аппарату «и предоставить местным начальствам местными же средствами содержать и

управление. Вследствие того с туркестанцев (т. е. с жителей Кашгара, который иногда называли Китайским Туркестаном. — Н. Х.) стали взыскивать новые поборы под разными предлогами, от чего явилось недовольство народа, переходившее иногда в открытый ропот».

Солдаты, присланные в Кашгар из других районов, не получали полностью жалованья; кроме того, они были вынуждены наряду с несением гарнизонной службы обрабатывать поля, чтобы прокормить себя и привилегированные маньчжурские отряды. «Последнее обстоятельство, т. е. что китайские солдаты работают для продовольствия маньчжуров, и здесь служит причиной озлобления китайских солдат против маньчжуров»{112}.

Возмущенные задержкой жалованья, солдаты кашгарского гарнизона восстали и убили правителя Кашгара. К ним примкнуло [44] местное население центра области — г. Кашгара, и власть в городе захватили восставшие. Их поддержали эксплуатируемые массы и солдаты других населенных пунктов Южного Синьцзяна.

Острая социально-политическая борьба в Западном Китае привела к почти полному прекращению торговли Российской империи с Синьцзяном. Русские купцы стремились компенсировать потерю синьцзянского рынка расширением торговых связей с государствами Среднего Востока и прежде всего с ханствами Средней Азии.

Реализация этих стремлений, однако, была весьма затрудйена тем, что в этом районе с начала XIX в. все более активно действовал сильный соперник России — Британская империя.

### Британская экспансия в Средней Азии

В середине XIX в. Средняя Азия стала объектом не только экономической, но и военно-политической экспансии Британской империи.

Британские правящие круги стремились к расширению колониальных владений — важных источников денежных поступлений, рынков сбыта английских изделий и поставщиков ценного сельскохозяйственного сырья. Успеху английской экспансии благоприятствовала сложившаяся в силу исторических причин отсталость стран Востока в экономическом, социально-политическом и военном отношении.

В первой половине XIX в. Англия вела колониальные войны с рядом государств Азии.

В 1836 — '1837 гг., воспользовавшись попыткой иранского шаха овладеть Гератским оазисом, Англия послала против Ирана войска. Под английским военно-политическим нажимом правительство Ирана в 1841 г. было вынуждено подписать договор, открывавший рынки этой страны для изделий британской фабричной промышленности.

В 1838 г. английские правящие круги начали захватническую войну против Афганистана. На первом этапе (1838–1841 гг.) колонизаторам удалось добиться крупных успехов. Они оккупировали крупнейшие афганские города Кабул, Кандагар, Газни и др. В Герате (в те годы — самостоятельном городе) утвердился британский резидент, майор Д'Арси Тодд, который превратил этот город в центр английской подрывной деятельности в среднеазиатских ханствах.

В это же время правящие круги Англии тщательно изучали Среднюю Азию. Под различными предлогами Туркестан [45] посетили миссии Мир-Иззетуллы (1812 г.), В. Муркрофта и Д. Требека (1819–1825 гг.), А. Бернса (1831–1833 гг.), Д. Вуда (1837 г.) и др. Собранные ими материалы должны были облегчить подготовку и осуществление агрессии против Средней Азии, на рынки которой постепенно, с помощью посредников — купцов-мусульман проникали английские товары.

Британские эмиссары побывали в Хиве (Аббот и Шекспир), Коканде (Конолли), Бухаре (Стандарт и Конолли),

где вели разведывательную и пропагандистскую деятельность{113}.

Офицеры британской армии Бэрслем и Стэрт занимались топографической съемкой перевалов через Гиндукуш. Разведчикам удалось проникнуть в узбекское княжество Хульм на левобережье Аму-Дарьи и нанести на карту важнейшие дороги в долине этой реки{114}.

Во время своих поездок Бэрслем и Стэрт неоднократно встречали английских агентов — индийских мусульман, возвращавшихся в Британскую Индию из Средней Азии со всевозможными сведениями о положении в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах. Среди этих агентов были бывшие ученики специальной разведывательной школы («пандиты»), созданной в Индии английскими властями под непосредственным руководством капитана Далгетти{115}.

Для вторжения в Среднюю Азию британскими захватчиками были сформированы войска, часть которых в 1840 г. двинулась на север Афганистана, к Гиндукушским перевалам{116}. Однако эти войска потерпели поражение от народного ополчения, созданного узбекским и таджикским населением левобережья Аму-Дарьи при участии бежавшего от оккупантов эмира Афганистана Дост Мухаммад-хана

Афганский народ также выступил против интервентов. Англичане были разбиты и вынуждены временно отказаться от экспансионистских планов в Афганистане и Средней Азии{117}, Не добившись успеха в Афганистане, Англия повела наступательные действия в Индии и в 1843 г. овладела княжеством Синд, а в 1846–1849 гг. — Пенджабом.

Захват этих последних крупных самостоятельных государств Индии позволил британской буржуазии активизировать экспансию на Востоке, в особенности против Афганистана и Средней Азии. [46]

Для подрыва русской торговли британские предприниматели широко практиковали в среднеазиатских ханствах продажу своих товаров по заниженным ценам. Характерные свидетельства использования английскими купцами таких специфических методов борьбы за тортовое преобладание приводятся в уже цитировавшейся книге П. И. Небольсина «Очерки торговли! России с Средней Азией». Автор рассказывает, ссылаясь на свои беседы с бухарскими купцами, что «англичане в желании совершенно подорвать сбыт русских товаров навезли в 1841 и особенно в 1842 годах в Бухару такое множество своих изделий и пустили их по такой низкой цене (как говорят, в явный даже себе убыток), что весь народ кинулся на эту новинку и не обращал уже внимания на наши ситцы, на коленкоры и сукно. Удалив, таким образом, наших торговцев, ...англичане через год или два разом подняли цену на свои товары более чем вдвое... К этому присовокупилось еще то довольно замечательное обстоятельство, что бухарцы, успевшие вовремя произвести оптовый закуп, целыми кипами, английских товаров, открыли в них, не говоря уже про маломерность и недостаточную ширину, дурные линючие краски, гнилую, не держащуюся на нитке пряжу, дырья и все качества, делающие товар никуда не годным хламом»{118}.

Аналогичные приемы применялись британскими предпринимателями в разное время и в других районах Средней Азии.

К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали «наступление английской торговли на внутреннюю Азию» после захватнических войн в Индии в 40-х годах XIX в. «Можно смело утверждать, что до афганской войны и до завоевания Синда и Пенджаба английская торговля с внутренней Азией почти равнялась нулю, — писал Энгельс. — Теперь дело обстоит иначе. Острая необходимость беспрерывного расширения торговли — этот fatum, который словно привидение преследует современную Англию, ...эта неумолимая необходимость принуждает английскую торговлю наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря. И хотя мы очень

мало знаем о размерах русского экспорта в эту часть света, мы все же из факта увеличения английского экспорта в эти области можем смело заключить, что русская торговля там, вероятно,, заметно сократилась»{119}.

Эти предположения о сокращении среднеазиатской торговли Российской империи полностью подтверждаются документальными материалами. Департамент внешней торговли России [47] указывал на сокращение русского вывоза в Среднюю Азию в 1845 г. в связи с «усилившимся привозом на бухарский рынок ост-индских и английских товаров, которым цены далеко ниже наших». Отчет этого департамента за 1847 г. констатировал: «Совместничество английских товаров по бухарским и хивинским рынкам препятствовало выгодному сбыту русских бумажных изделий и некоторых других товаров»{120}.

В 1848 г. в «Северной пчеле» была опубликована заметка крупного русского купца Ф. Пичугина, писавшего, что «англичане, не жалея своих капиталов... приближаются к Средней Азии, и на этих рынках мы много встречаем английских товаров»{121}.

Глубокой тревогой за судьбы русской торговли в Средней Азии проникнуто, например, «Описание Кокандского ханства», составленное побывавшим там купцом Ключаревым. «Товары российские в нынешнем 1852 г., — писал он, — во всей Средней Азии, как в Кокании, Ташкенте и Бухаре, упали ценой до чрезвычайной степени, так что противу прежних цен выручали 80 коп. из рубля из самых лучших товаров; продажа более в кредит, за наличные продажи совсем не было, причина оному более полагают — в нынешнем году необыкновенно большой вывоз во все азиатские провинции Средней Азии аглицких бумажных мануфактурных товаров; ихние комиссионеры — персиане, ширванцы и афганцы — продают здесь в кредит на 12 и 18 месяцев, и тем более успевают продавать свои товары, хотя набивные ихние бумажные товары и миткали очень слабой доброты и краски более линючие, но рисунки ситцев самые азиатские во вкусе».

Ключарев подчеркивал, что англичане продают свои товары по более дешевым ценам. «Потому и торговля наша со здешним краем становится для нас самой безвыгодной, — сетовал он, — из бумажных товаров нет ни одного товара в особенном требовании, чтобы можно было здесь с выгодой продать, кроме металлических товаров, как то: медь, железо, сталь, чугун, олово, которые всегда имеют здесь цену и требование на оные постоянное...»{122}.

В первом же томе начавшего выходить в 1859 г. авторитетного органа торгово-промышленных кругов «Вестника промышленности» появилась обширная «корреспонденция из Лондона» Гавриила Каменского под характерным заглавием: «Англия — страшный соперник России в торговле и промышленности». «...Почти до последнего времени Россия производила значительную [48] торговлю с Средней Азией не только своими произведениями, но также вообще европейскими товарами, преимущественно покупаемыми на немецких ярмарках и отправляемыми по Волге на южный берег Каспийского моря», — писал Каменский. Отсюда караваны перевозили их различными путями в Герат, Кабул, Хиву и Бухару, а затем — в северные районы Персии и Белуджистана, в Коканд и Кашгар, вплоть до западной китайской границы, а из Кабула — до центра Пенджаба — г. Лахора. «В последнее время однако же эта цветущая торговля обнаруживает упадок, который мы не останавливаемся приписать деятельному соперничеству Англии. Дорога через Трапезунд, Эрзерум и Табриз к северным частям Азиатской Турции и Персии открыла в них, через посредство греческих домов, доступ английским произведениям; английское железо еще в 1831 году совершенно вытеснило на трапезундском рынке железо русское; с другой стороны, с завоеванием Сциндии (Синда. — Н. Х.) восстановлен древний торговый путь по реке Инду... [что] открывает таким образом для английской

промышленности свободный и удобный доступ в Среднюю Азию».

Каменский отмечал крупные успехи британской торговли на подступах к Средней Азии: в 1856–1857 гг. в порт Карачи было привезено британских товаров на 685 665 ф. ст. (4 221 840 руб. серебром), а в 1857–1858 гг. уже на 1081 тыс. ф. ст. (6 648 150 руб. серебром); вывезено товаров через этот порт соответственно: 734 522 ф. ст. (4 517 310 руб. серебром) и 1 078128 ф. ст. (6 629 487 руб. серебром). Каменский предсказывал, что с развитием судоходства по Инду «английские произведения откроют удобный доступ к среднеазиатским рынкам с расходами гораздо меньшими тех, какие сопряжены с сухопутною русскою дорогою»{123}.

«Нашему отечеству, — предупреждал Каменский, — таким образом угрожает сильное соперничество в его торговле на Востоке, как в Средней Азии, так и в Китае. Путь по реке Инду и все удобства морского сообщения с вновь открытыми китайскими портами представляют такие сильные орудия в руках англичан, с которыми трудно состязаться»{124}.

Правда, британским предпринимателям, несмотря на применявшиеся ими разнообразные меры (вплоть до демпинга), [49] не удалось овладеть среднеазиатскими рынками и вытеснить оттуда русских купцов. К тому же водный путь по Инду в дальнейшем не оправдал возлагавшихся на него Англией надежд. Однако британская конкуренция, несомненно, очень мешала русской торговле в Средней Азии и вообще на Среднем Востоке{125}.

В борьбе с Россией за господство в Средней Азии Англия использовала Османскую империю. Турецкая правящая верхушка, идя на поводу у Англии, активно содействовала британской политике, но не забывала и о собственных интересах, рассчитывая распространить свое влияние на мусульманском Востоке.

При поддержке английских властей в среднеазиатские ханства отправлялись турецкие посольства с целью наладить связи местных правителей с турецким султаном, «халифом всех правоверных», за спиной которого в данном случае действовали британские экспансионисты.

Еще до начала Крымской войны английское правительство с помощью Турции стремилось организовать подрывную деятельность на территории, населенной мусульманскими народами и частично входившей в состав Российской империи — в Крыму, на Кавказе, а также в ханствах Средней Азии. Хивинское посольство, которое вело в 1852 г. переговоры в Оренбурге с генерал-губернатором В. А. Перовским, угрожало уступить территорию в районе нижнего течения Сыр-Дарьи «турецкому султану или англичанам» для создания там англо-турецкого опорного пункта. Посол проговорился, что еще в 1851 г. специальный хивинский сановник был послан для обсуждения этого вопроса в Тегеран, где находился «именитый турок от лица султана»{126}.

Особенно активно действовали турецкие эмиссары в годы Крымской войны. Агенты Османской империи по английскому заданию старались под лозунгом «священной войны» вовлечь в борьбу против Российской империи возможно больше стран{127}.

В конце 1853 г. в различных районах Средней Азии появились эмиссары Османской империи. Они привезли воззвания турецкого султана, который призывал Бухару, Хиву и Коканд к нападению на Российскую империю{128}. Не случайно [50] именно в это время двенадцатитысячный отряд кокандских войск предпринял наступление на форт Перовский. Кокандские войска были отброшены, и царские власти считали это неудачей не только Коканда, но также Англии и Османской империи. Перовский сообщал в Министерство иностранных дел в Петербург, что молва, которая разойдется по Средней Азии в связи с поражением кокандцев, будет «содействовать ослаблению враждебных

для нас расположений, возбуждаемых агентами турецкого и английского правительств в Бухаре и Хиве»{129}.

Отмечая хорошие отношения с Бухарой, Перовский продолжал: «На прочность этого дружелюбия полагаться нельзя, если только турки действуют в Бухаре столь же ревностно, как и в Хиве. Здесь... стараются они внушить доверие к англичанам... против русских же возбудить недоверие». Он писал, что в результате поездки хивинского посольства в Стамбул в 1853 г. оттуда приехали в ханство пушечные мастера, которые отлили для хивинской армии несколько орудий.

Британские и турецкие агенты стремились воспользоваться борьбой России с Кокандским ханством за захваченные кокандцами казахские земли. Среди казахских племен усиленно распространялись слухи об отправке султаном в Среднюю Азию многочисленного войска для борьбы против России, а его призыве к созданию бухаро-кокандского военного блока, чтобы, «соединив свои головы, идти войной до Кизыл-Яра, на русских»{130}. Вскоре из Стамбула возвратился бухарский посланник, который привез сообщение о присвоении эмиру Бухары почетного звания «ревнителя веры»{131}.

Деятельность британской и турецкой агентуры обостряла обстановку в Средней Азии. Царские власти учитывали возможность совместного выступления Британской империи, Турции и среднеазиатских ханств{132}.

В этот период царские войска вели борьбу с отрядами Шамиля. Военный министр Долгоруков подчеркивал, что во время вспышки религиозного фанатизма в Турции и в горах Кавказа ухудшение отношений с ханствами Средней Азии «может только благоприятствовать враждебным нам намерениям Англии. Она постаралась бы придать борьбе религиозный характер». Почва для этого была всегда подготовлена в таких важных центрах мусульманства, как Бухара и Самарканд. [51]

Для иллюстрации приемов, применявшихся английской агентурой в Турции и среднеазиатских ханствах, интересен следующий эпизод, о котором сообщал в Петербург Перовский. «Между прочими средствами к возбуждению в народе религиозного фанатизма кокандские муллы пустили в ход древнее мусульманское поверье, заключающееся в том, что в Софийской мечети в Константинополе хранится меч Али, зятя Мухаммеда, и что когда настанет время восстать всем правоверным против гяуров, то меч этот сам должен выйти до половины из ножен. Теперь чудо это совершилось, проповедуют фанатики, обрекая проклятию всех, кто не послушается такого очевидного знака воли божией. Ту же идею стараются распространить в Бухаре турецкие послы, подтверждая справедливость сказанного чуда»{133}.

Активные действия англо-турецких эмиссаров в Средней Азии заставили царское правительство опасаться прямого вторжения британских или турецких войск в районы Средней Азии, ибо это нарушало планы Российской империи. Так, русский пристав при «киргизах Большой Орды» сообщал 23 января 1855 г. командиру Сибирского корпуса Гасфорду, что в конце 1854 г. к бухарскому эмиру приехал английский посол. Этот посол потребовал пропуска британских войск из Афганистана через Бухару на север, к русской границе. Эмир якобы сначала отверг это требование, но «когда английский посланник привез ему фирман турецкого султана, то он и разрешил». Указывая на эти обстоятельства, Гасфорд в письме военному министру подчеркивал реальную угрозу того, что при «согласии бухарского хана и афганских владетелей англичане как союзники турецкого султана под предлогом поддержания прав магометан пришлют кокандскому хану своих или турецких инструкторов и оружие и тем, конечно, смогут усилить и направить действия необразованных и неустроенных кокандских ополчений»{134}.

Гасфорд серьезно беспокоился, получив достоверные известия о появлении британских агентов вблизи русского

укрепления Актау. «Легко может быть, — отмечал он, — что пронырство и подкупы англичан действительно доставят случай их агентам проникнуть в нашу степь с целью осмотреть расположение отрядов и укреплений, а, может быть, и поколебать доверенность к нам киргизов»{135}.

Летом 1855 г. «пронырство и подкупы англичан», а также деятельность представителей Османской империи, дали свои [52] плоды. Среди русских подданных — казахов Большой Орды — кокандские власти распространяли религиозные воззвания призывом к вооруженному нападению на русские города и села. Кокандские войска готовились к походу на укрепление Верное. Гасфорд доносил военному министру, что среди кокандцев «есть иностранцы и присланные от турецкого султана начальники и что в войсках этих замечено более правильное устройство, чем прежде у них видали»{136}.

Приведенные факты убедительно свидетельствуют, что Англия и Османская империя уделяли много внимания не только экономической, но также идеологической и военно-политической экспансии в Средней Азии. Им, однако, не удалось добиться открытого выступления всех среднеазиатских ханств против Российской империи или создания антирусского блока. Предложения о сближении с Англией были встречены здесь в большинстве случаев враждебно.

Среди казахов проповедь вражды к русским никогда не пользовалась успехом. Казахское население долго и много терпело от произвола кокандских феодалов и было настроено резко против них. Общеизвестны многочисленные восстания казахских племен против кокандского гнета и активная поддержка казахами русских войск в войне с Кокандом{137}.

Крупнейшее из среднеазиатских ханств — Бухарское — было заинтересовано в развитии тесных экономических связей с Российской империей, издавна сложившихся и приносивших выгоду обеим сторонам. Бухарские купцы с большой прибылью сбывали на русских рынках сельскохозяйственную продукцию. Немало извлекал из этих торговых операций и крупнейший феодал и торговец Бухары — сам эмир. Ханство постоянно нуждалось в металлических и текстильных изделиях, которое оно получало из России.

Кроме того, у правителя Бухары вызывала глубокое беспокойство двойственная политика британских правящих кругов, заигрывавших с Бухарским ханством и в то же время поддерживавших наступление афганских феодалов на бекства Южного Туркестана, населенные узбеками и таджиками и входившие ранее в состав ханства. Дело дошло до того, что бухарское правительство в дальнейшем было вынуждено обратиться к Российской империи с ходатайством о помощи в борьбе против английских домогательств.

Позиция правящих кругов Бухарского ханства, не желавших сближения с британскими экспансионистами, сыграла [53] решающую роль. Это ханство, расположенное в центре Средней, Азии, было экономически наиболее развито и играло ведущую роль в политическом отношении. Его отказ примкнуть к сколачивавшейся британскими и турецкими эмиссарами антирусской коалиции способствовал провалу этих планов.

Британские владения на Востоке были территориально отделены от Средней Азии Афганистаном, дипломатические отношения с которым у Англии после войны 1838–1842 гг. были фактически прерваны. Чтобы создать условия для более успешного проникновения в среднеазиатские ханства, английские правящие круги пошли на сближение с Афганистаном. В годы Крымской войны эти действия Британской империи приняли особенно настойчивый характер. «...Тревожное состояние европейской политики побуждало нас установить более дружественные отношения с Афганистаном»{138}, — писал генерал Ф. Робертс.

Правительство афганского эмира Дост Мухаммад-хана, занятое объединением страны, было заинтересовано в

мире и охотно приняло предложения об урегулировании англо-афганских отношений. В марте 1855 г. в Пешаваре эмир Дост Мухаммад-хан и верховный комиссар Пенджаба Джон Лоуренс подписали договор «о мире между обоими государствами и о взаимном уважении владений». В нем эмир признавал «друзей и врагов британского правительства друзьями и врагами Кабула»{139}.

Это не было равноправным соглашением. Оно возлагало на Афганистан обязанности, не распространявшиеся на Британскую империю. Выразительную оценку договору дал крупный английский политический деятель герцог Аргайль, бывший в 1868–1874 гг. статс-секретарем по делам Индии. «Это был трактат, — писал он, — заставлявший эмира вступать в неприязненные отношения со всеми, кому мы объявляли войну, но не возлагавший на нас ничего подобного такому же обязательству. Со стороны Дост Мухаммада это был в полном смысле слова наступательный и оборонительный союз, но с нашей стороны он не имел этого значения. Он клонился, следовательно, исключительно в нашу пользу»{140}.

Условия договора давали Англии возможность оказывать влияние на внешнюю политику Афганистана. Дост Мухаммаду была предоставлена материальная помощь в борьбе против мелких узбекских и таджикских ханств и бекств левобережья [54] Аму-Дарьи, находившихся под покровительством бухарского эмира.

Оренбургский торговец Багиджан Джангильдин, посетивший в 1856 г. Бухарское ханство, информировал русские власти о походе Дост Мухаммада с крупным войском на север с целью захвата «бухарских городов» Южного Туркестана. По словам Джангильдина, афганский эмир при подготовке к этому наступлению «был снабжен англичанами всем необходимым: оружием, военными снарядами и деньгами»{141}.

Так, при содействии британских экспансионистов началось подчинение левобережья Аму-Дарьи Афганистаном, что расширяло сферу влияния Англии и ухудшало афгано-бухарские отношения, а также отвлекало в какой-то мере внимание афганских правящих кругов от захватнической деятельности английских колонизаторов в Пешаварском округе и других районах, заселенных восточноафганскими племенами.

В среднеазиатские ханства и Западный Китай засылались, агенты, прошедшие специальную школу разведчиков в Индии. Так, в 1856 г. через Бадахшан и Кундуз проник в Бухару и Хиву Файз-Бахш{142}.

Стремясь проложить дорогу английским товарам в глубь Китая, правительство Пальмерстона в октябре 1856 г. спровоцировало вооруженный конфликт: началась вторая «опиумная» война, в которой агрессивные действия Британской империи вскоре были поддержаны Францией и Соединенными Штатами Америки. Борьба затянулась здесь на несколько лет.

В западной части Азии британские экспансионисты под предлогом захвата иранскими войсками Герата 1 ноября 1856 г. объявили Ирану войну. Из Индии в Персидский залив была отправлена военно-морская эскадра. В декабре того же года на иранском побережье был высажен английский десант, который занял порт Бушир. В марте 1857 г. британские войска овладели Хоррамшахром (Мохаммера), важным пунктом на р. Карун, двинулись вверх по этой реке и 1 апреля вступили в Ахваз.

Однако закрепить победу британские экспансионисты не смогли. Англия была серьезно ослаблена Крымской войной; много сил отвлекала война против Китая. Русская дипломатия оказала сильное давление на британские правящие круги, [55] пытавшиеся прочно обосноваться на юге Ирана{143}. К тому же из Индии начали доноситься известия о новых волнениях народных масс. Англия поспешила прекратить военные действия в Иране. Еще до занятия Ахваза, 4 марта 1857 г. в Париже был подписан англо-иранский мирный договор, по которому иранское правительство обязалось оставить

Гератский оазис. Статья VI договора предусматривала английский арбитраж при возникновении пограничных споров между Ираном и соседними с ним странами. Ссылаясь на эту статью, британское правительство в дальнейшем неоднократно вмешивалось во взаимоотношения Ирана и Афганистана.

Воспользовавшись войной с Ираном, английское правительство решило усилить свое влияние в Афганистане. Оно отправило к Дост Мухаммаду миссию во главе с майором Г. Лэмсденом. Представители Британской империи прибыли в Кандагар, где приступили к разработке планов вторжения в Иран с востока, через Афганистан{144}.

В январе 1857 г. близ форта Джамруд (на индо-афганской границе) Дост Мухаммад-хан встретился с Джоном Лоуренсом. «По случаю первого посещения эмиром английского лагеря, — писал Ф. Роберте, — в нем было сосредоточено более семи тысяч человек войска и в их состав входило три английских пехотных полка. Войска были расставлены шпалерами на протяжении целой мили, и вполне очевидно, что эта сила и ее воинственная выправка произвели на эмира и его спутников весьма полезное впечатление, где чувство восхищения примешивалось к чувству страха»{145}.

Это высказывание — еще одно свидетельство того, что в дипломатии британского правительства важное место занимали шантаж и запугивание. Ссылаясь на особо сложную обстановку, английские дипломаты считали, что любыми средствами «важно было обеспечить нейтралитет эмира во время персидской войны и индийского возмущения, когда судьба нашей Индийской империи висела на волоске»{146}.

30 января 1857 г. британское правительство заключило с эмиром еще одно соглашение, которое подтверждало и развивало договор 1855 г. Английское правительство обязывалось предоставить эмиру денежную субсидию в случае его войны против врагов Англии и на все время борьбы против Ирана. Укрепив позиции в Афганистане, британские правящие круги [56] смогли все внимание уделить борьбе с восстанием, охватившим Индию весной 1857 г. Доведенные до голода и нищеты народы этой страны поднялись на решительную борьбу против британских колонизаторов. То было наиболее мощное национально-освободительное движение индийских народных масс против своих поработителей. Оно потрясло основы британского господства и имело характер всенародного общеиндийского восстания{147}.

Подчеркивая эту важнейшую особенность движения 1857 г., К. Маркс писал: «Мятежи бывали и до этого в индийской армии, но нынешнее восстание отличается от предшествующих характерными и особо-опасными чертами. Это первый случай в истории, что синайские полки перебили своих европейских офицеров; что мусульмане и индусы, забыв взаимную неприязнь, объединились против своих общих господ: что «волнения, начавшись среди индусов, привели к возведению на трон в Дели магометанского императора»; что восстание не ограничилось небольшим количеством местностей и что, наконец, восстание в англо-индийской армии совпало с проявлением общего недовольства против английского господства со стороны великих азиатских народов, ибо восстание бенгальской армии, вне всякого сомнения, тесно связано с персидской и китайской войнами»{148}.

Народное восстание в Индии против британского господства длилось с мая 1857 до начала 1859 г. Оно вызвало огромное беспокойство в Англии. Королева Виктория воззванием от 24 сентября 1857 г. призывала всех англичан к общей молитве, «чтобы бог простил наши прегрешения» и помог британскому оружию в восстановлении «спокойствия» в Индии{149}.

Депутат парламента Э. Литтон, выступая в Сен-Олбени 30 сентября 1857 г., заявил, что речь идет в данном случае о жизни или смерти Британской империи, «о ее месте среди правителей мира». Другой депутат парламента

Бенджамин Дизраэли называл восстание в Индии «величайшей смутой, окакая когда-либо охватывала империю»{150}.

Антиколониальное движение в Индии привлекло большое внимание правящих кругов Российской империи, заинтересованных в ослаблении своего сильного и опасного соперника. Обширную информацию о ходе национально-освободительной [57] борьбы присылал из Лондона в Петербург официальный военный агент Российской империи в Англии Н. П. Игнатьев. «Восстание в Индии, — сообщал он, — не внезапный бунг нескольких туземных полков против Компании, а скорее выражение стремления края освободиться от ненавистного ига иноземцев. Причины неудовольствия в жителях и в особенности в войсках весьма многочисленны, накопились издавна... Главные заключаются в родившемся в туземных войсках сознании своей силы, в сравнении с малочисленностью европейских войск, в мысли о возможности самостоятельности, в негодовании, давно питаемом между туземными офицерами на исключительность прав англичан, в злоупотреблениях лиц. управления и во всепожирающей алчности Компании, обнаружившейся в особенности в последние годы; туземные властители, даже те, кои пребывали верными Компании и во времена испытаний, убедились, что всем владениям в Индии не избегнуть поочередно участи королевства Аудского (оно было занято англичанами и включено в состав Британской Индии. — Н. X.) и что рано или поздно всякий удобный клочок земли, досягаемый для, английских торгашей, будет захвачен».

Н. П. Игнатьев писал далее, что «частные неудовольствия получили общее направление» еще во время Крымской войны, «когда беспрестанные толки о походе наших войск в Индию, о мнимом союзе нашем не только с Персией, но и с Афганистаном и другими владениями в Средней Азии и опасения англичан — породили в Индии ожидание войны в пределах завоеванного Компанией края и выказали возможность благоприятного случая для Индии возвратить свою независимость»{151}.

После ожесточенной и упорной борьбы, при колоссальном напряжении сил и при поддержке некоторых индийских феодалов Англии удалось подавить национально-освободительное движение в Индии. Началась суровая расправа над десятками тысяч индийских патриотов. Сотни селений были сожжены вместе с их обитателями. Города подвергались разграблению и уничтожению. Зверства карателей должны были, по их мнению, способствовать укреплению английского военно-политического авторитета на Востоке.

Однако эти действия порождали лишь дальнейшее возмущение колонизаторами. «...Ожесточение, произведенное сей продолжительной борьбой с туземцами, и кровавая месть, на которую готовятся англичане, вряд ли будут иметь благоприятные последствия для упрочения владычества английского в [58] Индии»{152}, — отмечал Н. П. Игнатьев в донесении от 23 августа 1857 г., т. е. тогда, когда восстание было в самом разгаре.

Известия о событиях в Индии с молниеносной быстротой распространились в соседних странах, вызывая у народов этих стран живейший отклик, волну гнева и возмущения по адресу британских карателей. Свидетелями антианглийских выступлений были, в частности, члены английской миссии, находившейся в Кандагаре{153}. В Афганистане ширилось движение протеста против политики сближения с Англией, проводившейся эмиром Дост Мухаммадом. Представители влиятельных афганских кругов призывали эмира к активному выступлению против англичан, чтобы вернуть афганский город Пешавар, захваченный за несколько лет до этого Англией{154}. В Кабуле дело едва не дошло до открытого восстания с целью заставить эмира выступить против британских колонизаторов.

Однако Дост Мухаммад-хан предпочитал придерживаться выгодного для английских колонизаторов

нейтралитета. Это позволило им перебросить для подавления восстания войска из Пенджаба, что серьезно облегчило расправу над народами Индии.

Вскоре эмир был вознагражден англичанами за свою нейтральную позицию. В 1858 г. они оказали ему поддержку при овладении частью Сеистанской области, а также в дальнейших военных походах на левобережье Аму-Дарьи.

После подавления основных очагов восстания в Индии британский парламент обсудил планы захвата среднеазиатских рынков. 16 марта 1858 г. член палаты общин Уильям Юарт предложил создать специальный комитет для изучения проблем развития английской торговли в Средней Азии{155}.

Поддержавший Юарта депутат парламента Денби Сеймур заявил: «Ничего не может быть более важного для нашего политического господства, чем развитие нашей торговли со Средней Азией, и ничего нет легче, чем расширить ее почти безгранично. Осуществляя это, мы обогатимся сами и цивилизуем Среднюю Азию...». Денби Сеймур отмечал, что расширение торговли укрепит позиции Великобритании в Средней Азии и «увеличит возможности отправки вооруженных сил в эту страну»{156}.

На заседании палаты общин 22 марта того же года был утвержден состав специального комитета{157}. В него вошли лица, [59] связанные с торгово-промышленными и финансовыми кругами (например, представитель Ланкаширского округа А. Д. Кохрен-Бэйли, тесно связанный с фабрикантами текстиля, А. Ф. Киннэйр, доверенный банкирского дома «Рэнсом и К°» и др.). В результате энергичной деятельности комитета британское правительство получило обширные сведения о среднеазиатской торговле.

Итак, британская буржуазия, потопив в крови народно-освободительное восстание в Индии, навязав Ирану кабальный Парижский договор и заручившись нейтралитетом правящих феодальных кругов Афганистана, подготавливала дальнейшее наступление в Средней Азии.

Активные действия британских конкурентов вызывали серьезное беспокойство в правительственных кругах Российской империи{158} и, наряду с первостепенными экономическими факторами, придали среднеазиатской политике особо важное значение в государственных планах царского самодержавия. [60]

## Глава II. Подготовка царской России к экспансии в Средней Азии (1857–1858)

### Экономическое развитие России после Крымской войны и ее политика в Центральной Азии

Исход Крымской войны не был вызван одной лишь военной слабостью царской России. Это понимали и представители развивавшихся буржуазных слоев, и военнослужилая знать, и помещики.

Мировой экономический кризис 1857 г. в отличие от предшествующих серьезно затронул экономику России.

В стране сократилось промышленное производство, на 11 % уменьшился объем внешней торговли (в первую очередь экспорт), острый кризис переживала биржа{159}. Экономические трудности России вызывали беспокойство в правительственных и торгово-промышленных кругах.

Отправленный за границу со специальной целью изучить экономическую обстановку и положение в различных европейских странах будущий министр финансов статс-секретарь М. Х. Рейтерн в конце 1857 г. писал из Парижа Александру II: «Положение наших финансов заслуживает полного внимания нашего правительства. Недостаточно сказать, что оно затруднительно. Мы находимся в настоящее время на поворотном пункте. Теперь еще зависит от правительства выбрать дорогу, по которой оно намерено идти. Через несколько лет будет невозможно оставаться на прежней дороге и слишком поздно, чтобы перейти на другую». Рейтерн предлагал срочно сократить расходы и добиться увеличения доходов «новыми податями и улучшением существующих», а также укрепить денежную [61] систему внутренними займами и выпуском кредитных билетов{160}.

В различных кругах русского общества вызревала мысль о необходимости проведения коренных государственных преобразований. Не только буржуазные, но и некоторые представители помещичьих слоев высказывались за ликвидацию крепостного строя «сверху», опасаясь, что он будет сметен «снизу».

Большинство русских предпринимателей и многие представители правящих кругов видели определенный выход из создавшегося положения в максимальном развитии внешней торговли, в приобретении новых рынков сбыта, ибо крепостная зависимость многомиллионных крестьянских масс до предела суживала внутренний рынок России.

Поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. привело к необходимости переключить центр тяжести внешней политики России с Балкан и Ближнего Востока на Средний и Дальний Восток, в первую очередь в Среднюю Азию.

Анализируя результаты Крымской войны, К. Маркс в своем «Конспекте книги Бакунина «Государственность и анархия» писал: «Итак, для Всероссийской империи путь в Европу ныне закрыт... Но если закрыт путь северо-западный, то остается южный и юго-восточный, Бухара, Персия, Афганистан, Ост-Индия, наконец, Константинополь»{161}.

Экспансия в Средней Азии, развитие экономических связей с другими странами Востока с точки зрения правящих кругов России давали им возможность восстановить свой военно-политический престиж и создать предпосылки для нажима на основного соперника — Англию.

Проблемы внешней политики, внешней торговли, завоевание и освоение новых рынков для развивавшейся капиталистической промышленности вызывали глубокий интерес российской общественности.

Мотивы «среднеазиатского направления» политики звучали все громче и громче и занимали все более самостоятельное место в планах и проектах господствовавших слоев империи. Отошел в прошлое период одиноких «трубадуров» восточной торговли типа П. Голубкова или Ф. Пичугина, крупных предпринимателей второй четверти XIX в., упорно, но зачастую малоуспешно

пытавшихся привлечь внимание правительственных и деловых кругов России к Средней Азии и соседним с ней странам{162}. После Крымской войны реальная дейсгвительность [62] гораздо лучше всевозможных «голубковских изданий»{163} убеждала купцов и фабрикантов, как и правительство России, в необходимости глубокого, всестороннего, а главное безотлагательного изучения, а затем и захвата рынков сбыта и источников сырья в странах Востока.

«Не в Европе будущее России: к Азии должна она обратить свои взоры, — с достаточной категоричностью утверждал генерал-майор генерального штаба Бларамберг в январе 1856 г. — Блистательное развитие (особенно в последние 30 лет) и постоянное с году на год увеличение числа отечественных фабрик и мануфактур, потребляющих наши же сырые произведения, требуют новых путей сбыту; а так как европейские рынки заперты для мануфактурных произведений России соперничеством всех государств этой части света, то она поневоле должна обратиться для продажи своих произведений к обширным странам Азии»{164}.

Среди различных высказываний о значении развития русской торговли с соседними странами Востока вызывает особое внимание опубликованная в 1857 г. статья крупного экономиста буржуазно-либерального направления Ю. А. Гагемейстера «Взгляд на промышленность и торговлю России»{165}. Автор участвовал в разработке и проведении экономической политики царского самодержавия{166}. В конце 50 — начале 60-х годов XIX в. он был директором общей канцелярии Министерства финансов, а одно время возглавлял кредитную канцелярию этого министерства. Гагемейстер, внимательно следя за экономической жизнью страны и отдельных ее районов, составил обширное описание Сибири, долго и много работал над проблемами расширения и развития русской торговли.

Министр финансов Княжевич был другом Гагемейстера и прислушивался к его советам; по настоянию Гагемейстера, в министерстве были образованы комиссия поземельного кредита и комиссия по преобразованию податной системы.

Председателем первой из них был назначен близкий к Гагемейстеру директор мануфактурного департамента В. П. Безобразов, председателем второй — сам Гагемейстер. «От этих комиссий ожидали очень многого, — писал видный деятель [63] Министерства финансов управляющий делами податной комиссии Ф. Г. Тернер, — и некоторые лица смотрели на них, как на зачатки будущих конституционных порядков»{167}.

В статье «Взгляд на промышленность и торговлю России» Гагемейстер указывал, что темпы развития «азиатской» торговли значительно выше, чем «европейской». Он подчеркивал, что «половина всего отпуска в Азию состоит из товаров обработанных, которых по европейской границе отпускается самое ничтожное количество»{168}.

Гагемейстер отмечал большую экономическую перспективность освоения Средней Азии (в частности, для разведения хлопчатника) и возможность организации русского судоходства вверх по Сыр-Дарье до Ташкента и Коканда. Вместе с тем он считал, что ханства Средней Азии «могли бы размениваться с Россией многими предметами» только при «лучшем; внутреннем устройстве» этих стран. «Изменения же настоящего варварского их управления Россия не может достигнуть, не покорив этих государств...»{169}.

Фундаментальный трехтомный труд А. Семенова о внешней торговле и промышленности России с середины XVIII по середину XIX в. перекликался с работами авторитетных и высокопоставленных сотрудников Министерства финансов (Ф. Г. Тернера, Ю. А. Гагемейстера), со статьями и книгами заводчика и крупного торговца А. Шилова, востоковедов И. Березина и В. Григорьева, публицистов, экономистов и путешественников М. Иванина, Н. Тарасенко-Отрешкова и др. Еженедельник «Экономический указатель», который

выпускал и редактировал известный буржуазный экономист И. В. Вернадский{170}, столь же охотно предоставлял свои страницы для освещения различных военно-политических и торговых дел России на Востоке, как и катковский «Русский вестник» или официальные журналы «Военный сборник» и «Морской сборник».

Какие же идеи и положения преобладали в этих материалах?

Видный ученый, корреспондент Академии наук В. В. Григорьев, бывший в 1852–1863 гг. председателем Оренбургской пограничной комиссии, сделал очень важные выводы в своем «Разборе сочинения «Очерки торговли России с Среднею Азиею» П. Небольсина». [64]

Не Россия торгует с «Внутренней Азией», писал Григорьев, а «Внутренняя Азия» торгует с Россией, ибо покупают и продают товары и в Азии, и в Российской империи, как правило, «азиатские торговцы, почему им почти без раздела достаются и купеческие барыши этой торговли».

Причина этого в препятствиях, «противопоставляемых торговле русских (и вообще христианских) купцов общеизвестным неустройством и еще более правительствами среднеазиатских владений, тогда как наше покровительствует торговле азиатцев в России».

Торговля со Средней Азией, констатировал Григорьев, может расти и при данном общественно-политическом положении в ханствах, но «пока над Внутренней Азией будут тяготеть теперешние там беспорядок и варварская дикость, естественно порождающие бедность и апатию, — значительное развитие торговли с ней положительно невозможно.

Чтобы покупать и потреблять, надо иметь чем платить за покупаемое, а для этого надо производить, и Внутренняя Азия могла бы... производить весьма много, но кто же станет заботиться об усилении производства, о разработке естественных богатств, об улучшении путей и средств сообщения, когда не только богатство, но даже достаток влекут за собой для обладателя их притеснения и насильственную смерть, а бедность представляется единственным условием сохранения жизни гражданина в некоторой безопасности». Внутриполитическое положение в ханствах мешает и транзитной торговле.

Единственный выход для «Внутренней Азии» Григорьев видел в переходе ее «под владычество какой-либо христианской державы, которая бы, водворив там порядок и безопасность, внушила обитателям Аму и Сыра желание воспользоваться их естественными средствами к улучшению собственного и соседей их благосостояния. Тогда может прийти речь и о торговле России с странами к юго-востоку от Внутренней Азии; до тех пор, т. е. пока эта последняя будет оставаться тем же, что она есть, — всякое рассуждение об этом будет праздной, совершенно бесплодной болтовней»{171}.

Григорьев подчеркивал, что рост торговли со Средней Азией «связан с развитием фабричного и заводского производства в Московской и околомосковных губерниях»{172}.

К расширению торговли со Средней Азией призывал и видный общественный деятель петрашевец Р. Черносвитов. Он указывал на необходимость соединить судоходными каналами [65] Черное, Азовское, Каспийское и Аральское моря, чтобы облегчить русским товарам доступ в Среднюю Азию{173}.

Полемизируя с Черносвитовым по вопросу о проведении железнодорожной линии в Среднюю Азию, Д. Долинский соглашался с ним в главном: в признании крупных выгод от развития русской торговли в этом районе. Долинский отмечал «былое изобилие среднеазиатских земель» и подчеркивал, что «возвратить им прежнее, цветущее благосостояние, развить земледелие и промышленность, одним словом, возвратить их к жизни может только цивилизация, проведенная путем торговли»{174}.

Русских фабрикантов интересовали среднеазиатские ханства как рынки сырья. Крупный текстильный фабрикант А. Шипов указывал на важное значение хлопчатобумажной промышленности в экономической жизни России и на роль Средней Азии как потенциального источника сырья. По мнению Шилова, эта промышленность наиболее способствует «созиданию новых капиталов», что важно «в государстве, где ощущается недостаток в капиталах, например, в России».

«Ни одна промышленность по ценности ее и по количеству рабочих рук, полезно занимаемых, особенно по содействию в успехах естественных наук и практического их применения, далеко не может равняться с хлопчатобумажной», — отмечал Шипов и указывал на необходимость оградить русских фабрикантов «внутри своей страны от опасного соперничества чужеземных фабрик», а главное — обеспечить бесперебойное снабжение предприятий хлопком. «О снабжении сим основным материалом бумажных мануфактур, дабы не остановить оные надолго, необходимо заботиться во всякой стране и стараться всеми способами отвратить все те неблагоприятные обстоятельства, которые могут произвести столь длительную остановку мануфактуры»{175}, — писал он.

Шипов приводил в пример Англию, начавшую выращивать хлопчатник в Индии и в Австралии, чтобы ослабить зависимость от ввоза американского хлопка. Российская империя «может употребить свои усилия чрез искусные коммерческие или иные сношения к водворению и усовершенствованию... возделывания хлопка в Средней Азии, ибо из того должны произойти весьма важные для развития производительных сил России последствия...»{176}. [66]

Итак, в различных кругах царской России складывалось единое мнение: Средняя Азия — выгодный и перспективный рынок сбыта русских товаров и источник сырья, чрезвычайно важный для наиболее развитой отрасли промышленности России — текстильной. Использование Средней Азии осложняется, однако, плохими путями сообщения (их надо изучить и улучшить), а главное — внутренними неурядицами в ханствах, «необеспеченностью жизни и имущества предпринимателей».

Широкая кампания русской прессы за необходимость включения Средней Азии в состав Российской империи вызвала благожелательный отклик в правительственных кругах, особенно у тех представителей государственного аппарата, которые были связаны с русской буржуазией.

Еще в июле 1856 г. наместник Кавказа и главнокомандующий кавказской армией А. И. Барятинский представил Александру II проект постройки железной дороги по Устюрту, от берегов Каспия до Аральского моря. Замысел был смел. Всего лишь за пять лет до того, в 1851 г., было завершено строительство первой в России крупной железной дороги между Москвой и Петербургом (644 км - самый длинный в то время железнодорожный путь в мире).

Проект Барятинского был любопытен не столько своими техническими планами, сколько политико-экономическим обоснованием. Создание железной дороги между Каспием и Аралом, по мнению Барятинского, могло заменить караванные пути, «сосредоточило бы всю торговлю сопредельных стран, доставило бы нашим товарам самый отдаленный сбыт, могло бы даже обогатиться выгодами кратчайшего и удобнейшего транзита». К тому же этот путь всецело контролировался Россией и был бы свободен «от всякого совместничеетва и постороннего вмешательства»{177}.

Проведение этой дороги должно было укрепить и политическое влияние Российской империи в странах Востока. Автор проекта приходил к выводу, что Россия, «пользуясь одними преимуществами, дарованными ей природой, беспрепятственно упрочила бы свое влияние на местах, не доступных другим европейским державам, но предлагающих ей новые источники богатства и силы»{178}.

Через несколько месяцев Барятинский направил в Петербург новое письмо. В связи с захватом британскими войсками важнейшего иранского порта Бушира наместник Кавказа полагал, что Англия, опираясь на этот пункт, подчинит в дальнейшем весь Иран, в том числе и его прикаспийские провинции, [67] граничащие с Россией. Барятинский опасался, что английское правительство, «подняв британский флаг на Каспийском море, поставит нас в крайне критическое положение и в Дагестане, и в Закавказье, и в степях Закаспийских»{179}.

Барятинский предлагал усилить военную флотилию на Каспийском море, укрепить Бакинский и Петровский порты и содействовать развитию торгового мореплавания. Он призывал занять какой-либо пункт на восточном берегу Каспия, чтобы открыть путь к Аральскому морю и создать предпосылки для организации в будущем судоходства по Сыр-Дарье. Барятинский снова выдвигал идею прокладки железной дороги через Устюрт и настаивал на снаряжении экспедиции для исследования путей от залива Мертвый Култук на Каспийском море до берегов Аральского моря.

Александр II нашел предложения об изучении Устюрта и прокладке через него железной дороги «весьма важными и полезными» и распорядился, чтобы этому делу «были даны все нужные пособия»{180}. Главноуправляющий путей сообщения К. В. Чевкин передал представленный Барятинским проект на отзыв оренбургскому генерал-губернатору Перовскому и специалисту по Средней Азии проф. Гельмерсену. Они нашли планы Барятинского мало обоснованными не только с технической, но и с политической и экономической точек зрения.

27 января 1857 г. состоялось заседание Особого комитета, созванного для рассмотрения предложений Барятинского. В нем приняли участие А. М. Горчаков, Н. О. Сухозанет, К. В. Чевкин, В. К. Ливен, Ф. П. Врангель и Ег. П. Ковалевский. Горчаков резко протестовал против каких-либо активных действий на восточном побережье Каспийского моря. Министерство иностранных дел не желало международных осложнений, и министр, ссылаясь на донесения российского посла в Лондоне, объявил опасным любой «шаг на Востоке, сколько-нибудь задевающий интересы Англии или даже могущий подать предлог к придиркам со стороны британского кабинета»{181}.

Горчакова поддержал Перовский, сославшись на волнения среди казахских племен в районе Устюрта. Особый комитет в принципе высказался в пользу прямого сообщения от восточного побережья Каспийского моря к Аралу и далее к берегам Аму — и Сыр-Дарьи, но отметил полную неподготовленность к отправке научной экспедиции на Устюрт. [68]

Комитет решил отложить «до более благоприятных обстоятельств» снаряжение экспедиции «для обследования пространства между Каспийским и Аральским морями, по случаю взволнованного состояния степных племен и общего сомнительного политического положения на Востоке и недостатка времени изготовления ее (экспедиции. — Н. Х.) в значительном составе»{182}.

Таким образом, несмотря на возражения Горчакова и Перовского, предложение Барятинского не отклонялось полностью и окончательно; его осуществление было лишь отсрочено до более подходящего момента. Сама идея постройки железной дороги, по мнению комитета, заслуживала большого внимания и всяческой поддержки.

Еще до Крымской войны в стране возникали всевозможные торговые и промышленные фирмы и компании, транспортные организации капиталистического типа, деятельность которых была тесно связана с торговлей в соседних странах Востока. Царское правительство поощряло тех предпринимателей, которые основывали торгово-промышленные компании для торговли с Востоком. В 1849–1850 гг. было учреждено «высочайше утвержденное» пароходное общество «Меркурий», которое в 1857 г. объединилось с созданным в 1856 г. аналогичным обществом «Русалка». На этой базе в дальнейшем

образовалась Известная транспортная компания «Кавказ и Меркурий»{183}. В деятельности этого общества принимали участие видные предприниматели Новосельский, Кокорев, Нобель, Брылкин, Трубников, Алейников и др. Пароходы компании перевозили товары по Волге и Каспийскому морю, связывали русские порты с городами Северного Ирана, с туркменскими селениями на юго-восточных берегах Каспия.

В 1845 г. «по высочайшему повелению» был учрежден торговый дом «Н. Баранов, Елизаров, Ремезов и компания»{184}. Эта фирма (в дальнейшем переименованная в «Московский для торговли с Азией дом почетного гражданина Елизарова») длительное время присылала председателю московских отделений Мануфактурного и Коммерческого советов отчеты о ходе торговли с Азией для представления их министру финансов, который в свою очередь докладывал их царю{185}.

Правительство предоставило этому торговому дому право получать с казенных горных заводов металл (железо, медь, [69] сталь) по себестоимости на сумму до 45 тыс. руб. в год с доставкой его за счет государства в Астраханский порт.

В августе 1856 г. был утвержден устав Российского общества пароходства и торговли{186}, сыгравшего большую роль в развитии торговых связей России.

В середине 50-х годов XIX в. деятели торговых и промышленных кругов Москвы и Петербурга пытались создать представительную организацию русской буржуазии. Собираясь в доме крупного заводчика и фабриканта И. С. Мальцева, они обсуждали планы организации общества, «в среде которого могли бы рассматриваться все торгово-промышленные вопросы и которое имело бы право ходатайствовать перед правительством о нуждах русской торговли и промышленности». Был подготовлен проект устава такого общества, но «вследствие неблагоприятных обстоятельств дело не могло осуществиться».

Источники, к сожалению, не указывают, в чем заключались отмеченные «неблагоприятные обстоятельства». Можно, однако, думать, что в стране еще не было условий для появления Такой общественной организации: проект ее создания был неблагожелательно встречен в дворянско-помещичьих кругах. Это предположение подтверждается, в частности, в мемуарах видного общественного деятеля и публициста К. Скальковского, тесно связанного с предпринимателями Москвы и Петербурга. Он писал, что идея образования «Общества для частного обсуждения государственных вопросов казалась тогда слишком либеральной»{187}. Однако попытка создания такой организации русской буржуазии, которая отстаивала бы ее классовые интересы, была весьма показательна.

Особый интерес с точки зрения нашей темы вызывает позиция одного из крупнейших капиталистов середины XIX в. В. А. Кокорева. Разбогатевший откупщик винных лавок, состояние которого «в наличных деньгах, акциях, имениях, делах и долгах» на 1860–1861 гг. исчислялось в 7,4 млн. руб.{188}, Кокорев был тесно связан с наместником Кавказа А. И. Барятинским (прочившим его на пост министра финансов){189}, с министрами финансов Ф. П. Вронченко и А. Броком, дружил с реакционным историком, публицистом и писателем — панславистом М. П. Погодиным, выступавшим за активную политику на Востоке. [70]

Будучи типичным представителем развивавшейся русской буржуазии, Кокорев пытался найти компромиссные решения, удовлетворяющие и буржуазию, и помещиков, и крестьян. Он составил «Записку» об образовании частного банка для выкупа крестьян из крепостной зависимости, поданную в 1858 г. министру внутренних дел{190}.

Кокорев считал, что отмена крепостного права и наделение крестьян землей резко расширит внутренний рынок, будет стимулировать торговлю, что в свою очередь предоставит большие возможности для обогащения предпринимателей. Он был участником многих капиталистических предприятий: «Российское общество пароходства и торговли», «Волжско-Камский коммерческий банк», «Бакинское нефтяное общество», «Северное телеграфное агентство», «Уральская горнозаводская железная дорога» и др.{191}.

Наряду со взглядами В. А. Кокорева большой интерес представляют взгляды генерал-лейтенанта С. А. Хрулева. Герой севастопольской обороны генерал Хрулев с 1856 г. находился в распоряжении А. И. Барятинского. Хрулев глубоко интересовался проблемами внешней и внутренней политики, внимательно следил за экономическим развитием России и непосредственно участвовал во многих торгово-промышленных предприятиях. В 1856 г. его адъютант П. Степанов по разработанной Хрулевым программе составил подробную записку «О каспийских путях сообщения»{192}.

Степанов указывал на особое значение торговли с ханствами Средней Азии и предлагал создать торговые фактории в г. Туркестане, в различных районах восточного побережья Каспийского моря и на границах Хивинского ханства. В записке подчеркивалась необходимость улучшения дорог, ведущих в Среднюю Азию, учреждения постоянного пароходства на Каспийском море и даже прокладки железнодорожного пути в направлении Хивы{193}.

Для практического осуществления этих предложений генерал Хрулев и Кокорев осенью 1857 г. обратились к кн. Барятинскому с просьбой содействовать созданию общества для организации пароходства на Каспийском море и расширения торговли с соседними странами Востока. Общество должно [71] было основать укрепленные фактории в пограничных районах и проложить железную дорогу между Каспийским и Аральским морями. Кокорев и Хрулев ходатайствовали о предоставлении обществу тех же прав, какие имела Российско-американская компания{194}: право монопольной разработки полезных ископаемых на соответствующей территории, торговли с соседними странами, организации исследовательских экспедиций.

Правительственные круги поддержали предложения Кокорева и Хрулева. Барятинский в специальном письме к вел. кн. Константину Николаевичу{195} писал, что он всецело «разделяет мнение о возможности устройства железной дороги между Каспийским и Аральским морями». Он подчеркивал огромное значение сделанных предложений «с правительственной точки зрения», заявляя, что ими нужно воспользоваться как можно скорее, и заверял, что Докорев «принадлежит, бесспорно, к благомыслящим и достойнейшим слугам государя»{196}.

Министр финансов Брок, получив на заключение это ходатайство, передал его на рассмотрение в Кавказский комитет{197}. Вел. кн. Константин Николаевич обещал Барятинскому «употребить зависящее... содействие, чтобы убедить членов комитета одобрить предложения В. А. Кокорева и С. А. Хрулева»{198}.

Тем временем Кокорев, Н. Е. Торнау и Н. Новосельский основали акционерное «Закаспийское торговое товарищество» с капиталом 2 млн. руб. для «сбыта российских изделий в Персию и Среднюю Азию и для вывоза оттуда всего того, что надобность и польза укажет». Проект устава этого общества был представлен в Кавказский комитет.

По поручению Барятинского начальник штаба Кавказского корпуса Д. А. Милютин 22 октября 1857 г. во время доклада царю о положении на Кавказе изложил мнение Барятинского «о компании Каспийского пароходства, 6 компании Азиятской торговли, о предприятиях насчет железной дороги» и т. п. Александр II одобрил предложения Барятинского об оказании поддержки этим предприятиям{199}.

Судя по отрывочным данным и косвенным сообщениям некоторых источников (достаточно полных и исчерпывающих сведений не удалось обнаружить), к созданию компании отрицательно [72] отнеслось британское правительство и его агентура в Петербурге. Управляющий делами Кавказского комитета В. П. Бутков в письме Барятинскому сообщал об «очень хорошем деле» — «учреждении Кокоревым компании для торговли с Астрабадом... Горчаков и Брок, боясь англичан, спешили его кончить (закончить организацию компании. — Н. X.) до отъезда государя», — добавил он{200}.

Это свидетельство перекликается с корреспонденцией Г. Каменского из Лондона, в которой указывалось на огромное внимание, уделявшееся в Англии русской торговле в Средней Азии: «Английскому купечеству не нравятся распространение пароходства на Каспийском море и образование Закаспийской компании»{201}.

Устав Закаспийского торгового товарищества был утвержден. Товариществу предоставлялось право создавать «заводы и фабрики для выделки изделий из произведений, как получаемых им из Азии, так равно и отправляемых туда»{202}. Это общество закупало в Иране и Средней Азии хлопок, шерсть, марену, бакалейные товары и сбывало туда железо, сталь, медь и мануфактурные изделия. На него распространялась привилегия, которой пользовался переставший к тому времени существовать Московский торговый дом — получать по казенной цене металлы с государственных заводов на 45 тыс. руб. в год. В дальнейшем царское правительство неизменно поддерживало деятельность Закаспийского торгового товарищества.

В том же 1858 г. было оказано содействие предпринимателю Бенардаки. Бенардаки обратился в Министерство государственных имуществ с ходатайством о разрешении организовать постоянное рыболовство в Красноводском заливе и открыть меновую торговлю с туркменскими племенами на побережье этого залива. Оренбургский генерал-губернатор счел предложение «в высшей степени полезным». Он готов был предоставить для охраны склада товаров и «рыболовных заведений» военный отряд в 250 человек с тем, чтобы его содержал Бенардаки.

Министр государственных имуществ Муравьев, как и департамент Генерального штаба, тоже нашел предприятие Бенардаки «весьма полезным для Прикаспийского края»{203}. Однако [73] провести в жизнь проект Бенардаки в тот период не удалось. Как свидетельствует письмо департамента Генерального штаба Министерству государственных имуществ от 13 мая 1859 г., «вопрос об устройстве укрепления, которое для охраны фактории признается необходимым тесно связать с другими предприятиями, требует предварительного разъяснения многих других обстоятельств»{204}.

Поддержка правительственными органами частных предпринимателей свидетельствует о политическом и экономическом интересе царского самодержавия к Средней Азии.

Окончание Крымской войны и подписание мирного договора не изменило активной антирусской деятельности британской буржуазии; «враждебные происки Пальмерстона против России продолжались и на Кавказе, и в Персии, и в Турции, и в других местах»{205}.

Агрессивные действия Англии специально обсуждались царским правительством на заседании Особого комитета в январе 1857 г., о котором говорилось выше. Многие государственные и общественные деятели предлагали проекты широкой экспансии России в Азии. Некоторые из них делали основной упор на вопрос о походе в Индию с целью ослабления позиций Англии на Востоке.

Несмотря на решения не делать опасных шагов, задевающих Англию, Барятинский продолжал настаивать на проведении более активной «восточной политики». 16 февраля 1857 г., он отправил военному министру обстоятельное письмо{206}, в котором, ссылаясь на донесение военного агента в Лондоне Н. П. Игнатьева и на

сообщения печати и частных корреспондентов, подчеркивал, что «англичане деятельно готовятся к войне и ведут атаку с двух сторон: с юга — от берегов Персидского залива, и с востока — через Афганистан»{207}. Барятинский выражал особое беспокойство по поводу «несомненного стремления» Британской империи утвердиться на берегах Каспийского моря. «Появление британского флага на Каспийском море, — писал он, — будет смертельным ударом: не только нашему влиянию на Востоке, не только нашей торговле внешней, но ударом для политической самостоятельности империи»{208}.

Барятинский предлагал при первых сообщениях о новой войне с Англией и о движении англичан к Герату немедленно перебросить войска в Астрабад; он снова возвращался к своему [74] плану строительства железной дороги между Каспием и Аралом.

По указанию царя Военное министерство изучило соображения наместника Кавказа и подготовило доклад «О возможности неприязненного столкновения России с Англией в Средней Азии»{209}. Доклад составили генерал-квартирмейстер генерал-адъютант Ливен и генерал-майор Неверовский, отредактировал Н. О. Сухозанет (от чьего имени он и был представлен Александру II). Царь проект одобрил, не согласившись, однако, с отдельными его положениями, о чем свидетельствуют пометы на полях.

Этот документ заслуживает подробного рассмотрения, ибо раскрывает подлинные взгляды высших правительственных кругов Российской империи на обстановку, складывавшуюся в Центральной Азии, на англо-русское соперничество и на политику царского самодержавия по отношению к соседним странам Азии.

Авторы доклада пытались определить, «какого рода опасность» можно ожидать со стороны Англии. Они отмечали, что сильный морской флот Великобритании дает ей возможность «легко утверждаться на прибрежьях морей или в странах, пересекаемых большими судоходными реками, как то в Индии или Китае». Поэтому Англия не может посылать в глубь материков большие военные экспедиции, так как они подвергались риску и требовали к тому же крупных расходов. Опасения же Барятинского, что Британская империя хочет занять какой-либо пункт в Персии, а тем более на побережье Каспийского моря, — не обоснованы. Однако, отмечали авторы, она будет стараться вредить России на политическом фронте, предпринимая «тайные происки в мусульманских наших провинциях и между кавказскими горцами» и вмешиваясь в дела «пограничных с нами областей»{210}. Поэтому надо быть бдительными и готовыми к борьбе.

Далее авторы доклада категорически отвергали какие бы то ни было проекты «индийского похода». Они пришли к выводу, что в настоящее время политика России «как в Средней Азии, так и в Европе» должна быть «выжидательной, а не наступательной». Более того, они призывали готовиться к укреплению обороны Черного и Каспийского морей, пересмотреть состав кавказской армии и снабдить ее более современным вооружением, увеличить военно-морские силы на Каспийском море и, уделив особое внимание развитию на нем и по Волге торгового пароходства, заготовить военное снаряжение в Баку и Астрахани. [75]

Только тогда, когда все это будет выполнено, при условии расторжения англо-французского союза и установления союзных взаимоотношений между Российской империей и другими странами, можно будет вести более активную политику.

Предложения Барятинского о железнодорожном строительстве от Каспийского к Аральскому морю Военное министерство продолжало считать нецелесообразным. По его мнению, даже если бы эта дорога была построена, она принесла бы мало пользы в случае англо-русской войны в Афганистане, ибо кратчайший путь к Герату лежал через Астрабад — Мешхед. Путь вдоль Аральского моря, предлагавшийся Барятинским, или плавание вверх по Аму-Дарье затруднительны, не обеспечены продовольствием и

фуражом, и использование их может быть связано с нежелательной для России войной против Хивинского ханства. Помимо всего прочего, впереди лежит Гиндукушский хребет, который, как представляли себе в Военном министерстве, легко может быть укреплен неприятелем и превращен в непреодолимую преграду на пути русских войск{211}.

Этот доклад подкреплялся дополнительной «запиской» одного из его авторов — генерал-майора Неверовского, датированной также мартом 1857 г.

Анализ доклада военного министерства приводит к двум важным выводам. Царское правительство, во-первых, выступало против каких-либо активных действий в отношении Индии и, во-вторых, проявляло особое беспокойство по поводу торговой экспансии Англии.

Всевозможные наступательные планы, химерические проекты «завоевания Индии», отвергнутые Военным министерством, не встретили никакой поддержки и в дипломатическом ведомстве. Министерство иностранных дел, традиционно придерживавшееся более осторожной политики по сравнению с военными кругами, полностью одобрило доклад военного министра.

В письме военному министру от 24 марта 1857 г. министр иностранных дел отмечал свое полное согласие с политической стороной доклада и подчеркивал, что даже одни разговоры о походе на Индию могут ускорить столкновение с Великобританией, одна мысль о котором «мне кажется так несовместна с положением наших финансов, с изнурившей нас войной, с политическим состоянием Европы, что убеждения мои не допускают даже возможности на оной остановиться»{212}. [76]

Горчаков указывал, что господство в Индии имеет для Англии исключительно важное значение и попытки ниспровергнуть его вызовут чрезвычайно бурную реакцию английского правительства, которое выступит в союзе с другими государствами против России, тогда как последняя вряд ли может рассчитывать на приобретение союзников.

Все доводы — политические, военные, экономические — говорили о необходимости для господствующих кругов России не распылять своих сил в погоне за фантастическими, малореальными целями (Горчаков, например, заявлял о своем резко отрицательном отношении к каким бы то ни было планам всевозможных авантюристических походов на Индию), а сосредоточить их на осуществлении практически достижимой конкретной задачи — укрепления позиций в странах Востока и захвата Средней Азии.

Непосредственным организатором всестороннего изучения, соседних стран Среднего Востока, главным образом как рынков сбыта и источников сырья, стал Азиатский департамент Министерства иностранных дел. К этому времени в значительной степени изменился личный состав министерства. На смену К. В. Нессельроде, мало понимавшему государственные интересы страны и превратившему это ведомство, которым он управлял с 1816 по 1856 г., в «сонное министерство иностранных и престранных дел», по меткой характеристике А. С. Грибоедова, пришел один из крупнейших дипломатов XIX в. А. М. Горчаков.

В июне 1856 г. Горчаков поручил Ег. П. Ковалевскому управление Азиатским департаментом, приобретавшим в силу сложившихся условий первостепенное значение. Прекрасно образованный (он окончил философское отделение Харьковского университета), с большим жизненным опытом, Ег. П. Ковалевский зарекомендовал себя как энергичный человек, талантливый дипломат, хорошо понимавший общую обстановку, которая складывалась в стране. По приглашению своего старшего брата Ев. П. Ковалевского, главного начальника алтайских горных заводов{213}, он до 1837 г. работал в Сибири горным инженером, а затем был приглашен черногорским правителем Петром Негошем для изучения природных богатств Черногории.

Ег. П. Ковалевский участвовал в Хивинской экспедиции Перовского (1839 г.), геологических изысканиях в Египте, Судане и Эфиопии (1847 г.); в 1849 г. побывал с русской духовной миссией в Пекине. В 1851 г. Ег. П. Ковалевский подготовил и подписал Кульджинский трактат. [77]

Незадолго до назначения на должность директора Азиатского департамента в 1853 г. Ег. П. Ковалевский был отправлен в Черногорию в качестве русского комиссара для расследования вопроса о нападении Турции на Черногорию. Во время осады Севастополя Ег. П. Ковалевский находился в штабе М. Д. Горчакова, выполняя обязанности историографа героической борьбы русских солдат и моряков против англо-французских интервентов.

«В трудное время стал Ковалевский директором Азиатского департамента, — писали его биографы, — несчастная Крымская кампания и Парижский мир сильно подорвали влияние и вес, какими пользовалась дотоле Россия на Востоке... Ковалевскому принадлежит несомненная заслуга, что в это тяжелое время он сумел поддержать престиж русского имени среди восточных и западных племен и тем значительно ослабил моральное значение Парижского мира в международных отношениях»{214}.

Ковалевский оказывал всяческое содействие научным экспедициям, отправлявшимся на Восток. В течение 1856–1862 гг. он был помощником председателя Русского географического общества, сыгравшего большую роль в изучении соседних стран Азии.

Виднейший политический и культурный деятель этой эпохи П. П. Семенов (впоследствии Семенов-Тян-Шанский) давал любопытную общую характеристику связи научных изысканий с практическими потребностями господствующих классов России: «Начало рассматриваемого периода было для России эпохой ее возрождения после Крымской кампании. Русское общество стремилось к оживлению наших торговых сношений с Передней Азией и очень заботилось о распространении с этой стороны сферы нашего влияния. В то самое время, как наше влияние так успешно проникало на северо-западную окраину Нагорной Азии — в Джунгарию и Северный Туркестан, весьма естественно было заботиться о распространении наших географических сведений, а также об оживлении наших торговых сношений и со стороны Каспийского бассейна»{215}. [78]

Это «оживление торгово-политических связей» привлекало Внимание самых высокопоставленных правительственных кругов Российской империи, не говоря уже о русской буржуазии. Расширением таких связей живо интересовался сам царь и его непосредственное окружение. Члены царской семьи — великие князья, занимавшие ответственные государственные посты (как, например, «генерал-адмирал» Константин Николаевич, возглавлявший Морское министерство), активно участвовали, в разработке конкретных планов развития внешней торговли.

Наиболее перспективное в этом отношении направление — восточное — имело особое значение. Важнейшие министерства — иностранных дел, финансов, военное — изучали всевозможные аспекты укрепления экономического и политического влияния Российской империи в Азии, увеличения и расширения выгодного товарообмена с государствами Востока. Эта деятельность должна была подготовить почву к прямой вооруженной экспансии царизма в Средней Азии.

Учитывая интересы и запросы русских капиталистов, царское правительство резко активизировало свою деятельность в соседних государствах Среднего Востока и послало туда торгово-политические миссии. В 1858 г. в Иран, ханства Средней Азии и Кашгар отправились соответственно миссии. Н. В. Ханыкова, Н. П. Игнатьева и Ч. Ч. Валиханова.

Миссии в страны Востока были по-разному оформлены: Н. В. Ханыков возглавил большую научную экспедицию; полковник Н. П. Игнатьев — официальное

дипломатическое посольство, а поручик Ч. Ч. Валиханов ехал под видом мусульманского купца. Однако все три миссии ставили перед собой одни и те же цели и задачи: глубокое изучение политического и экономического состояния соседних стран Азии и возмрж-ности использования их в качестве источников сырья и рынков сбыта для развивавшегося в Российской империи капитализма.

### Экспедиция Н. В. Ханыкова в Хорасан

Научная экспедиция Н. В. Ханыкова провела большую исследовательскую работу в Иране и Гератском оазисе и в то же время выполнила ряд заданий царского правительства и отдельных предпринимателей.

Идея экспедиции в Хорасан принадлежала Н. П. Игнатьеву{216}. Александр II одобрил это предложение, и по указанию вел. кн. Константина Николаевича разработку проекта [79] поручили видному востоковеду Н. В. Ханыкову, сотруднику Азиатского департамента. Н. В. Ханыков был одним из выдающихся русских ученых, завоевавших отечественному востоковедению почетное место в мировой науке. Он самостоятельно изучил восточные языки и в девятнадцать лет участвовал в посольстве Бутенева в Бухару в 1841–1842 гг. Книга Ханыкова «Описание Бухарского ханства», вышедшая в Петербурге через год после возвращения посольства, была единодушно признана лучшим описанием Бухары и переведена вскоре на английский, французский и немецкий языки.

Впоследствии Ханыков работал главным образом в Закавказье. В конце 40-х годов XIX в. он выполнял дипломатические поручения наместника Воронцова; в марте 1851 г., во время организации Кавказского отдела Русского географического общества, был избран помощником председателя отдела. С 1853 г. Ханыков управлял Российским генеральным консульством в Табризе, где открыл метеорологическую станцию, а в сентябре 1857 т. его назначили драгоманом Азиатского департамента в канцелярию Кавказского наместничества.

17 сентября 1857 г. Н. В. Ханыков представил председателю Русского географического общества обширную докладную записку «Предположение об ученой экспедиции в Хорасан»{217}, составленную по указанию правительства.

В этой записке Ханыков отмечал большие успехи, достигнутые в научном исследовании Азиатского материка, тесно переплетавшиеся с «европейской», т. е. капиталистической, экспансией в странах Востока. О Китае и Японии, слабо изученных западной наукой, имеется богатая китайская литература, констатировал он. В то же время «часть Средней Азии, граничащая с Китаем, и юго-восточная часть Персии могут быть признаны за страны, о которых всякий без стыда в невежестве может признаться, что он мало или даже вовсе ничего не знает»{218}. Содержащиеся в литературе — восточной и европейской — сведения об этом районе крайне скудны и не могут дать ответа на важные вопросы: «В какой степени богатства его могут служить подмогою европейской промышленности, в какой степени его хлопчатая бумага, шелк и аптекарские товары могут быть доступны выгодной обработке или продаже в Европе, в каком размере край этот способен потреблять европейские обработанные произведения, еловом сказать, какое место ему нужно дать в промышленной жизни человечества»{219}.

Н. В. Ханыков писал также о большом научном значении исторических, этнографических и филологических изысканий в [80] этом районе, но для нас важны его четкие обоснования экономических целей экспедиции, что свидетельствовало о понимании автором насущных потребностей развивавшегося в Российской империи капитализма и о стремлении русской буржуазии найти новые рынки для сбыта своих товаров. Не случайно Ханыков подчеркивал, что «северо-восточный угол Ирана

«для нас гораздо более любопытен», чем юго-западный, «по участию в судьбах стран, подчиненных России»{220}. Ханыков фактически призывал детально изучить соседние территории, наиболее доступные влиянию Российской империи.

Что касается расходов, то «в той мере, в которой они прямо касаются Общества», по мнению Ханыкова, не должны были превысить 6 тыс. руб. в год.

Предложение, сформулированное Ханыковым, встретило живой отклик и поддержку в Русском географическом обществе. Уже через шесть дней — 23 сентября 1857 г. — проект был обсужден Советом общества, отметившим «важные последствия, которые должна иметь ученая экспедиция в означенный край как для успеха в науке, так и для промышленности России»{221}.

Русское географическое общество не смогло самостоятельно финансировать экспедицию в Хорасан, поэтому, как явствует из отчета общества за 1857 г.{222}, Совет использовал государственный бюджет. Протокол заседания Совета от 23 сентября 1857 г. предусматривал: «1. Содержание членов экспедиции поставить за счет тех ведомств, от коих они будут откомандированы. 2. Подъемные деньги... выдать из государственного казначейства. 3. На путевые издержки обратить пособие из сумм общества (от 1 до 2 тыс. руб.), если его будет недостаточно, то просить содействия Азиатского департамента»{223}.

Александр II утвердил эти предложения. Важнейшие ведомства и научные учреждения: министерства народного просвещения, финансов, иностранных дел, внутренних дел, Межевой корпус, Генеральный штаб, Гидрографический департамент, Николаевская обсерватория, Главная физическая обсерватория, а также Академия наук и другие учреждения и организации{224} выделили необходимые инструменты и материалы, а некоторые — откомандировали своих сотрудников. [81]

К подготовке этой экспедиции были привлечены крупнейшие специалисты в области географии, геологии, ботаники, зоологии, истории, этнографии. Среди них находились академики и профессора: Ф. Ф. Брандт, Г. В. Абих, И. И. Срезневский, В. В. Вельяминов-Зернов, Э. Ленц, П. И. Небольсин и др. Ее руководителем был назначен Н. В. Ханыков, а участниками — профессор Дерптского университета Бунге, магистр этого университета геолог Гебель, преподаватель Петербургского технологического института Р. Ленц, представитель морского ведомства капитан-лейтенант Ристори; с экспедицией на собственный счет отправился зоолог Кейзерлинг.

Хорасанская экспедиция заинтересовала капиталистические круги России. Участники Закаспийского торгового товарищества немедленно откликнулись на сделанное им предложение Советом Русского географического общества принять участие «в расходах экспедиции»{225}. Они рассчитывали на многообещавшее «благоволение» почетного председателя Русского географического общества вел. кн. Константина Николаевича.

Закаспийское торговое товарищество выделило на экспедицию крупную для того времени сумму — 3 тыс. руб. серебром{226}. Исполнявший должность секретаря общества В. П. Безобразов заявил: «Сведения, которые будут собраны хорасанской экспедицией, находятся в тесной связи с предприятиями Каспийского товарищества и, без сомнения, будут весьма для него полезны; промышленная компания, которая при самом начале своей деятельности дает ей такой просвещенный характер, тем самым уже доказывает, что она находится на высоте современных экономических интересов, всюду в образованном мире ищущих прочной для себя опоры в науке»{227}.

Как уже было сказано, экспедиция Н. В. Ханыкова преследовала и политические цели. Задуманная вскоре после начала грандиозного антиколониального восстания

народов Индии, она, как и снаряжавшаяся почти одновременно дипломатическая миссия Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару, должна была ознакомиться с обстановкой, складывавшейся в соседних странах Востока, и способствовать, по возможности, укреплению в них влияния Российской империи. Возглавлявший Морское министерство все тот же вел. кн. Константин Николаевич специальным письмом информировал об этом кавказского наместника Барятинского{228}. [82]

Ханыков, кроме того, получил задание от Министерства иностранных дел вести переговоры с правителями различных афганских владений о создании союза «среднеазиатских ханств», направленного против Англии. Царское правительство стремилось убедить их, как отмечал Ег. П. Ковалевский в начале 1859 г., «в желании нашем не ослаблять ханств, но усиливать их сколько возможно; мы хотели этим доказать, что наш собственный интерес требует того, чтобы поставить оплот (т. е. преграду. — Н. X.) завоевательным стремлениям Англии... Нельзя же было Министерству иностранных дел оставить в Средней Азии как можно более обширное пространство земель, так сказать нейтральных, не принадлежащих: ни: той, ни другой державе; мысль эта довела до того, что пока мы оставались спокойными и равнодушными в своих границах, Англия подвинулась из Индии до Лагора, завоевала: последний, поставила комиссара своего в Афганистане и распространила влияние свое на Герат»{229}.

В связи с этим Н. В. Ханыкав получил из Министерства иностранных дел специальную инструкцию, утвержденную Александром II, согласно которой Ханыкову поручалось попытаться установить отношения между Российской империей и Афганистаном. Для этого глава экспедиции должен был проехать в Кабул и вступить в переговоры с эмиром Дост Мухаммадом. Во время переговоров надлежало разъяснить политику русского правительства в Центральной Азии, в частности в отношении Афганистана. В инструкции подчеркивалось стремление России содействовать созданию в Центральной Азии сильного и независимого государства, которое могло бы стать мощным барьером на пути британской экспансии. Поэтому Россия заинтересована в максимальном укреплении Афганистана.

Для придания надлежащего веса русскому послу Ханыкова снабдили личным письмом вел. кн. Константина Николаевича к Дост Мухаммеду, в котором разъяснялись научные цели экспедиции и выражалась надежда, что «путь в подвластные вам страны будет открыт тем, коих влечет туда благородная бескорыстная любознательность»{230}.

Ханыкову было предложено, кроме того, посетить Герат и Кандагар, выяснить в них политическую обстановку и установить контакт с их правителями. В Южном Хорасане и Сеи-стане Ханыков должен был наряду с изучением создавшегося здесь положения в ходе переговоров с властями «способствовать усилению их зависимости от правительства Ирана»{231}. [83]

Таким образом, перед Хорасанской экспедицией были поставлены важные политические задачи.

Торгово-экономические цели экспедиции также неизменно подчеркивались во всех официальных документах. Даже в письме вице-председателя Русского географического общества Ф. Литке в Академию наук с просьбой составить инструкции для участников экспедиции содержалась фраза о чрезвычайной важности Хорасанской экспедиции «как для успехов науки, так и для промышленности и торговли России»{232}.

Знаток внешнеторговых связей России со странами Востока П. И. Небольсин составил специальную инструкцию для членов Хорасанской экспедиции «по части собирания данных о торговых обычаях и других предметах, тесно с этим вопросом связанных». Он рекомендовал изучить условия торговли в Хорасане, местные пути и средства сообщения, зависимость установленных пошлин от религиозной принадлежности и национальности

торговца, советовал также ознакомиться с месторождениями полезных ископаемых и со всем тем, что интересует, по его выражению, «торговцев-практикантов»{233}.

К началу 1858 г. члены экспедиции завершили подготовку и двинулись в путь. В марте они уже были в Баку, а в конце месяца прибыли в Астрабад. Отсюда Н. В. Ханыков по приглашению иранского шаха Насер эд-Дина отправился в Тегеран, где провел свыше месяца в переговорах с правительством Ирана по различным торгово-политическим вопросам. После этого весь состав экспедиции, посетив города Шахруд, Нишапур и Мешхед, прибыл в Герат, где экспедиция работала с начала сентября 1858 до конца января 1859 г. Ханыков и его спутники всесторонне изучили Гератский оазис и детально ознакомились с состоянием и особенностями местного рынка.

Правитель Гератского владения Султан Ахмад-хан{234} гостеприимно встретил экспедицию и оказал ей содействие{235}. [84]

Из Герата Ханыков отправил нарочного к Дост Мухаммад-хану за разрешением на прибытие в Кабул. Эта попытка не имела успеха. Дост Мухаммад-хан, всего лишь за год до этого заключивший новый договор с Британской империей, отклонил предложение о встрече. Он сообщил письменно Ханыкову, что не желает нарушать установленные с таким трудом «дружественные» отношения со своим могущественным соседом — Британской империей{236}.

Таким образом, разработанные правительством Российской империи планы укрепления связей с Афганистаном провалились. Стремление России создать в Центральной Азии мощный барьер в борьбе против своего соперника — Англии потерпело неудачу.

В обратный путь экспедиция Ханыкова направилась через Северный Сеистан, Южный Хорасан и Керман. Она посетила города Сабзевар, Лаш, Сербише, Керман. 1 мая 1859 г. участники экспедиции прибыли в Йезд, 19 мая — в Исфахан, а отсюда — через Кум — в Тегеран. В конце 1859 г. Ханыков вместе с Гебелем возвратился в Россию, проведя в экспедиции почти полтора года.

Политических успехов экспедиция Ханыкова не добилась. Зато ее научные достижения были очень велики. Исследованиями была охвачена территория, превышавшая по площади 350 тыс. кв. верст. Благодаря неутомимым трудам топографов Жаринова и Петрова резко изменились представления о карте Восточного Ирана{237}. Были достигнуты важные результаты в изучении климата, растительного и животного мира этой территории, а также собраны богатейшие этнографические и археологические коллекции. Многие из них, однако, не были обработаны полностью, а их описания не были опубликованы в связи с тем, что Ханыков вскоре после окончания экспедиции фактически эмигрировал во Францию, где жил до самой смерти, поддерживая лишь научную переписку с Русским географическим обществом и Академией наук. Свои труды он издавал во Франции на французском языке. Попытки руководителей Русского географического [85] общества собрать воедино для издания все материалы экспедиции не увенчались успехом{238}.

Экспедиция Ханыкова оказала большую помощь в развитии русской торговли в Хорасане. Так, Закаспийское торговое товарищество значительно расширило свои торговые операции{239}.

Собранные экспедицией Ханыкова материалы ознакомили царское правительство с общей обстановкой, сложившейся в Восточном Иране, Гератском оазисе и афганских землях, находившихся под властью эмира Дост Мухаммада, и предоставили возможность выработки политической линии по отношению к правителям этих государств.

### Посольство Н. П. Игнатьева в среднеазиатские ханства

Возраставшее проникновение английских товаров на рынки Средней Азии наряду с дипломатическими интригами Англии в этой области и оказывавшейся ею энергичной военно-политической поддержкой распространению власти Дост Мухаммад-хана в бассейне Аму-Дарьи являлись факторами, ускорившими активизацию политики царского правительства в этом районе.

16 октября 1857 г. Александр II утвердил доклад Горчакова об отправке русского посольства в Хиву и Бухару. Характерно, что одним из доводов министра иностранных дел о необходимости этого мероприятия было утверждение, что в Бухару приехал «английский агент и употребляет все усилия, чтобы разрушить наши торговые сношения как с Хивой, так и с Бухарой»{240}. [86]

Горчаков указывал также на важность изучения судоходности Аму-Дарьи и «точных сведений о положении некоторых стран Средней Азии, подвергавшихся в последнее время большим случайностям и частым переменам»{241}.

Целесообразность отправки посольства в Среднюю Азию настолько назрела, что за три дня до рассмотрения царем доклада Горчакова оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин подписал отношение в Министерство иностранных дел, в котором независимо от Петербурга предлагал послать миссии в среднеазиатские ханства{242}.

Для выработки плана действий в Средней Азии военный министр Н. О. Сухозанет предложил Катенину срочно командировать в Петербург начальника Аральской флотилии капитана первого ранга А. И. Бутакова со всеми материалами о состоянии и нуждах флотилии. Правительство рассчитывало отправить посольство вверх по Аму-Дарье{243}.

В Петербурге развернулась интенсивная подготовка к отправке посольства{244}. Все вопросы, связанные с посольством, разрешались безотлагательно.

29 декабря 1857 г. Бутаков приехал в Петербург и был принят вел. кн. Константином Николаевичем, которому представил проект «водного пути» в среднеазиатские ханства — по Аральскому морю и Аму-Дарье. Непосредственный начальник Бутакова Катенин предлагал направить миссию сушей из-за плохого состояния Аральской флотилии и отсутствия разрешения хивинского хана на проход русских судов через его владения.

4 января 1858 г. состоялось заседание Особого комитета, на которое был приглашен и Бутаков. В нем участвовали вел. кн. Константин Николаевич, А. М. Горчаков, Н. О. Сухозанет и Ег. П. Ковалевский. Великий князь поддержал Бутакова, однако Горчаков и Сухозанет, опасавшиеся военного столкновения с Хивинским ханством, выступили против. По словам Бутакова, министр иностранных дел заявил, что «в настоящее время, при внутреннем состоянии России, всякая война была бы для нас крайне несвоевременна, а потому и он, понимая всю важность знания Аму-Дарьи... находит плавание по ней наперекор хивинцам неудобным и сопряженным с большими случайностями»{245}.

Особый комитет в основном согласился с мнением Катенина, но высказался за использование всех возможностей для [87] плавания по Аму-Дарье, чтобы проникнуть «так далеко вверх по реке, как только время года и обстоятельства то позволят...»{246}. При этом учитывалось, что плоскодонные суда, из которых состояла Аральская флотилия, будут оснащены выдвижными килями.

Морское министерство назначило командирами судов Аральской флотилии лейтенантов Можайского{247}, Ковалевского и Колокольцева, «все трое кругосветные (т. е. участвовавшие в кругосветных плаваниях. — Н. Х.) и с

самой блестящей репутацией», по характеристике Бутакова{248}.

Царское правительство, опасаясь враждебной реакции Англии, намеревалось засекретить подготовку и отправку миссии в Среднюю Азию. Однако известие о посольстве немедленно распространилось в самых различных кругах столицы. «К крайнему удивлению моему, — писал Бутаков Катенину, — о нем говорят во всех слоях здешнего общества. Я слышал даже, что это известно в английском посольстве. В Петербурге, так же как и в Оренбурге, новость эта разгласилась весьма свободно»{249}.

По предложению Горчакова посольство в Хиву и Бухару возглавил флигель-адъютант Н. П. Игнатьев, бывший военный представитель в Лондоне. Назначение на этот пост придворного лица — царского флигель-адъютанта, дипломата — особо подчеркивало значение посольства в международном плане. Игнатьев был хорошо знаком с положением на Востоке и политикой, проводившейся там царским правительством. Находясь в Лондоне, Игнатьев «внимательно наблюдал за событиями в Азии и деятельностью там английских агентов»{250}. Будучи вызван в Россию для личного доклада царю о положении на Востоке, Игнатьев в сентябре 1857 г. представил детально разработанную записку о «видах» Англии в Азии и «о тех подготовительных мерах, которые должны быть приняты нами в Турции, Персии и Средней Азии, чтобы поднять наше значение и противодействовать Великобритании»{251}. Игнатьев был тесно связан с промышленными кругами России, полностью разделял изложенные выше взгляды представителей влиятельных финансовых и политических кругов страны на значение Средней Азии для Российской [88] империи с экономической и военно-политической точки зрения. Ему принадлежит весьма выразительное определение этого значения. В записке, поданной министру иностранных дел в сентябре 1857 г., он писал: «В случае разрыва с Англией только в Азии можем мы вступить в борьбу с нею с некоторой вероятностью успеха и повредить существованию Турции. В мирное время затруднения, порожденные Англией в Азии, и увеличение значения нашего в странах, отделяющих Россию от британских владений, послужат самым лучшим ручательством сохранения мира с Англией».

Эта военно-политическая характеристика проблемы дополнялась Игнатьевым указанием на ее экономическое значение. «...Азия — единственное поприще, — писал он, — оставленное для нашей торговой деятельности и развития нашей промышленности, слишком слабых, чтобы войти в успешное состязание с Англией, Францией, Бельгией, Америкой и другими государствами.

Исследование Средней Азии, утверждение сношений в этом крае, утверждение нашего влияния и уменьшение английского — так соответствуют естественным пользам России, что, мне кажется, не представляется и надобности для покрытия расходов экспедиции, которая была бы предпринята для исследования местных условий, в огромных пожертвованиях казны. Можно ожидать, что многие богатые купцы и промышленники изъявят готовность содействовать этому предприятию»{252}.

Игнатьев призывал к активным наступательным действиям в Средней Азии. В многочисленных «записках» и других документах, адресованных высшим сановникам, Игнатьев провозглашал необходимость попользовать опыт Великобритании, которая, не стесняясь ничем, вела колониальные войны на Востоке. Как мы видели выше, одна из «записок» Игнатьева послужила предпосылкой к отправке в Хорасан экспедиции Н. В. Ханыкова. Игнатьев доказывал целесообразность подчинения ханств Средней Азии и призывал открыть путь русским судам вверх по Аму-Дарье, вплоть до территории Афганистана. Это должно было укрепить экономические и военно-политические позиции Российской империи на Востоке и заставить Англию «дорожить нашей дружбой».

Довод об использовании продвижения в Среднюю Азию как средства нажима на Англию с целью заставить ее придерживаться дружественной политики в отношении России часто высказывали многие крупные государственные и военные [89] деятели царского самодержавия{253}. Эти высказывания, которые далеко не всегда делались для печати, резко расходились с многочисленными и разнообразными английскими трактовками русского продвижения в Среднюю Азию, как эпизода на пути к «основному» — «изгнанию Англии из Индии».

В начале 1858 г. отправка миссии в Среднюю Азию была окончательно решена. В апреле 1858 г. Игнатьеву вручили детальную инструкцию{254}, составленную директором Азиатского департамента Ег. П. Ковалевским и утвержденную Александром II. Анализ этой инструкции вскрывает цели и задачи, поставленные царским правительством перед посольством. Основными задачами миссии были:

1. Изучение ситуации, сложившейся в Средней Азии.

2. Упрочение влияния Российской империи в Бухарском и Хивинском ханствах, улучшение условий русской торговли в этих государствах.

3. Уничтожение вмешательства англичан, которые стараются проникнуть в Среднюю Азию и привлечь ее на свою сторону.

Игнатьеву предлагалось приложить усилия, чтобы добиться разрешения на свободное плавание русских торговых судов по Аму-Дарье. «Открытие судоходства по этой реке, — гласила полученная им инструкция, — составляет важнейшее из всех поручаемых вам дел. О достижении его вы будете стараться всеми возможными средствами». Крупную роль в деятельности посольства должна была сыграть Аральская флотилия; ее командир А. И. Бутаков поступал в распоряжение руководителя миссии.

Чтобы получить разрешение хивинского хана на плавание русских судов по Аму-Дарье, царское правительство прибегло к такой, несколько наивной уловке, как посылка хану очень громоздких «подарочных вещей», труднодоступных для перевозки гужевым транспортом (например, органа){255}. Этот расчет на корыстолюбие правителя Хивы не оправдался. [90]

Получив разрешение, русские суда должны были подняться как можно выше по течению Аму-Дарьи ( «возможно даже до Балха», как гласила инструкция) для детального исследования судоходности этой важнейшей водной магистрали{256}.

В случае успеха в вопросе о русском судоходстве по Аму-Дарье Игнатьеву разрешалось не настаивать на следующем требовании — уменьшении постоянной пошлины с русских товаров вдвое (с 10 до 5%).

К уступкам Хиве и Бухаре, на которые шло царское правительство, относилось разрешение хивинским подданным, женившимся в России, вывозить свои семьи на родину, а также предоставление бухарским купцам (согласно просьбам эмира) права торговать во всех городах и на ярмарках Российской империи и выделение для них постоянных лавок на Макарьевской ярмарке в Нижнем Новгороде. Это свидетельствует, что в данный момент военно-политические интересы были не менее важны для царского самодержавия, чем интересы торговые.

От правителя Хивы миссия должна была добиться обязательства не подстрекать туркменские, казахские и каракалпакские племена против Российской империи и к «взаимной вражде друг с другом». Перед миссией стояла задача избежать обсуждения каких-либо проблем, касавшихся наиболее спорного вопроса — о русско-хивинских границах.

В Бухаре миссия должна была потребовать освобождения всех русских пленных, обращенных в рабство, и постараться подвести твердую основу под русско-бухарскую торговлю.

В случае успешного завершения переговоров Игнатьев был уполномочен обещать правителям обоих

ханств от имени России, что она «будет, по возможности, ограждать их от вредного вмешательства других государств». Дабы в ханствах не сомневались, кто именно имеется в виду, главе миссии поручалось «внушить» руководящим кругам ханства «справедливые опасения насчет образа правления Англии в Азии», объяснить, «как мало следует иметь доверия к словам и обещаниям державы, которая под всеми предлогами ищет случая проникать в страны для того только, чтобы обращать их в колонии и извлекать из них одну пользу для себя», и, наконец, указать «на пример Индии, системой Англии доведенной до самого жалкого состояния».

В Бухаре, расположенной ближе других ханств к британским владениям и подвергавшейся непосредственной угрозе английской экспансии, миссия Игнатьева должна была [91] изучить положение и «способы» английской торговли в ханствах, а также изыскать средства для удержания за Российской империей «необходимо нужного для нее первенства на среднеазиатских рынках». Игнатьеву предлагалось вести тщательное наблюдение за деятельностью англичан в Бухарском ханстве, за развитием их торговли в Средней Азии и применявшимися при этом приемами.

Для получения полной информации о деятельности Англии в Центральной Азии Игнатьеву поручалось установить контакт с Ханыковым, уже отправившимся в поездку в Хорасан.

В случае успешных переговоров между главой дипломатической миссии и правителями ханств должны были быть подписаны «письменные обязательные акты», содержание которых планировалось довести до сведения населения ханств особыми фирманами.

Инструкция Военного министерства была более краткой и сводилась в основном к сбору топографических, статистических и «вообще военных сведений» по пути следования: о реке Аму-Дарье ( «во всех отношениях»), о туркменах ( «их военной силе, отношении к Хиве и расположении к России»), о дорогах и реках Средней Азии, в частности из Бухары в Самарканд и Кокандское ханство, а также «о военной силе и средствах Хивы, Бухары и по возможности Балха»{257}.

Кроме того, царское правительство выдвигало и побочную задачу перед посольством: установить связи со старшинами туркменских племен, всегда игравшими роль бродильного элемента в Хивинском ханстве.

Игнатьев был снабжен письмами к везирам Хивы и Бухары, а также «высочайшими грамотами» на имя правителей ханств. В этих документах указывалась цель миссии: установление дружественных взаимоотношений и заключение «формального акта об этом»{258}.

Особый комитет, обсуждавший задачи Аральской флотилии, рекомендовал не раздроблять флотилию и оставлял на усмотрение Игнатьева и Бутакова вопрос о том, «должно ли подвергать флотилию случайностям зимовки в Чарджуе» или перевести ее в другое место{259}. Члены комитета почти не сомневались в успехе ее действий. На деле вышло иначе...

15 мая 1858 г. миссия Игнатьева двинулась из Оренбурга в Хиву. Кроме Игнатьева и его секретаря Е. Я. Килевейна, в состав посольства входили дипломатический чиновник при оренбургском генерал-губернаторе М. Н. Галкин, офицеры [92] Генерального штаба Салацкий и Залесов, офицеры корпуса топографов Яковлев и Зеленин, лейтенант флота А. Ф. Можайский, астроном К. В. Струве, представитель Академии, наук востоковед П. И. Лерх и др. Посольство вместе с конвоем насчитывало 83 человека{260}.

Маршрут шел через Эмбенское укрепление, вдоль западного берега Аральского моря — в Хиву и далее в Бухару» Обратный путь также был намечен через Хивинское ханство{261}. Одновременно с отправкой посольства в Хиву и Бухару оренбургский генерал-губернатор Катенин предпринял специальный инспекционный объезд «Киргизской степи», т. е. Казахстана{262}.

И Бутаков и Катенин, как сетует в своих мемуарах Игнатьев{263}, стремились использовать активизацию внешней политики царского правительства в своих интересах, что, по Игнатьеву, вредно отразилось на результатах посольства, «Самонадеянный Бутаков» сообщил неверные сведения о степени готовности Аральской флотилии и всячески старался, играть самостоятельную роль, — приблизительно так оценивал действия Бутакова глава миссии. Однако во многих, документах Бутаков характеризуется как прекрасный организатор, самоотверженный и скромный человек. Некоторая задержка в подготовке судов флотилии зависела не от ее руководителя, а от косного, бюрократического отношения к нуждам флотилии царских чиновников.

Катенин, действительно, рассматривал Оренбургский край как свою вотчину и был весьма недоволен нарушением, как ему казалось, его прерогатив. Под различными предлогами Катенин оттягивал отъезд посольства из Оренбурга (Игнатьев прибыл туда 1 мая 1858 г.) до начала своего «объезда Киргизской степи», желая, чтобы посольство шло с ним в одном отряде до Эмбы, а затем как бы «отделилось» от пышной свиты генерал-губернатора. Лишь после многочисленных настояний Игнатьев добился возможности выступить отдельной группой.

Положение в ханствах Средней Азии было в это время весьма напряженным. Хива переживала очередное обострение борьбы между узбекской и туркменской феодальной верхушкой. Ожесточенные кровопролитные столкновения ханских [93] войск с туркменскими отрядами зачастую завершались победой туркмен, вожди которых утверждали ханов по своему усмотрению. Эта борьба, имевшая в основе политические, земельные и налоговые конфликты, происходила и в период поездки миссии Игнатьева.

Так, например, характеризовал внутреннюю обстановку в Хиве во время следования через ханство русской миссии Килевейн: «Междоусобия и беспрестанные войны породили повсюду страшную дороговизну и голод. Поля остались незасеянными и необработанными. Пуд хлеба, стоящий обыкновенно 4 теньги (80 коп.), продавался в это время по 20 теньга (4 руб.)... Летом 1857 г. свирепствовала в Хиве сильная эпидемия, бывшая, вероятно, последствием голода и сопряженного с ним истощения сил; особенно велика была смертность между детьми; болезнь эта, по всем признакам, была холера»{264}.

Города Куня-Ургенч и Ходжейли, через которые должно было проехать посольство, оказались блокированными войсками туркменского хана Ата-Мурада, предлагавшего Катенину принять его в русское подданство.

Чтобы не возбуждать подозрений правителя Хивы встречей с Ата-Мурадом, Игнатьев решил изменить маршрут и прибыть в столицу ханства через г. Кунград.

На пути в Хиву Игнатьев обменялся письмами с Министерством иностранных дел. В письме от 24 мая 1858 г. он предлагал допустить постоянных торговых агентов Бухары и Хивы в Оренбург в случае разрешения русским торговым агентам находиться в этих ханствах.

Уточняя средства воздействия на правительственные круги этих государств, Игнатьев достаточно откровенно оценивал положение вещей: «Так как вообще обещания наши взамен требуемых ныне от правителей Хивы и Бухары будут в сущности ничтожны и преимущественно должны заключаться в громких, но пустых фразах, то не лучше ли для убеждения ханов в необходимости принять и подписать предлагаемые им акты угрожать в случае отказа отнять существующие доселе для азиатцев торговые льготы, выразив им при этом, что мы без азиатских товаров обойтись можем». Игнатьев сомневался в целесообразности пункта инструкции, предписывавшего ему уклониться от обещания помощи бухарскому эмиру в его борьбе против Кокандского ханства. Указывая на явно враждебное отношение кокандцев к Российской империи, Игнатьев считал невыгодным отказать в [94] помощи эмиру и «не

воспользоваться сим случаем, чтобы связать Сыр-Дарьинскую линию с Сибирской, заняв Туркестан; и Ташкент». Бухарское ханство, по мнению Игнатьева, не усилилось бы особенно «по невоинственности народа», а также потому, что эмиру трудно было бы удержать занятую часть Коканда без русской помощи, которая сделала бы бухарское правительство более уступчивым.

Это, безусловно, центральный пункт письма Игнатьева. Пожалуй, впервые после Крымской войны ответственным лицом Российской империи с такой определенностью было внесено предложение о создании русско-бухарской коалиции для расчленения Кокандского ханства и о переносе государственной границы в глубь Средней Азии, к Ташкенту.

В заключение Игнатьев предлагал пообещать хивинскому хану какие-либо материальные выгоды за разрешение русским, судам плавать по Аму-Дарье. Например, за движение торговых караванов в Бухару через Хиву Россия должна будет выплачивать хану двухпроцентную пошлину с провозимых товаров в течение первых двух-трех лет, после чего легче потребовать ее отмены для транзитных грузов{265}.

Ответ министерства Игнатьев получил 26 сентября 1858 г. уже в Бухаре. В свЪем предписании от 19 июля министр сообщал, что письмо посла докладывалось царю. Правительство Российской империи соглашалось на допуск в Оренбург торговых агентов Бухарского и Хивинского ханств. Оно разрешало также Игнатьеву при необходимости «намекнуть» на возможность отмены торговых льгот для бухарских и хивинских купцов, но не рекомендовало «прибегать к явной угрозе, которой мы не могли бы исполнить без вреда для нашей торговли и которая при недействительности оной поставила бы нас в затруднительное положение».

Предложение Игнатьева о создании союза России с Бухарой против Кокандского ханства полностью отклонялось. Правительство, гласило предписание министра, не считает эмира надежным союзником и поэтому не намерено принимать участие в его войне с Кокандом.

Забегая вперед, следует отметить, что через 6 лет соединение Сыр-Дарьинской и Сибирской линий, предложенное Игнатьевым, see же состоялось на рубеже Туркестан — Чимкент — Аулие-Ата. Царское правительство по сути дела использовало Бухару как союзника в борьбе против Кокандского ханства. К тому времени Игнатьев занимал уже пост директора Азиатского департамента. [95]

Временный отказ царского правительства от экспансии в Средней Азии можно объяснить сложной внутри — и внешнеполитической ситуацией. Еще не оправившись от длительной и неудачной Крымской войны, в обстановке непрерывных крестьянских волнений, при определенной политической изоляции России, царские власти не решались начать наступление в Средней Азии.

Между тем на этом настаивал не только Игнатьев, но и лица, занимавшие ответственные административные посты на «азиатских окраинах» империи. Катенин писал в Министерство иностранных дел 6 июля 1858 г., т. е. почти одновременно с Игнатьевым, что «оставаться в таком положении мы решительно не можем, и занятие Туркестана и Ташкента есть такая необходимость, от которой зависит как утверждение нашего влияния на среднеазиатские владения, так и самое существование Сыр-Дарьинской линии»{266}.

Эти настояния, однако, также были отвергнуты. Время для широкого продвижения России в Среднюю Азию еще не наступило.

Последний вопрос, затронутый в письме Игнатьева, о поощрении хивинского хана торговой пошлиной с русских транзитных товаров остался открытым; его должно было рассмотреть Министерство финансов{267}.

31 мая 1858 г. экспедиция Игнатьева вышла к р. Эмбе. Сюда в начале июня в лагерь миссии прибыл бывший руководитель движения части казахских племен против

России Исет Кутебаров, прекративший вооруженную борьбу после объявления Катениным амнистии. Чтобы засвидетельствовать искренность своих намерений и действий, Исет Кутебаров поручил одному из своих сыновей сопровождать Игнатьева в Хиву{268}.

Неподготовленность Аральской флотилии, отнюдь не по вине Бутакова, привела к тому, что выполнение важнейшего пункта полученной инструкции сразу же оказалось под угрозой: суда флотилии пришли к устью Аму-Дарьи, когда почти все рукава дельты обмелели, и суда не могли несколько дней войти в реку. Бутаков еще в 1848–1849 гг. знакомился с устьем Аму-Дарьи, но изученные им тогда рукава дельты ко времени прибытия флотилии оказались обмелевшими и заросшими камышом.

Осложнило задачу миссии и то, что хивинский хан перехватил [96] посланные Катениным письма туркменским старшинам. И когда Игнатьев 28 июня 1858 г. прибыл в Кунград, то, несмотря на внешне благожелательную встречу, он почувствовал явную ее натянутость.

«Любезное письмо, посланное оренбургским генерал-губернатором, — доносил Игнатьев Министерству иностранных дел, — перехвачено ханом хивинским, который считает сие уликой в двойственности наших действий... Отряд наш и движение оренбургского генерал-губернатора встревожило хана хивинского, так что собрано везде войско. Пароход усилил дурное впечатление... Пароход пытался пройти в различные устья и наделал тревогу выстрелами и изысканиями и с 22 по 29 июня не мог войти, так что я вынужден согласиться на настойчивые просьбы хана хивинского перегрузить подарки на хивинские барки...{269}. Медлю для выигрывания времени, но иду вперед. Миссия наша садится в Кунграде на барки хивинские»{270}.

Несмотря на многочисленные и упорные настояния Игнатьева, хивинцы наотрез отказались пропустить суда Бутакова выше по Аму-Дарье. Бутакову удалось лишь детально изучить устье реки: им была составлена превосходная карта дельты Аму-Дарьи. Появление у Кунграда неизвестного до того в Хиве парохода произвело сильное впечатление на население и правящие круги ханства.

В Хиве считали, что миссия является «авангардом войск, находящихся еще на Устюрте»: до хана уже дошли известия об экспедиции Катенина и о встрече оренбургского генерал-губернатора с депутацией враждебных хивинским властям туркмен. Чтобы создать благоприятную обстановку для переговоров, Игнатьев был вынужден отправить Бутакову приказ не подниматься выше Кунграда.

От дальнейшего продвижения вверх по Аму-Дарье «до Чарджуя и Балха» пришлось временно отказаться. Опасаясь быть надолго отрезанным от Аральского моря в связи с дальнейшим обмелением реки, Бутаков вывел суда в море. Игнатьев использовал это как доказательство «дружелюбия и желания мирных сношений» Российской империи.

До встречи и личных переговоров с ханом Игнатьев снял свое требование о пропуске судов в реку. Члены миссии двинулись из Кунграда в столицу ханства — г. Хиву на лодках, которые тянули вверх по течению бечевой. [97]

18 июля посольство прибыло в Хиву, и через 10 дней Игнатьев был принят ханом, которому вручил свою «верительную грамоту». Обстановка, однако, оказалась неблагоприятной для выполнения задач миссии. Игнатьев характеризовал ее следующим образом: «Сеид Мухаммед (хивинский хан. — Н. X.) не доверяет никому из своих подчиненных, боится их козней, хочет все делать сам и отстранить возможность, чтобы советники его могли быть подкуплены миссией и иметь какое-либо влияние на решение дела... Вместе с тем Сеид Мухаммед не имеет достаточно твердости духа и уверенности в себе, чтобы самостоятельно обдумать и решить что-либо самопроизвольно в деле государственном и поэтому прибегает беспрестанно к мнению многочисленного совета, никогда не приходящего к какому-либо заключению, пока

хан не выскажет своей воли, и затрудняющего еще больше ход дела. Стесненный, с одной стороны, туркменами, зная намерение киргизов (т. е. казахов. — Н. Х.) перейти в русское подданство, находясь под сильным влиянием бухарского эмира, которого он боится несравненно более нас, опасаясь между тем нашего соседства и встревоженный нашими действиями в степи, — Сеид Мухаммед видит в каждой уступке в пользу русских конечную свою гибель и ущерб собственному достоинству...»{271}.

Посол Российской империи предложил хану подписать «обязательный акт» об установлении дружественных взаимоотношений между Россией и Хивой, который предусматривал: гарантию личной и имущественной безопасности русских торговцев; разрешение русским судам на плавание по Аму-Дарье; пребывание в ханстве торгового агента России; установление постоянной пошлины с русских товаров в размере не свыше 2,5%, их стоимости.

От имени Российской империи Игнатьев предложил предать забвению все прежние конфликты между обоими государствами и не требовать возмещения за разграбленные ранее караваны русских торговцев, предоставить ханским купцам права и привилегии, какими пользовались в России купцы других стран Азии, разрешить хивинцам, женившимся в России, вывезти свои семьи на родину, допустить в Оренбург торгового агента Хивы, а также предоставить хану возможность собирать пошлину не только с выгруженных в ханстве товаров, но и с транзитных товаров, провозимых по Аму-Дарье{272}. [98]

Переговоры тянулись долго, не давая определенных результатов. Наконец хан дал предварительное согласие принять предложенные Игнатьевым условия и заключить «дружественный трактат». Единственным пунктом, вызвавшим упорные возражения, был вопрос о плавании по Аму-Дарье русских судов.

Как отмечал Игнатьев, этому «в особенности противилось торговое сословие, опасавшееся перехода торговли в руки русских купцов». Хивинские торговцы говорили, что они скорее согласятся, чтобы товар сгнил на месте, нежели погрузят его на русские суда.

Хотя хан, казалось, готов был принять «обязательный акт», он всячески затягивал его подписание. Это укрепило мнение Игнатьева, которое он высказывал и ранее, на пути в Хиву: «На трактаты полагаться нечего», необходимо «физическое воздействие» на хивинское правительство, «рано или поздно нам придется занять устье Аму-Дарьи и построить там укрепление для облегчения плавания наших судов»{273}.

21 августа, когда уже почти была достигнута договоренность о принятии хивинскими властями предложений России, стало известно, что на пароход «Перовский», офицеры которого проводили съемки близ Кунграда, бежал пленный перс, обращенный хивинцами в рабство. Бутаков отказался его выдать и заплатил владельцу раба «20 полуимпериалов» выкупных.

Этот инцидент вызвал созыв ханского совета. Было решено, как иронически отмечал Залесов, перефразируя донесение Игнатьева Ковалевскому от 27 августа, «что пароходы наши отнюдь не следует пускать в реку, ибо, исследуя местность, мы можем внезапно овладеть ханством, а увоз безнаказанно пленных разорит окончательно Хиву...» От Игнатьева потребовали распоряжения о выдаче бежавшего и о прекращении съемок. Тот отклонил требование, ссылаясь на отсутствие точных сведений о происшедшем. Все это послужило основанием для хивинских властей к срыву уже намечавшегося соглашения, и 25 августа Игнатьев получил ответные подарки хивинского хана царю.

Несмотря на внешнее проявление дружелюбия, хивинское правительство было настроено резко враждебно к посольству. Один из участников миссии в письме из ханства довольно мрачно изображал обстановку: «Наша

жизнь в Хиве незавидна, подозревают во всем, хватают наших почтарей и трактата не подписывают. Некоторые из членов миссии, люди [99] слабонервные, ходят с вытянутыми физиономиями, не спят ночи и ежеминутно ожидают нападения. Действительно, мы каждый день почти получаем сведения, что на ханских советах трактуют, как бы от нас отделаться: одни предлагают отравить, другие — поджечь, а третьи, чтобы снять ответственность с хана, советуют нанять шайку туркмен, которая бы передушила нас где-нибудь по дороге из Хивы»{274}.

Положение было настолько напряженным, что Катенин приказал задержать в Оренбурге хивинские торговые караваны до получения известий о благополучном отъезде посольства из ханства.

Краткий итог пребывания миссии в Хивинском ханстве подводил сам Игнатьев: правящие круги ханства не имеют никакого представления о международном праве, о принципе «договоры должны соблюдаться»; единственное средство заставить их соблюдать договоры — вооруженная сила.

«Если бы гоняться за заключением трактатов, большей частью ни к чему не ведущих, — сообщал Игнатьев Катенину, — подобно тому, как договор, заключенный Данилевским в 1841 г., но никогда не соблюдавшийся, то можно было бы и теперь заключить договор, приняв в соображение, что нынешние уступки хивинцев несравненно важнее тех, коими мы до сих пор довольствовались. Я почел за долг совести не продолжать более переговоров и не подписывать дружественного акта, ибо хан не согласился на свободное плавание по реке Аму судов наших. Договоры с Хивой бесполезны, пока хивинцы не убедятся в необходимости нас слушаться и свято исполнять обещанное нам, а этого... нельзя достигнуть одними рассуждениями и объяснением доводов...»{275}.

В отчете Азиатскому департаменту о действиях миссии с 23 июня по 20 августа 1858 г. Игнатьев подчеркивал, что прием среднеазиатских посольств в России, как и отправка в ханства русских миссий, — «это напрасная трата денег, которые могут быть употреблены для достижения той же цели в этой же части Азии, но иным образом, с несравненно большим вероятием успешного результата»{276}.

В Бухарское ханство посольство Игнатьева направилось вверх по правому берегу Аму-Дарьи. Несмотря на получение «дружественных писем» и традиционных подарков от хивинских властей, обстановка была очень накаленной, и Игнатьев серьезно опасался нападения на миссию, инспирированного [100] хивинским правительством. Отряд находился в состоянии постоянной боевой готовности; несколько раз возникала непосредственная угроза нападения на посольство.

Через месяц, в конце сентября 1858 г., посольство Игнатьева прибыло в Бухару. Бухарский эмир Насрулла был занят в это время войной с Кокандским ханством, и предварительные переговоры пришлось вести с его наместником Мирзой Азизом.

Игнатьев изложил шесть требований российского правительства: уменьшение вдвое таможенных пошлин, взимаемых с русских купцов; введение «правильной оценки товаров и ограждение наших торговцев от произвола бухарских чиновников»; разрешение на прибытие в Бухару «временного торгового агента» — русского чиновника; выделение особого караван-сарая для русской торговли и разрешение русским купцам ездить по бухарским владениям; свободное плавание судов Российской империи по Аму-Дарье ( «для перевозки товаров») и, наконец, освобождение русских пленных{277}.

Уже простое перечисление этих требований показывает, что центральное место в переговорах посольства с бухарским правительством занимали вопросы торговли, имевшей первостепенное значение в русско-бухарских отношениях того времени.

Вместе с тем перед миссией Игнатьева стояла задача помешать английским планам захвата ханства, поскольку британское правительство продолжало вести интриги в Бухаре. Игнатьев сообщал в Министерство иностранных дел, что незадолго до прибытия миссии в ханство в Бухару приехали под видом афганских купцов двое англичан, один из которых владел персидским и русским языками. Кроме того, добавлял он, здесь же находились еще трое англичан, выдававших себя за индийцев{278}.

Сведения о происках английских агентов в Бухаре заставили Игнатьева по-иному оценить полученные им еще в Хиве аналогичные данные о Кокандском ханстве: хивинские чиновники информировали русского посла о том, что в Кокан-де находится несколько офицеров, направленных сюда англо-индийскими властями для обучения артиллеристов и пехотинцев и для строительства укреплений; они сообщили также, что англичане намерены заключить с Кокандом и Хивой военный союз, уже «прислали кокандцам оружие и отливают у них пушки»{279}. [101] Игнатьев тогда не поверил этим сведениям. Он решил, что хивинцы пытаются лишь укрепить свои позиции при переговорах.

Новое известие об активной деятельности английских эмиссаров в среднеазиатских ханствах, в том числе и в Бухарском, свидетельствовало о том, что сообщения хивинских чиновников правильны.

Британская агентура развернула подрывную деятельность непосредственно в Бухарском ханстве с целью осуществления старых планов по созданию антирусской коалиции в Средней Азии. Однако политические и экономические связи между Бухарой и Россией были значительно шире, нежели с Англией. Поэтому англичане не добились успеха. К тому же, как отмечал Игнатьев, «в Бухаре заметна чрезвычайная симпатия к восстанию туземцев в Индии...»{280}.

Влиятельные круги Бухары не только осуждали проанглийскую политику эмира Афганистана, но и пытались заставить его изменить занятую позицию. В ответ на прибытие в Бухару афганского посольства в конце августа 1858 г. были направлены в Кабул представители эмира Насруллы. Им предстояло выяснить возможность совместных антианглийских действий и оказать нажим на Дост Мухаммада, не решавшегося выступить против англичан{281}. Наряду с этим бухарский эмир, учитывая настроения в ханстве, предложил своему посольству потребовать от Дост Мухаммада, «чтобы он впредь совсем не пропускал англичан в Бухару»{282}.

Активные экспансионистские действия Британской империи в Средней Азии были обсуждены при переговорах Игнатьева с бухарскими властями. Он ознакомил токсабу Мирзу Азиза с имевшимися у него сведениями о британских интригах в Коканде. Обсуждались и агрессивные действия Англии в Иране и Китае, положение в Индии в связи с антианглийским восстанием, а также позиция Хивинского ханства, выявившаяся после переговоров с миссией{283}.

11 октября эмир вернулся в свою столицу{284}. Очередная война с Кокандом не привела к каким-либо определенным; результатам: бухарские войска, правда, овладели Ура-Тюбе, но все их попытки занять другой важный стратегический пункт — Ходжент, защищавший вход в Ферганскую долину, [102] окончились неудачей. Эмир также был обеспокоен слухами (распущенными, возможно, английской агентурой) о союзе, заключенном якобы Россией с ташкентским беком{285}.

Не желая вести военные действия в трудных зимних условиях и узнав о прибытии русской миссии, Насрулла поспешил назад в Бухару, готовый дружескими переговорами с Россией обезопасить себя от грозных последствий возможного русско-кокандского наступления. Это предопределило успешный исход посольства Игнатьева в Бухарское ханство.

Игнатьев немедленно был принят эмиром и уже через несколько дней, 16 октября, получил письменное согласие

бухарского правительства на все свои предложения{286}. Воспользовавшись благоприятной обстановкой, он отклонил просьбы бухарских купцов о предоставлении им новых льгот в Российской империи и умолчал даже об уступках ханству, предусмотренных данной ему инструкцией.

Игнатьеву было сообщено представителями эмира, что в случае отказа Хивинского ханства пропустить русские суда по Аму-Дарье Насрулла готов содействовать России в «уничтожении сего препятствия» и что неплохо было бы уже сейчас «заблаговременно условиться относительно разделения ханства между Россией и Бухарой». В последнем предложении проявились важные тенденции политики Бухарского эмирата: при помощи России сокрушить своих хивинских (и кокандских) соперников в борьбе за господство в Средней Азии.

Однако полномочия Игнатьева не заходили так далеко, и он уклонился от переговоров на эту тему, хотя в донесении Министерству иностранных дел отмечал, что Россия могла бы занять устье Аму-Дарьи и г. Кунград, «подчинить себе каракалпаков, киргизов и туркмен», отдав земли собственно Хивы Бухаре{287}. Успешный результат переговоров с Бухарой, ло мнению Игнатьева, должен был иметь большой международный резонанс, и посол высказывал предположение, что, узнав о соглашении, хивинское правительство вышлет своих представителей в Россию, а казахские племена, находившиеся в Хивинском ханстве, перекочуют на русскую территорию.

Закрепляя договоренность о плавании русских судов по Аму-Дарье, Игнатьев добился от эмира, чтобы бухарский посол, направлявшийся с ответным визитом в Россию, [103] возвратился на родину через Аральское море и Аму-Дарью на русском пароходе.

Наконец, эмир занял благоприятную для России позицию и в очень важном вопросе о взаимоотношениях с Британской империей: он заявил, что не примет английских послов и выразит пожелание Дост Мухаммад-хану не пропускать их через Афганистан в Бухару. Английские агенты, уже находившиеся в ханстве под видом афганских купцов, не были приняты (ото данным Игнатьева) даже токсабой и за несколько дней до отъезда русского посольства из бухарской столицы уехали в Афганистан{288}.

31 октября посольство Игнатьева выехало из Бухары, направившись в форт № 1 на Сыр-Дарье, куда прибыло 26 ноября. В декабре 1858 г., после семимесячного отсутствия миссия вернулась в Оренбург.

Оценивая итоги работы посольства, Игнатьев отмечал: «Главнейший и существеннейший результат посылки нашего агента в Среднюю Азию в 1858 г. заключался в том, что рассеялся туман, заслонявший ханства от глаз русского правительства, которое, наконец, прозрело и узнало настоящую цену «дипломатических сношений» с хивинскими ханами и Бухарой. Сведения, добытые нашей миссией, и добросовестное уничтожение прежнего «миража» вызвали крутой поворот в характере наших сношений с ...соседями, способствовали установлению более правильного взгляда на значение и основу их власти, на действительную их силу и в особенности на то положение, которое мы должны и можем занимать в Средней Азии... а равно и те цели, которые мы должны преследовать для более верного и мощного ограждения наших существенных интересов»{289}.

Этот вывод{290} заслуживает серьезного внимания. Длительное пребывание в Хивинском и Бухарском ханствах дало возможность русскому посольству глубоко и всесторонне изучить экономику, расстановку политических сил, феодальный произвол, который вызывал резкое недовольство в различных слоях населения. Военная отсталость ханств была явной для участников миссии, большинство которых было кадровыми военными. Среднеазиатские государства в их глазах были слабыми противниками. [104]

Игнатьев не обольщался успешными переговорами в Бухаре, так как прекрасно понимал, что при фактически

пренебрежительном отношении к принципу нерушимости договоров хан в любое время мог от них отказаться.

К таким же выводам приходили и спутники Игнатьева. Так, Н. Г. Залесов приводит в своей статье «выдержку из частного письма одного из членов нашего посольства» (судя по стилю, некоторым деталям и оборотам речи, можно предположить, что автор — сам Залесов). Характеристика положения в Бухаре дается здесь очень симптоматично: «...на каждом шагу совершенное самообольщение, против которого никакая дипломатия ничего не сделает, а если и будут со стороны эмира какие-либо уступки, то только для вида. На днях люди генерал-губернатора Бухары, живущего во дворце, в чем-то провинились, их сейчас же перерезали, а у генерал-губернатора отобрали все имение и продали с аукциона, а самому дали 40 палок, посадили в тюрьму и, вероятно, скоро снесут голову. Вот каковы тут суд и расправа. Как тут толковать о международных правах, о силе и могуществе России, о развитии торговли и пр. На первых порах здесь все нужно делать силой, а ее-то у нас и нет: на фразах же далеко не уедешь...»{291}.

В письме начальнику Сыр-Дарьинской линии генерал-майору Данзасу от 30 ноября 1858 г. Залесов своеобразно объяснял «успехи» миссии Игнатьева в Бухаре «находчивостью эмира, который не остановился согласиться на многое, твердо решившись не исполнять ничего»{292}. Впрочем, у самого Данзаса сложилось аналогичное впечатление. Он писал Катенину, что считает пустой похвальбой сообщения участников посольства об успехе переговоров в Бухаре. Уступчивость эмира, по Данзасу, объяснялась неудачей предпринятых им военных действий против Кокандского ханства, а также опасениями по поводу враждебной политики афганского эмира Дост Мухаммад-хана. Эти уступки Насрулла-хана, подводил итоги Данзас, ничего не стоят: они не будут проведены в жизнь{293}.

Для нас совершенно ясно, что «коварство и вероломство» были характерны не только для феодальных правителей среднеазиатских ханств, но и для правящих кругов царской России, не менее рьяно попиравших, когда им было выгодно, принципы международного права. Мнения Игнатьева, Залесова, Данзаса интересны в ином смысле: все больше и больше [105] политических и военных представителей России склонялись к мысли, что от дипломатических переговоров со среднеазиатскими государствами «пора» переходить к прямому военному нажиму и открытию рынков Средней Азии вооруженным путем, к активным наступательным действиям для осуществления целей военно-феодальных кругов Российской империи и русской буржуазии.

Наиболее откровенно выразил эту мысль начинавший свою карьеру в Средней Азии М. Г. Черняев. Он настаивал на захвате укрепления Джулек и широком наступлении на Кокандское ханство. «Средства для этого у нас есть, но они находятся под спудом, — писал он. — Затем разве мы пришли сюда, чтобы здесь комфортабельно устраиваться и заводить хозяйство, — для этого у нас много земли в России и более к тому удобной. Нам нужен этот край для распространения нашего влияния на Среднюю Азию... К чему это несвоевременное посольство в Хиву... Мы бросились на детали и упустили из виду главную идею»{294}.

Посольство Игнатьева доказало, что британские правящие круги не только проявляют к Средней Азии «теоретический» интерес, но и предпринимают конкретные шаги к утверждению здесь своего влияния. Этот вывод заставил царское правительство особенно настороженно следить за положением в среднеазиатских ханствах и за дальнейшими действиями там английской агентуры.

Принятие русских предложений бухарским эмиром, независимо от его «коварства и вероломства», было важно в моральном смысле — оно укрепляло авторитет Российской империи среди государств и народов Центральной Азии.

Большое значение имела научная работа миссии. В результате деятельности ее участников (в первую очередь А. И. Бутакова и А. Ф. Можайского) были детально исследованы низовья Аму-Дарьи, различные рукава дельты и большой отрезок реки от Аральского моря до Хивы и от Хивы еще на 600 верст вверх по течению Аму-Дарьи. Была доказана возможность проезда в Хивинское ханство летом по тому же маршруту, по которому за 20 лет до того, зимой 1839 г., потерпел неудачу военный поход В. А. Перовского.

Миссия Игнатьева была последним из посольств, отправленных царским самодержавием в Среднюю Азию в период, предшествовавший стремительному наступлению войск Российской империи в глубь Азии. [106]

### Поездка Ч. Ч. Валиханова в Кашгар

В феврале 1858 г., за месяц до того, как экспедиция Л. В. Ханыкова прибыла в Баку, и за два месяца перед тем, как миссия Н. П. Игнатьева отправилась из Петербурга в свой далекий путь, в укрепление Верное приехал русский поручик Чокан Чингисович Валиханов. Ему поручалось направиться в Кашгар (где еще недавно хозяйничал ходжа Валихан-тора), чтобы выяснить перспективы восстановления политико-экономических связей Российской империи с китайской провинцией Синьцзян.

Весной 1857 г., воспользовавшись восстанием в Кашгаре против власти маньчжуро-китайских феодалов, ходжа Валихан-тора с небольшой группой приверженцев и при поддержке населения захватил Кашгар. Используя антиманьчжурские настроения, он в короткий срок утвердил свою власть на обширной территории. Но успехи Валихан-торы продолжались до тех пор, пока он опирался на народные массы, борьба которых имела характер антифеодальной крестьянской войны. В надежде на «хорошего правителя» угнетенные слои населения оказали поддержку Валихану, но вскоре разочаровались в нем. Когда Валихан-тора повысил налоги, а деклассированные элементы из его военных отрядов занялись грабежом, сельская беднота и городские низы начали отходить от этого движения. В Кашгаре был установлен режим кровавого деспотизма, мало чем отличавшийся от гнета маньчжуро-китайских феодалов. Валихан-тора восстановил против себя не только широкие народные массы, но и зажиточные слои населения, которые были недовольны, во-первых, отсутствием гарантий безопасности их жизни и имущества, во-вторых, тем, что доходные места и высшие должности в армии были распределены между пришедшими из Кокандского ханства сподвижниками ходжи.

«Средства страны скоро были истощены, остановка торговли и всякой промышленности сильно чувствовалась. Лошади, ослы были взяты для войска, медные котлы, тарелки и всякая медная посуда отбирались для отливки пушек. В продолжение ста дней весь народ находился при осадных работах, оставляя свои домашние заботы и обыденные занятия. Ко всему этому подозрительность и жестокость ходжи перешла всякие границы... Жизнь всех и каждого находилась в опасности. Такое напряженное состояние не могло продолжаться долго...»{295}.

Восстание Валихан-тора в августе того же 1857 г. было подавлено. [107]

Русские власти, не имевшие хорошо налаженной связи с Кашгаром, очень интересовались местной обстановкой, отражавшейся на торговых отношениях России с Западным Китаем. Узнав о начале восстания, царское правительство поручило директору Азиатского департамента Ег. П. Ковалевскому изложить соображения о событиях в Синьцзяне.

В записке «О положении дел в Кашгаре и наши к нему отношения»{296} Ег. П. Ковалевский отметил важное географическое положение Кашгара — «обширной и плодоносной провинции, расположенной между Китаем, Индией, Афганистаном и Кокандом и кочевьями русскоподданных дикокаменных киргизов».

Местное население было настроено антиманьчжурски; имелись и претенденты на власть — представители свергнутой династии ходжей. Царское правительство могло, прикрываясь стремлением помочь «законным претендентам», более активно вмешаться в борьбу за Кашгар. Однако и по отношению к южной части Синьцзяна — Кашгару — царское правительство также отказывалось от наступательных действий и ограничивалось лишь полумерами.

После обсуждения записки Ег. П. Ковалевского в Военном министерстве и Министерстве иностранных дел оба ведомства приняли совместное решение:

1. Командировать в Кашгар подготовленного офицера для сбора сведений о положении на местах.

2. Усилить русские отряды на кашгарской границе, если это будет признано необходимым генерал-губернатором Западной Сибири Гасфордом.

3. Если в Кашгаре будет полностью восстановлена власть прежней династии, независимой от правительства Китая, и ее представители обратятся за содействием к генерал-губернатору Западной Сибири, то он должен будет, «не отвергая их просьбы и приняв благосклонно посланцев новой власти в Кашгаре», запросить инструкций правительства{297}.

Эти решения, внесенные в утвержденный царем доклад, показывают, что правительство Российской империи не желало использовать в своих интересах положение дел в Кашгаре. Наиболее важный, третий пункт доклада был облечен в такую форму, что всякое оказание поддержки «прежней династии» неизбежно наталкивалось на длительную волокиту и затяжную переписку между Омском и Петербургом. [108]

Нежелание царского правительства вмешиваться в борьбу в Кашгаре подтверждается и письмом министра иностранных дел А. М. Горчакова генерал-губернатору Западной Сибири от 1 ноября 1857 г. «Правительство наше, — писал А. М. Горчаков, — не предпринимая наступательных действий, должно быть готово ко всем случайностям...»{298}.

Военный министр Н. О. Сухозанет, сообщив Г. Х. Гасфорду о принятых в Петербурге решениях по кашгарскому вопросу, подчеркнул, что русское правительство еще со времен Екатерины II обращало внимание на установление политических и торговых отношений с Кашгаром и во время переговоров, связанных с заключением Кульджинского трактата, безуспешно пыталось добиться учреждения в Кашгаре русской фактории. «Ныне нельзя не воспользоваться тем положением, в котором находится 'Кашгар в отношении к Китаю, — отмечал Сухозанет, имея в виду восстание Великан-торы, — а потому правительство наше решилось опять возобновить старание свое к учреждению хотя бы некоторых сношений с названной провинцией»{299}.

Гасфорд, не поняв как следует полученных им указаний, в ответном письме представил программу резкого увеличения вооруженных сил России, сосредоточенных в Западной Сибири, для оказания немедленной поддержки восставшему Кашгару. Любопытно его донесение в Военное министерство,, испещренное пометками царя и военного министра, возражавших против энергичных планов командира Сибирского корпуса.

«При настоящем затруднительном положении китайского правительства, — писал Гасфорд, — можно с большой вероятностью ожидать отторжения Кашгарии, но для упрочения самостоятельности этого владения необходимо, чтобы содействие другой державы было оказано оному вовремя, ибо иначе существование его не может быть продолжительным при значительной несоразмеримости сил Кашгарии силам, которые огромная Китайская Империя... может противопоставить для установления там своего владычества»{300}.

Поэтому Гасфорд считал необходимым наряду со сбором детальных сведений о положении в Кашгаре «усилить военные способы наши в Заилийском крае для

поддержания... независимости Кашгарии по восстановлении прежней [109] мусульманской династии». Гасфорд отмечал далее, что в основу всей своей деятельности на посту генерал-губернатора Западной Сибири он ставил стремление утвердить влияние России в Заилийском крае, «ибо, — как он выражался, — присоединение Илийского края вообще я считаю одним из первых усилий не только к утверждению нашей власти на сей окраине, но и для решительного влияния нашего на всю Среднюю Азию» (помета царя: «Преувеличено воображением»).

Излагая план сосредоточения войск в Западной Сибири, Гасфорд просил Военное министерство быстрее откликнуться на его предложения, чтобы к окончанию весенней распутицы он смог начать подготовку к осуществлению зимней кампании.

Последнее соображение вызвало достаточно характерный отклик военного министра Сухозанета, отметившего на полях этого документа: «По крайней мере в скором времени сего ожидать невозможно, тем более, что сношения с Китаем не перестают быть миролюбивыми».

Высшие правительственные круги отнюдь не были склонны поддерживать воинственные настроения западносибирского генерал-губернатора.

Гасфорду было сделано соответствующее внушение{301}, и в следующем письме он уже бил отбой, заявляя, что вся его обширная программа была рассчитана лишь на необходимость «быть готовым к тем случайностям, которые возникнуть могут»{302}.

Сухозанет разъяснял Гасфорду, что «даже содействие материальными средствами предполагалось оказать в таком только случае, если бы в Кашгаре восстановлена была прежняя династия, не зависимая более от китайского правительства. Эти указания вели к тому заключению, что следовало всеми мерами избегать расходов для снаряжения экспедиции, которая едва ли теперь состоится, тем более, что из полученных нами сведений видно, что потомки прежних владетелей кашгарских испытали неудачу...»{303}. Правительство Российской империи было намерено оказать материальную помощь представителям «бывшей династии ходжей» лишь в том случае, если бы им удалось собственными силами полностью утвердиться в Кашгаре. [110]

Несмотря на ликвидацию восстания, решение о посылке в Кашгар «опытного и надежного офицера» для глубокого изучения местной обстановки оставалось в силе. «Поручение было опасное, и для исполнения оного нужен был человек с большой решительностью, с наблюдательным умом и притом такой, который бы знал татарский язык и восточные приемы, так как приходилось ехать переодетым в азиатское платье»{304}.

Правители Кашгара крайне враждебно относились к иностранцам. Валихан-тора, например, казнил приехавшего туда немецкого ученого-путешественника Адольфа Шлагинтвейта.

Выбор лица для поездки в Кашгар был сделан весьма удачно. Ч.Ч. Валиханов (1835–1865) был одаренным и любознательным человеком. Правнук известного казахского хана Аблая, он в 1853 г. окончил Омский кадетский корпус. Общение с демократическими кругами Омска, а также с сосланными туда некоторыми членами кружка петрашевцев отразилось на формировании мировоззрения Валиханова. Прослужив пять лет в Западносибирском генерал-губернаторстве (за годы службы здесь он участвовал в экспедициях в Джунгарию и в район озера Иссык-Куль), Ч. Ч. Валиханов, привлек внимание одного из руководителей Русского географического общества П. П. Семенова, который и предложил отправить его в очень сложное и опасное путешествие в Кашгар{305}. Этот выбор был тем более обоснован, что Валиханов уже побывал в Кульдже в августе — октябре 1856 г., где внимательно изучал местную жизнь, историю и культуру народов Западного Китая.

В конце 1857 г, переодевшись купцом-мусульманином, Валиханов выехал в киргизские кочевья, к границам Синьцзяна. Во время подготовки к дальнейшему пути управляющий «областью сибирских киргизов» (т. е. казахов) К. К. Гутковский прибыл в Семипалатинск, чтобы договориться с местными купцами об отправке специального каравана в Кашгар. Местные торговцы долго не решались вложить средства в опасное предприятие, но в конце концов Гутковский добился своего, и караван выступил в путь в середине 1858 г. В конце июня близ Копала, к каравану присоединился Валиханов. Он назвался Алимбаем, подданным кокандского хана.

Осенью 1858 г., пройдя Заукинское ущелье и долину озера Иссык-Куль, Валиханов и его спутники вышли к границам Синьцзяна, В Кашгаре уже распространились слухи о [111] поездке переодетого русского офицера, и пограничные власти с особым пристрастием допрашивали каждого приезжавшего в эту область.

Валиханову удалось благополучно проехать через пограничные пикеты. 1 октября 1858 г. караван вступил в г. Кашгар. Однако и здесь участники поездки подвергались постоянному надзору, их неоднократно расспрашивали о пути следования и составе каравана.

Стараясь отклонить подозрения, Валиханов вел себя, как заправский купец, заключал торговые сделки, закупал товары, но не забывал и о цели своего приезда. «Что касается до моих действий, — отмечал он впоследствии, — то я во время пребывания в Кашгаре старался всеми мерами собрать возможно (более) точные сведения о крае, особенно о политическом состоянии Малой Бухарин, для чего заводил знакомства с лицами всех наций, сословий и партий, и сведения, полученные от одного, сверял с показаниями другого; сверх того я имел случай приобрести несколько исторических книг, относящихся к периоду владычества ходжей, и пользовался дружбой ученых ахундов... Имея постоянные и короткие сношения с кокандцами, я получил много данных о состоянии этого ханства и особенно о последних событиях, имевших последствием падение хана Худояра»{306}.

Пренебрегая смертельной опасностью, Валиханов провел в Кашгаре почти полгода. 11 марта 1859 г. он направился в обратный путь и 12 апреля 1859 г. добрался до Верного. Вся поездка заняла около полутора лет, из них год Валиханов находился на полулегальном положении. За это время он прошел и проехал многие сотни километров, собирая сведения о политическом и экономическом положении Кашгара. Нередко его жизнь висела на волоске. В изнурительном труде и скитаниях Валиханов подорвал свое здоровье и заболел тяжелой формой туберкулеза. Он вернулся в Семипалатинск вместе с караваном в июле 1859 г., доставив царскому правительству обширные материалы{307}, послужившие основой для изучения возможностей торговли с Западным Китаем. Особое значение имел один из выводов, сделанных Валихановым. В отчете об этой экспедиции он указывал, что установление прямых торговых отношений между Россией и Кашгаром ослабит тортовое и политическое влияние Кокандского ханства в южной части Синьцзяна, «ибо снабжение и продовольствие края скотом будет зависеть от нас; чайная [112] торговля может перейти в наши руки, и Азия будет получать его (т. е. чай. — Н. Х.) от наших купцов... Выгодный сбыт наших товаров в этой стране несомненен». В то же время Россия может получать из Кашгара интересующие ее хлопок, шелк, пух и выделываемую здесь грубую ткань — дабу.

«Хотя производительные силы страны еще не развиты, — продолжал Валиханов, имея в виду Кашгар, — но вследствие требований могут принять более обширные размеры, например хлопчатая бумага и шелк, которые, как говорят, лучше качеством, чем среднеазиатские сорта этих продуктов»{308}.

Авторитетное суждение Валиханова свидетельствовало о перспективности развития экономических связей с Кашгаром. Оно не могло не усилить

стремлений правящих кругов России к установлению непосредственных экономических связей с Синьцзяном, суливших, судя по обоснованным утверждениям Валиханова, большие выгоды. Российская империя рассчитывала добиться своих целей мирным путем. Это было характерной чертой политики царского правительства России в отношении Китая в течение длительного времени.

Развитие торговых связей с Западным Китаем представляло несомненный интерес как для России, так и для Синьцзяна. Эти связи нашли правовое оформление еще в Кульджинском договоре 1851 г.

Восстание в 1857 г. в Синьцзяне нанесло значительный ущерб торговым и политическим интересам Русского государства: полностью прекратилась русско-кашгарская торговля. Однако, несмотря на наличие предлога для вмешательства в кашгарские дела в связи с многочисленными пограничными инцидентами, русское правительство отказалось воспользоваться им.

Оно в то же время учитывало возможность использования Синьцзяна британскими правящими кругами как базы для своих агрессивных планов в отношении Средней Азии и Сибири, а также опасалось английской торговой конкуренции в этом районе.

В течение 1858 и первой половины 1859 г. царское правительство постаралось изучить обстановку в соседних районах Среднего Востока и дипломатическим путем укрепить здесь свои позиции.

Из этих двух задач фактически была разрешена лишь первая: миссии Н. В. Ханыкова, Н. П. Игнатьева, Ч. Ч. Валиханова собрали и привезли ценные и важные сведения о жизни народов Хорасана и Восточного Ирана, среднеазиатских [113] ханств и Западного Китая, о проникновении в эти страны Англии.

Эти поездки убедительно показали, что в одних случаях царские власти уже опоздали в стремлении усилить свои позиции (например, в Афганистане), а в других — столкнулись с торгово-политическим соперничеством Англии (в Бухаре). Закрепить господство в районах, важных для развивавшегося в России капитализма, дипломатическим путем не удалось.

В связи с этим царское правительство в последующий период начинает более активно применять военные методы, дополняя ими дипломатическое воздействие, переходит к военной разведке, а затем и к широкому военно-политическому наступлению на основные интересовавшие его территории — ханства Средней Азии с целью их завоевания. [114]

## Глава III. Среднеазиатская политика царизма в 1859–1862 гг.

### Британские происки в Средней Азии

Британские правящие круги уже в начале XIX в. стремились закрепиться на побережье Каспийского моря. Командующий русскими войсками в Грузии Тормасов в 1810 г. сообщал в Петербург, что английский посланник в Тегеране требовал у шаха Ирана разрешения на проезд в Энзели, Астрабад и другие пункты южного побережья Каспийского моря, чтобы выбрать место для строительства военных судов{309}. Это требование было отклонено. В 30-х годах XIX в. английское правительство возобновило свои притязания на открытие консульств в прикаспийских портах Ирана, о чем Николай I с тревогой информировал А. О. Дюгамеля, назначенного русским послом в Тегеран. «...У англичан нет никаких торговых интересов на Каспийском море, — говорил Николай I, — и заведение их консульств в этой стране не имело бы иной цели, кроме заведения интриг»{310}. В конце 50-х годов британские правящие круги снова стали проявлять стремление к укреплению своих позиций на берегах Каспийского моря. Эти тенденции ярко иллюстрирует важное донесение Маккензи, британского консула в Реште и Энзели, статс-секретарю по иностранным делам. Ссылаясь на создание русского акционерного общества «Кавказ», он настаивал на немедленных превентивных действиях в Средней Азии. Маккензи призывал «любой ценой» взять под английский контроль «Решт-Энзелийский порт». Занятие этого порта позволило бы Британской империи утвердиться на всем Каспийском [115] море. «Обладая этим орудием, мы легко овладели бы торговлей всей Средней Азии», — писал Маккензи.

Британский консул указывал на особую важность открытия торгово-политического агентства в Астрахани: «Присутствие британского ока в Астрахани будет необходимым условием перевеса торгового баланса в нашу пользу» и «существенным шагом нашей торговли и политики на Востоке»{311}.

Детально разработанный план «приобретения у Персии Решт-Энзелийского порта» Маккензи направил в Морское министерство Англии. Донесение Маккензи, опубликованное летом 1859 г. газетой «Тайме», вызвало серьезное беспокойство царского правительства. Но если с бассейном Каспийского моря были связаны пока лишь «замыслы» (хотя и очень серьезные и симптоматичные), то в Средней Азии английские агрессивные планы постепенно все более и более активно проводились в жизнь.

В сентябре 1859 г. царским властям в Оренбурге стало известно, что Дост Мухаммад, опираясь на поддержку англичан, выступил против Кундузского и Мейменниокого ханств. После первой неудачной попытки овладеть Меймене афганский эмир отвел войска к Кабулу и приступил к новым военным приготовлениям. В то же время из Афганистана в Бухару были отправлены послы для переговоров об установлении между обоими государствами мирных отношений, нарушенных военным походом Дост Мухаммада.

Однако это «мирное посольство» потребовало от бухарского правительства передачи Афганистану города Карши. По полученным в Оренбурге сведениям, активную роль в посольстве играли англичане, настаивавшие на уступке Афганистану также важных пограничных городов Каракуль и Чарджуй, обещая за это содействовать «примирению» Афганистана с Бухарой. «Эмир такими требованиями поставлен в самое затруднительное положение, не знает, что ответить послам, — писал в Петербург Катенин. — ...Можно предполагать, что англичане решились образовать в Средней Азии сильное ханство»{312}.

Укрепленные города Чарджуй и Каракуль, которые привлекли внимание британских представителей, прикрывали западные подступы к Бухарскому ханству. Особенно важное значение имел Чарджуй, расположенный несколько в стороне от основных крепостей ханства, на левом берегу Аму-Дарьи. Английские правящие круги еще со времени посещения Бухары А. Бернсом строили планы использования Аму-Дарьи [116] для торгового и военно-политического проникновения в Среднюю Азию. Чарджуй можно было легко превратить в военную базу. Британские власти надеялись на успех, ибо в ряде районов Южного Туркестана афганские отряды вышли к побережью Аму-Дарьи. Британские колонизаторы рассчитывали наладить на этой реке судоходство.

Опираясь на Чарджуй и Каракуль, Англия могла бы не только подчинить Бухарское ханство, но и активно вмешиваться в дела Хивы и туркменских племен, т. е. добиться господствующего положения на значительной территории Средней Азии.

Несмотря на угрозы и посулы, правительство Бухары отклонило притязания посольства. Послы вернулись ни с чем.

Однако через некоторое время в Бухарское ханство была отправлена новая миссия, которая выдвинула еще более провокационные требования: 1. Выделить из состава ханств Шахрисябзский округ и предоставить ему «самостоятельность» (под англо-афганским контролем, разумеется). 2. Передать Кокандскому ханству город Ура-Тюбе, а Афганистану — важнейшие крепости на Аму-Дарье — Керки и Чарджуй. Как стало известно в Оренбурге, члены посольства даже не пытались скрыть, что эти крепости нужны «для оклада военных и продовольственных припасов» в подготавливавшейся британскими кругами войне против России в Средней Азии{313}. Удовлетворение подобных требований привело бы по сути дела к частичному расчленению Бухарского ханства.

Стремясь положить конец враждебным провокациям, эмир Насрулла отправил двенадцатитысячную армию в Ахчинский округ Южного Туркестана. Однако отряды Дост Мухаммада оттеснили бухарские войска, заняли город Ахча и выступили против ханства Кундуз.

Между Афганистаном и Бухарой назревала серьезная борьба. Готовясь к ней, Насрулла попытался заручиться поддержкой кокандского хана, который обещал прислать ему несколько отрядов солдат. Продолжал укреплять свои силы и Афганистан. По дошедшим до Оренбурга сведениям, британские власти в Индии отправили в Кабул «свыше двадцати офицеров, много оружия и до 14 орудий»{314}.

Афганские войска летом 1859 г. заняли Кундузское ханство, правитель которого бежал в Бухару просить помощи у эмира Насруллы{315}. Насрулла послал к Дост Мухаммаду [117] специальную миссию, предлагая ему вывести войска из Кундуза, признавшего вассальную зависимость от Бухары. Это предложение было отвергнуто, и в начале 1860 г. Насрулла направил армию в Южный Туркестан.

Весной 1860 г. бухарские отряды форсировали Аму-Дарью у крепости Керки. Крупных столкновений, однако, не произошло. В бухарской армии, состоявшей из разрозненных ополчений, вскоре после перехода через Аму-Дарью началось разложение. Хисарский бек увел свой шеститысячный отряд за Аму-Дарью. В это время обострились отношения между Бухарским и Кокандским ханствами, что заставило эмира Насруллу отозвать и остальные войска из Южного Туркестана. Кундуз перешел под власть Дост Мухаммада.

Отвлеченное борьбой с Кокандом, Бухарское ханство не смогло поддержать мелкие узбекские и таджикские бекства Южного Туркестана в их борьбе против афганской армии. В дальнейшем значительная часть левобережья Аму-Дарьи, населенная узбеками, таджиками и туркменами, перешла к Афганистану{316}.

Несмотря на все эти тревожные сведения, царское правительство, учитывая общую международную обстановку, вновь отнеслось отрицательно к предложениям Гасфорда и Катенина об активизации политики в Средней Азии.

Военный министр Сухозанет в директивном письме Гасфорду подчеркивал особую настороженность западных держав в отношении деятельности России в странах Востока. Он отмечал, что правительство «в отвращение возбуждаемого на Западе мнения о завоевательных намерениях наших в центральной части Азии... в настоящее время признает полезным избегать по возможности наступательных действий на наших сибирских границах»{317}. Сухозанет запретил Гасфорду атаковать Пишпек до особого разрешения. Единственной оговоркой было разрешение действовать только в случае неспровоцированного нападения кокандских войск.

Содействуя дальнейшему развитию торговли со Средней Азией, царское правительство в 1859 г. отменило пошлину на вывозимые в Бухару товары. Русский экспорт, по данным одной лишь Оренбургской таможни, увеличился за год почти на 377 тыс. руб. Как и прежде, расширялся преимущественно вывоз металла и промышленных (текстильных) изделий.

Успешный рост торговли со Средней Азией и сокращение экспорта промышленного сырья в страны Западной Европы [118] и США заставляли представителей капиталистических кругов России все чаще обращаться к мысли об активных действиях на Востоке. Журнал «Вестник промышленности», отражавший взгляды русских торговцев и промышленников (редакторы: крупный предприниматель Ф. Чижов и видный экономист либерально-буржуазного толка И. К. Бабст{318} опубликовал статью востоковеда И. Березина «Об учреждении Азиатской компании в начале нынешнего столетия»{319}.

*Вывоз из России в Среднюю Азию (в руб.){320}*

| | 1858 г. | 1859 г. |
|---|---|---|
| Чугун | 17990 | 34837 |
| Железо | 71699 | 102 827 |
| Медь | 21519 | 55238 |
| Олово | 1955 | 3055 |
| Бумажные и льняные изделия | 678 298 | 895 081 |
| Шелковые и полушелковые изделия | 5776 | 23090 |
| Шерстяные изделия | 83454 | 169 390 |
| в том числе сукно | 80150 | 142 855 |

В этой статье, посвященной, казалось бы, историческим событиям полувековой давности, высказывались соображения, непосредственно относившиеся к обстановке 50–60-х годов XIX в. «Русская предприимчивость с давней поры обратила свою деятельность преимущественно на Азию. Это и понятно, потому что цивилизовавшиеся гораздо раньше нас на Западе народы заперли нашей деятельности выход с этой стороны», — писал Березин{321}, перекликаясь со многими глашатаями «восточного» направления торговли и политики России.

Отвлекаясь от своей темы, Березин значительную часть работы посвятил насущным проблемам развития торговли со Средней Азией, обнаружив при этом неплохое понимание характерных для феодализма черт: внутренних раздоров и межфеодальной борьбы, отсутствия обеспеченности личности купца и его собственности. И. Березин, как и Н. П. Игнатьев, высказывал сомнение в прочности политических взаимоотношений со среднеазиатскими ханствами. «Кроме путевых стеснений, — отмечал И. Березин, — торговля с Средней Азией терпит разные прижимки от самих правительств в городах, [119] и весьма ошибаются те, которые возлагают большие надежды на политические сношения и разные трактаты с среднеазиатскими владетелями... Вообще трактаты с

Хивой, Бухарой или Кокандом — более громкая, нежели действительно важная вещь...»{322}.

Для торговли в Азии И. Березин предлагал создать компанию, но предостерегал от превращения ее в монопольную организацию и отрицал необходимость правительственной поддержки. «Дух предприимчивости, столь необходимый для успеха компании, весьма ослабевает, как скоро предлагается невидимое содействие свыше», — отмечал Березин{323}.

Аналогичные вопросы, но более конкретно рассматривал публицист и предприниматель Н. И. Тарасенко-Отрешков. Он писал, что насильственное открытие китайских рынков западными державами и в первую очередь Англией приведет к наводнению этих рынков британскими товарами. Поэтому вывоз русских хлопчатобумажных изделий, половина которого шла в Китай, будет затруднен. Впрочем, подчеркивал он, дело не только в Китае: по всей Азии русские купцы сталкиваются с конкурентами из капиталистических держав Запада.

Тарасенко-Отрешков призывал развивать потребление хлопчатобумажных тканей внутри Российской империи и вместе с тем увеличивать их экспорт — «если не в европейские государства, которые могут покупать те изделия в других государствах дешевле, чем у нас, то хотя бы в азиатские государства». Он указывал, что, несмотря на непосредственное соседство России со странами Востока, она «более и более теряет возможность продавать им свои хлопчатобумажные ткани и что англичане, австрийцы и даже американцы... сильно вытесняют из Азии те русские ткани»{324}.

### Разработка планов военного наступления царизма в Средней Азии

После возвращения миссии Н. П. Игнатьева из поездки в Хивинское и Бухарское ханства царское правительство начало подготовку к прямой экспансии в Средней Азии, в частности к «соединению линий» — Оренбургской и Западносибирской — и выходу на рубеж Туркестан — Чимкент — Аулие-Ата. Не только Н. П. Игнатьев и некоторые его спутники, [120] но и командир Оренбургского корпуса и оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин настаивал на проведении «твердой политики». Катенин недоумевал по поводу «векового забвения, которому были преданы интересы наши в Средней Азии вследствие исключительного обращения русской политики к делам Западной Европы, а из азиатских — к турецким и персидским». Его поражало также «совершенное отсутствие определенных государственных видов в действиях наших относительно этой части Азии...»{325}.

Во время инспекционной поездки и после возвращения оренбургский генерал-губернатор отправил в Петербург множество документов с предложениями о дальнейших действиях в Средней Азии.

Б Главном штабе было составлено обширное «извлечение из донесений командира Оренбургского корпуса о произведенном им осмотре степи и Сыр-Дарьинской линии»{326}. Среди этих материалов особый интерес вызывает записка «Общий взгляд на настоящее положение Сыр-Дарьинской линии». Катенин подчеркивал слабость политического влияния Российской империи в среднеазиатских ханствах, наглядно проявившуюся при переговорах в Хиве. «Не только путешественники, но даже торговцы наши не могут показаться в эти владения, не опасаясь насилия и даже смерти; самые справедливые требования наши принимаются с грубостью и высокомерием», — писал он{327}.

Оренбургский генерал-губернатор считал основным недостатком политики Российской империи в Средней Азии непоследовательность и отсутствие определенного плана действий. Создание Аральской флотилии и Кос-Аральского форта должно было способствовать развитию судоходства в Аральском море и по Аму-Дарье, но этому не уделили

должного внимания. Царское правительство решило построить Сыр-Дарьинскую линию укреплений, но идея не была доведена до логического завершения: Сыр-Дарьинскую линию не сомкнули с Сибирской.

Катенин сетовал, что русские войска заняли бесплодную пустыню, тогда как между фортом Перовским и укреплением Верным «находится северная часть Кокандского ханства, славящаяся плодородием и прекрасным климатом». Он настойчиво подчеркивал: надо отказаться от необоснованных проектов о прокладке торгового пути через Хиву и Гиндукуш в [121] Индию и обратить внимание на развитие русской торговли в Средней Азии и Западном Китае.

В первую очередь следует принять в подданство туркмен восточного побережья Каспийского моря с целью использовать их для нажима на Хиву; захватить кокандские крепости Джулек, Яны-Курган, Туркестан и Ташкент — «средоточие всей торговли Средней Азии». Затем можно будет подчинить и Бухарское ханство. Для этого имеются два пути: военный (наступление царских войск из Ташкента на Бухару) и экономический (полное прекращение русской торговли с ханством).

Все расходы на эти мероприятия полностью окупятся налоговым обложением населения занятых областей, увеличением таможенных сборов, сокращением издержек на снабжение войск Сыр-Дарьинской линии (продукты питания будут заготовляться на месте, в плодородных оазисах Средней Азии){328}.

В письме от 6 декабря 1858 г. Катенин предложил конкретную программу экспансии Российской империи в Среднюю Азию. Пунктом первым этой программы был Коканд. Катенин настаивал на завоевании Джулека (Сыр-Дарьинская линия), создании здесь форта для подготовки к выходу на рубеж Туркестан — Чимкент — Аулие-Ата (с последующим движением к Ташкенту) и соединении пограничных линий; он призывал также усилить Аральскую флотилию и построить форт на р. Эмбе (Хивинское направление){329}.

Предложения Катенина основывались на выводах работы специальной комиссии, созданной им в Оренбурге для разработки общей внешнеполитической программы генерал-губернаторства. В ее состав вошли военные и гражданские лица, непосредственно связанные со «среднеазиатскими делами»: начальник штаба войск округа генерал А. Л. Данзас, председатель Оренбургской пограничной комиссии В. В. Григорьев, начальник Аму-Дарьинской флотилии капитан первого ранга А. И. Бутаков, участники миссии Н. П. Игнатьева — Н. Г. Залесов и М. Н. Галкин, подполковники В. Д. Дандевиль, М. Г. Черняев и др.

Члены комиссии, основываясь на материалах, собранных ими при посещении различных районов Средней Азии, высказывали самые разнообразные мнения. Например, Черняев и Залесов .призывали к захвату низовьев Аму-Дарьи. Бутаков и поручик Старков настаивали на овладении Хивинским ханством. Остальные предлагали наступать в южном направлении, [122] соединить Сыр-Дарьинскую и Сибирскую линии и обеспечить благоприятные условия для русской торговли в Средней Азии.

Обобщая высказанные мнения, чиновник для особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе Арцимович подчеркивал, что политика России по отношению к Средней Азии должна сводиться к следующему:

«1. Установить в этой области более прочную государственную границу.

2. Устранить влияние других европейских государств на среднеазиатские владения, вредное для наших интересов.

3. Распространить и обеспечить нашу торговлю в этих владениях»{330}.

Согласно мнению большинства участников комиссии, призывавших к быстрейшему соединению Оренбургской и Сибирской линий, было решено уделить основное внимание ташкентскому направлению. Первым этапом на пути к овладению Ташкентом должна была стать постройка укрепления Джулек{331}.

Материалы работ комиссии Катенин повез в Петербург, где добивался предоставления ему широких полномочий и материальных средств для проведения в жизнь намеченной программы.

Для обсуждения всех вопросов, связанных с посольством Игнатьева и касавшихся Оренбургского края, в том числе программы Катенина, в начале января 1859 г. в Петербурге было созвано «совещательное заседание». На нем присутствовали высшие государственные деятели: А. М. Горчаков, Н. О. Сухозанет, Г. Х. Гасфорд, А. А. Катенин, А. Ф. Княжевич, В. К. Ливен, Ег. П. Ковалевский, а также Н. П. Игнатьев.

Совещание нашло полезным создание торговой фактории на восточном берегу Каспийского моря, но отнеслось отрицательно к предложению о принятии в русское подданство туркмен. Для укрепления позиций Российской империи на Аральском море было решено усилить Аральскую флотилию новыми судами.

Были рассмотрены предложения Катенина о постройке трех укреплений: Джулек на Сыр-Дарье, Эмбенское на Эмбе и Яны-Курган на р. Яны-Дарья. Сославшись на проектируемое усиление Аральской флотилии, участники совещания решили, что эта мера больше, чем строительство всевозможных фортов, «подчинит нашему влиянию Хиву, Коканд и распространит [123] наши торговые сношения в Средней Азии»{332}. Исключение было сделано лишь для укрепления на Яны-Дарье, создание которого связывалось с намеченной совещанием специальной рекогносцировкой.

Вместе с тем совещание единодушно выступило против активной политики в Средней Азии, найдя преждевременным даже обсуждение «соображений Катенина о Коканде, Туркестане и Ташкенте». В мотивировке указывалось, что правительство «в настоящее время не имеет в виду завоевательных действий для этой части Азии...»{333}.

Катенин не согласился с принятыми решениями. В «особом мнении» он продолжал настаивать на строительстве всех трех укреплений и заявил о необходимости разработки четкой правительственной программы действий в Средней Азии{334}.

К этому времени такая программа уже была подготовлена. Она, правда, еще не носила официального характера, но исходила от авторитетного в вопросах среднеазиатской политики Н. П. Игнатьева.

Предложения Игнатьева предусматривали всемерное развитие русского судоходства по Аму-Дарье; укрепление дружественных связей с «самым надежным и сильным владетелем Средней Азии» — бухарским эмиром, чтобы всеми средствами «предупредить вмешательство английской политики» в дела Средней Азии; использование внутренних раздоров в Хиве, а также вражды между Хивинским и Бухарским ханствами; принятие казахов и каракалпаков Хивинского ханства в русское подданство; занятие города Кунграда и учреждение там русской администрации; ликвидация власти Коканда над городами Туркестаном и Ташкентом. И, наконец, Игнатьев планировал максимальное развитие русской торговли со Средней Азией и Афганистаном, установление господства России на среднеазиатских рынках и «отстранение от этой торговли, по возможности совершенно, англичан».

Игнатьев считал необходимым не позже весны 1860 г. занять низовья Аму-Дарьи и организовать русское судоходство вплоть до Балха и Бадахшана; направить в Бухару торгового агента, чтобы впоследствии создать в этом ханстве постоянное консульство; сбавить пошлину с ввозимых из Средней Азии в Россию сельскохозяйственных продуктов.

Военные операции против Кокандского ханства Игнатьев предлагал отложить до «того времени, когда представится возможность продолжить Сыр-Дарьинскую линию без борьбы [124] с соединенными силами Коканда и Бухары и особенной огласки нашего наступательного движения».

Для развития среднеазиатской торговли Игнатьев призывал «поставить купечество в известность о преимуществах, приобретенных и ожидаемых для торговли с Бухарой и вообще с Средней Азией, пригласить купцов принять деятельное участие в торговле с этими странами, а также содействовать составлению торгового общества, которое несравненно лучше отдельных торговцев может приобрести и сохранить первенство на всех тамошних рынках»{335}.

В 1861 г., когда Игнатьев занял пост директора Азиатского департамента в Министерстве иностранных дел, большая часть намеченных им мер стала проводиться в жизнь.

Между тем обсуждение проблем среднеазиатской политики продолжалось. 24 января 1859 г. произошло новое «совещательное заседание», где присутствовали все участники предшествовавшего совещания. Подтвердив свои решения относительно Оренбургского края, они рассмотрели предложение генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорда о занятии верховьев р. Чу (т. е. района Пишпека) в качестве «опорного пункта для будущих границ».

Гасфорд считал необходимым защитить казахов Большой Орды от нападения кокандских войск и укрепить влияние России среди «дикокаменных киргизов»{336}. Предложение было признано заслуживающим внимания; однако его осуществление отложили из-за неизученности местности до рекогносцировок, намеченных на лето 1859 г.{337}.

Крайняя осторожность царского правительства в проведении среднеазиатской политики объяснялась в данном случае назревавшим в Европе серьезным конфликтом между Францией и ближайшим соседом России — Австро-Венгрией. «В начале 1859 г. уже было несомненным предстоявшее столкновение Пьемонта с Австрией, — характеризовал сложившуюся обстановку историк А. Л. Зиссерман. — Столкновение это могло грозить серьезными политическими осложнениями и вызвать общую европейскую войну с неизбежным участием России»{338}.

Этот конфликт через несколько месяцев (в апреле 1859 г.) действительно разросся в открытую войну Франции и [125] Сардинии против Австро-Венгрии. Царское правительство прилагало много усилий к дальнейшему сближению с Францией, наметившемуся чуть ли не на следующий день после окончания Крымской войны. Стремясь к развитию дружественных отношений с этой страной, царское правительство по соглашению с Наполеоном III обязалось выставить на русско-австрийскую границу четыре армейских корпуса. Поэтому пришлось временно отказаться от слишком широких планов в Средней Азии. «В Петербурге были очень озабочены опасением, что мы могли быть втянуты в войну. Отсюда возникли опять толки о необходимости усилить войска на западной границе», — писал в своих воспоминаниях Д. А. Милютин{339}. Приближавшаяся к концу борьба против Шамиля на Кавказе также отвлекала силы царского правительства. Не случайно почти через год после январского обсуждения Гасфорд обнадеживал Катенина, что его предложения не были совершенно отвергнуты, а только «отложены по случаю смут на Западе»{340}.

Весной 1859 г. в Оренбургском крае и в Западной Сибири начали проводиться в жизнь постановления петербургских совещаний. Обер-квартирмейстеру Оренбургского корпуса Дандевилю было поручено изучить восточное побережье Каспийского моря и найти удобное место для якорной стоянки и постройки торговой фактории{341}.

Начальник Аральской флотилии А. И. Бутаков получил задание отвезти на родину возвращавшегося из Российской империи бухарского посла Неджметдина-ходжу. В случае, если хивинское правительство помешает движению пароходов вверх по Аму-Дарье{342}, Бутаков должен был пробиваться силой. Катенин рассчитывал также использовать вспыхнувшее в Кунграде восстание туркмен и каракалпаков для захвата этого города русскими войсками. Поэтому А. И. Бутакова сопровождал подполковник М. Г. Черняев{343} с отрядом в 125 солдат.
В это время штабс-капитан М. И. Венюков отправился на рекогносцировку «правого берега р. Чу против Пишпека и местности на 100–200 верст далее вниз по реке»{344}. Ему предписывалось хранить в строжайшей тайне конечную цель экспедиции — завоевание Пишпека. [126]

Экспедиция Дандевиля действовала все лето 1859 г. Обследовав восточное побережье Каспия, Дандевиль решил, что единственное место, пригодное для создания русской торговой фактории, — Красноводский залив. Во время плавания по Каспийскому морю произошло вооруженное столкновение с туркменским населением близ Чикишляра.

31 октября 1859 г. было созвано специальное совещание, в котором участвовали генерал-адмирал вел. кн. Константин Николаевич, А. М. Горчаков и Н. О. Сухозанет. Устройство фактории решили отложить до получения согласия на это туркменского населения и восстановления миролюбивых отношений с ним. Применение силы, отмечали участники совещания, «восстановило бы его (население. — Н. X. ) еще более против нас и дало бы повод к подозрению о завоевательных намерениях наших на восточном берегу Каспия».

На совещании было решено наградить всех участников экспедиции, кроме ее руководителя — Дандевиля{345}, который упустил из виду основную возложенную на него задачу — «упрочить... торговые сношения наши с туркменами».

Экспедиция Бутакова с самого начала лишилась важнейшего козыря: бухарский посол Неджметдин-ходжа отказался вернуться в Бухару на русском пароходе. Тем не менее Катенин приказал Бутакову отправиться в восставший Кун-град, а оттуда вверх по Аму-Дарье с целью «исследовать Аму и определить пункт, удобный для будущих наших торговых сношений в пределах Бухарии»{346}.

Министерство иностранных дел поддержало замысел Катенина направить пароход и две барки Аральской флотилии в глубь Бухарского ханства и выразило пожелание, чтобы оренбургские купцы воспользовались этим обстоятельством для развития торговых связей, «составляющих, — как писал Горчаков Катенину, — главный предмет наших сношений с среднеазиатскими ханствами»{347}.

Бутакову удалось достичь Кунграда и отогнать осаждавшие город хивинские войска, но плыть дальше, «в Бухару», он не смог из-за резкого обмеления-дельты. В Кунграде царила анархия и процветала торговля рабами. Туркменская феодальная знать, захватив власть в городе, стремилась использовать русский экспедиционный отряд для утверждения собственного господства в низовьях Аму-Дарьи. Когда же Бутаков заявил, что «грабежи и торговля людьми совершенно [217] противны духу русского правительства»{348}, ему пришлось встретиться с откровенно враждебным отношением своих союзников, на помощь которым он прибыл.

Во избежание назревавшего столкновения русская флотилия оставила Кунград и вернулась на свою базу в форт № 1. Известие о неудаче Бутакова вызвало горестную резолюцию Катенина: «...Вопрос о возможности верного плавания по Аму-Дарье остается в прежнем неопределенном положении...»{349}.

Вскоре после отъезда Бутакова, 1 августа 1859 г., население Кунграда, возмущенное произволом Мухаммеда Фана, утвердившегося в городе при поддержке туркменских феодалов, восстало. Мухаммед Фана был убит,

и вскоре в Кунграде была восстановлена власть хивинского хана{350}. Снова низовья Аму-Дарьи оказались под контролем Хивы, отношения с которой у России оставались чрезвычайно натянутыми.

Более удачно действовал Венюков. Его рекогносцировочный отряд в течение июня — июля 1859 г. прошел свыше 600 верст от укрепления Верного по кокандским владениям. Были проведены съемки местности, сняты планы укреплений Токмака и Пишпека и собраны обширные материалы о бассейне р. Чу.

Экспедиция Венюкова усилила влияние России среди южноказахских и киргизских племен{351}.

После окончания разведывательных экспедиций оренбургский и западносибирский генерал-губераторы опять поставили перед правительством вопрос о продвижении вперед. Гасфорд сообщал о намеченном им походе в верховья р. Чу и подготовке к захвату Пишпека. Катенин в письме к военному министру снова предлагал соединить Оренбургскую и Сибирскую линии южнее Ташкента, завоевать этот город и включить его в состав Российской империи, занять дельту Аму-Дарьи и юго-восточное побережье Каспийского моря, чтобы создать укрепление в Красноведеком заливе. Для обоснования последнего Катенин указывал на необходимость «положить конец замыслам англичан», создававших Российской, империи «затруднения на Востоке»{352}. [128]

### Кокандское ханство в захватнических планах царизма

В 1860 г. в Бухару прибыло несколько представителей Англии, чтобы добиться от эмира Насруллы согласия на организацию английского судоходства по Аму-Дарье. Одновременно с этим через Каратегин и Дарваз проник в Коканд специальный разведчик англо-индийского правительства Абдул Маджид, которому поручалось установить контакт с правителем Коканда Маллябеком и передать ему подарки и письмо с предложением поддерживать связь с Британской Индией{353}.

Абдул Маджид собрал важные сведения об экономическом и политическом положении Кокандского ханства и ведущих туда из Индии путях и доставил их в Калькутту{354}. В связи с этим новый оренбургский генерал-губернатор А. П. Безак, сменивший умершего в 1861 г. А. А. Катенина, получил срочные указания из Петербурга внимательно наблюдать за дальнейшими шагами Англии в Средней Азии.

Из Коканда непрерывно поступали сведения о развернувшейся там подготовке к военным действиям против России весной 1860 г. В г. Туркестан прибыл из Афганистана специалист по оружейному делу, предложивший местному беку помощь в изготовлении пушек, мортир и артиллерийских снарядов европейского образца{355}. Военные власти Оренбурга не без оснований полагали, что этот мастер был прислан из Британской Индии.

О подготовке Кокандского ханства к войне сообщал в Петербург также и генерал-губернатор Западной Сибири. Кокандские чиновники, разъезжая по казахским и киргизским селениям, под страхом смертной казни отбирали скот и лошадей для своей армии. Пунктом сосредоточения кокандской армии был — назначен Ташкент. Одновременно укреплялись аванпосты Кокандского ханства в казахских и киргизских землях — в Пишпеке, Мерке, Аулие-Ате и др.{356}.

Приказчик торгового каравана, посетивший различные города Кокандского ханства, сообщал о запрете хана Маллябека «резать в пищу лошадей», годных для кавалерийской службы, и о неудавшейся попытке хана вступить в союз с бухарским эмиром для совместного нападения на русские владения. [129] Этот приказчик подтверждал, что в Коканде находится несколько англичан, которые «занимаются литьем пушек по образцу

европейских». Он заявлял даже, что видел в Ташкенте уже около 20 медных орудий, поставленных на лафеты.

Донося об этом в Петербург, Г. X. Гасфорд подчеркивал, что аналогичные сведения получены и оренбургскими властями{357}.

В целях изучения складывавшейся обстановки царское правительство отправило разведывательные отряды к Иссык-Кулю и в район Пишпека.

Руководителю рекогносцировки у Иссык-Куля капитану Венюкову было предписано уклоняться от каких-либо военных действий. В переданной Венюкову инструкции Гасфорд подчеркивал, что эта экспедиция «не должна иметь враждебного характера... подтверждаю строго, — продолжал он, — не допускать солдат и особенно казаков ни к каким насилиям, бесплатным поборам и обидам дикокаменных киргиз»{358}.

Начальнику Алатавского округа было дано специальное указание, что отряд должен находиться «на мирном положении, ибо он не посылается для враждования», а его участники должны быть снабжены не только провиантом, но и приварочными деньгами, «которые на месяц похода должны быть выданы непременно серебром, чтобы люди могли рассчитываться с киргизами» при покупке продовольствия, в частности скота{359}.

Подобное «миролюбие» царских властей, несвойственная им «щедрость» по отношению к коренному населению Средней Азии были маневром, призванным утвердить влияние России среди киргизских племен.

В июне 1860 г. рекогносцировка побережья оз. Иссык-Куль была завершена без каких-либо происшествий, но в районе Токмак — Пишпек начались столкновения между царскими и кокандскими войсками. Воспользовавшись нападением ко-кандских отрядов на селение Кастек, небольшой отряд полковника Циммермана в сентябре 1860 г. захватил Пишпек и Токмак, разрушил находившиеся там укрепления и вернулся в Верное{360}. Гасфорд прислал в Петербург рапорт, в котором писал: «Важные результаты этой славной для нашего оружия экспедиции следующие: уничтожение влияния [130] вероломных кокандцев на племена дикокаменных киргизов, живущих в верховьях реки Чу и на озере Иссык-Куль, успокоение киргизов Большой Орды, окончательное утверждение нашего владычества в Заилийском крае и совершенное обеспечение в том крае наших казачьих водворений»{361}.

Достигнутые к этому времени успехи в Восточном Казахстане и в Киргизии облегчили развитие торговых связей между Россией и Западным Китаем. Учитывая экономическую значимость Синьцзяна, царское правительство стремилось урегулировать вопрос о русско-китайской границе в этом районе и создать благоприятные условия для русской торговли в Синьцзяне. Царские власти использовали для этой цели сложное внешнеполитическое положение Китайской империи.

Летом 1857 г. под предлогом невыполнения Китайской империей условий Нанкинского трактата 1842 г. Великобритания организовала блокаду морских путей, ведущих к южному побережью Китая, захватила и частично истребила три крупные флотилии китайских джонок. Началась новая агрессивная война западных держав против Китая.

В декабре 1857 г. англо-французские войска после ожесточенной бомбардировки овладели Кантоном. Подавив народно-освободительное восстание 1857–1859 гг. в Индии, британские правящие круги перебросили в Китай крупную сухопутную армию и захватили столицу страны Пекин.

24–25 октября 1860 г. в Пекине были подписаны договоры между Китаем, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, по которым западные державы получили крупную контрибуцию и открыли для своих товаров ряд китайских портов. Договоры 1860 г. еще больше закабалили Китай.

Посланник Российской империи в Пекине Н. П. Игнатьев выступил посредником между китайским

правительством и англо-французскими представителями. Успешно завершив посредничество, Игнатьев начал переговоры о решении спорных вопросов между Россией и Китаем. Ослабевшее после великой крестьянской войны тайпинов и англо-французской интервенции, цинское правительство пошло на уступки. 2 ноября 1860 г. в Пекине был подписан русско-китайский договор, по которому впервые устанавливалась граница между обоими государствами на западе Китая.

Пекинский трактат подтверждал Айгунский договор от 16 мая 1858 г. и во исполнение Тяньцзинского договора от 1 июня 1858 г., определял границы Китая и Российской империи в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Россия утверждала свою власть над Приамурьем и Уссурийским краем [131] и закрепляла права на спорные земли и в юго-восточной части Семиречья, а также на Курчумский край с озером Зайсан и нижним течением Черного Иртыша. Ст. 6 Пекинского трактата предусматривала «открытие в виде опыта торговли в Кашгаре на тех же самых основаниях, как в Или и Тарбагатае», для чего русским купцам отводилось специальное место; ст. 8 предоставляла Российской империи возможность назначить в Кашгар, как и в Ургу, консула{362}. Русским торговцам предоставлялось право беспошлинной торговли в Китае.

Таким образом, Пекинский трактат 1860 г. в той части, в какой он касался Синьцзяна, удовлетворял важнейшим требованиям господствовавших классов России, заинтересованных в расширении торговли с западными областями Китайской империи.

Заключение Пекинского договора совпало с поражением Кокандского ханства в борьбе против царских войск в Заилийском крае. Установление непосредственной твердой государственной границы Российской империи с Западным Китаем создало предпосылки для более тесного экономического сближения и развития торговых связей.

Реализация выгодного для господствовавших классов России Пекинского трактата была обусловлена стабилизацией внутреннего положения в Синьцзяне и в первую очередь — укреплением государственной власти. «Правительство наше, включая в последний договор статью о назначении консула в Кашгаре, тем самым признало права Китая на эту страну, и, конечно, для видов наших полезнее, если в настоящее время китайское правительство там удержится», — писал директор Азиатского департамента Ег. П. Ковалевский 7 января 1861 г. русскому консулу в Кульдже Захарову{363}.

В другом своем письме Ковалевский подчеркивал, что русское правительство, придавая Кашгару очень большое значение, пыталось и раньше добиться «открытия» его для своей торговли и не замедлит воспользоваться правами, предоставленными соглашением в Пекине{364}.

Кроме внутриполитической причины (отсутствие прочной государственной власти, в Кашгаре), имелась и внешнеполитическая, мешавшая полному осуществлению решений Пекинского трактата: доступ в Южный Синьцзян со стороны Средней Азии находился под контролем Кокандского ханства. [132]

Развитию русско-кашгарской торговли и учреждению в Кашгаре русской фактории препятствовали враждебные отношения между Россией и Кокандом. Разрабатывавшиеся царским правительством планы расширения торговли с Синьцзяном были непосредственно связаны с наступлением на Кокандское ханство. Департамент Генерального штаба предложил создать в Кашгаре русское военное укрепление для защиты торговой фактории, захватить важный пункт на пути из России в Кашгар — город Аулие-Ату, контролировавшийся Кокандом, а если это не окажет воздействия на кокандские власти, то завоевать Ташкент. Осуществление этого плана, по замыслу его составителей — генерал-квартирмейстера Ливена и подполковника Генерального штаба Романовского, решало бы сразу несколько задач: способствовало бы созданию торговой фактории в Кашгаре, укрепляло бы русское влияние в

Кокандском ханстве и обеспечивало бы сибирскую и часть оренбургской границы Российской империи.

В докладе подчеркивалось, что кокандские власти получают большие доходы от торговли с Кашгаром; это обстоятельство, как и обилие переселенцев из Коканда, придает особое значение Кашгару в политике Кокандского ханства. Если Россия стремится расширить торговлю в Южном Синьцзяне, ей неминуемо придется разгромить Коканд.

Ливен и Романовский указывали на «благие и обильные результаты», какие сулит «открытие» Кашгара для русской торговли и создание здесь факторий, но отмечали, что нельзя забывать и общую программу действий в Средней Азии: соединение Сибирской и Оренбургской линий, окончательное определение «видов на Коканд, Ташкент и Туркестан». В заключение они писали: «...Недостаток здесь в наших действиях постоянной системы, уже давно ощутительный, еще резче выказывается в настоящее время»{365}.

Так, в Военном министерстве приобретение экономических выгод от «открытия» рынков Синьцзяна для русской торговли тесно увязывалось с наступлением на Кокандское ханство. Наиболее агрессивно настроенные представители военных кругов были склонны к немедленным захватническим действиям.

Участник военных походов в Среднюю Азию генерал-майор Циммерман 31 января 1861 г. представил записку «О положении дел на кокандской границе», которая, как отмечал А. Л. Попов, наделала «немало шуму в Военном министерстве»{366}. Циммерман выражал недоумение по поводу [133] русско-кокандских отношений: не мир и не война. Он призывал нанести удар по ханству, не опасаясь «гнева Англии», и продолжал: «Кокандское ханство, а может быть, и Бухара с Хивой признают над собой власть русского государя» (против этого места записки любопытная пометка Сухозанета: «Какая от этого польза?»). Циммерман видел в таких действиях и другую положительную сторону: «Приобретая преобладающее влияние в Средней Азии, мы тем самым приближаемся к пределам английских владений в Индии и в случае войны с Англией можем угрожать ей с этой стороны, самой для нее чувствительной» (запись военного министра в данном случае была краткой и выразительной: «Это химера»){367}.

Предложение Циммермана об усилении нажима на Кокандское ханство с целью проложить дорогу русским товарам в Центральную Азию нашло полное понимание.

Царское правительство учитывало в связи с этим, что Китай продолжал испытывать острый внутри — и внешнеполитический кризис. Революционная крестьянская война тайпинов потрясла основы феодальной маньчжурской династии. Одновременно Китай вел тяжелую и неравную борьбу против англо-франко-американских интервентов, которые наряду с этим оказывали содействие китайско-маньчжурским феодалам в подавлении народного восстания.

29 июня 1861 г., когда тайпинские отряды угрожали Пекину, на заседании Особого комитета под председательством Александра II в числе прочих были приняты решения и по русско-китайским отношениям. Министру-резиденту России в Пекине Баллюзеку категорически запрещалось вмешиваться во внутренние дела Китая и вступать в какие-либо сношения с «инсургентами», пока «существует в столице Китая правительство маньчжурского императора».

Генерал-губернатор Восточной Сибири Корсаков, непосредственно связанный с китайскими властями, предполагал, что в случае успеха тайпинских войск маньчжурский император будет вынужден бежать в Маньчжурию, и предложил в этом случае «принять Маньчжурию и Монголию под вооруженное покровительство России».

Особый комитет решительно отверг эти предложения, ссылаясь на то, что их осуществление вызовет противодействие других европейских держав и «может

понудить их также к занятию какой-нибудь части Китая, например, Кореи, и, таким образом, поставит нас в соприкосновение с соседом, гораздо более опасным, чем владения Китая». [134]

В случае отказа китайских властей выполнять условия заключенных с ними трактатов комитет считал необходимым «действовать, как действовали мы доныне, а именно: настоятельными, энергичными требованиями наших уполномоченных, не прибегая к употреблению военной силы».

«В настоящее время, — гласило принятое в Петербурге решение, — когда Китай находится в положении весьма сомнительном и когда мы не знаем, в чьих руках очутится власть над ним, мы менее, чем когда-либо, намерены употребить войско свое против него...»{368}.

В этом документе снова проявилось стремление России добиваться осуществления целей своей политики в отношении Китая дипломатическими методами и избегать военных столкновений, которые могли бы ослабить Китайскую империю и облегчить ее захват сильными и опасными соперниками — державами Европы и Соединенными Штатами Америки.

Русский консул в Чугучаке, донося «о выгодном впечатлении, произведенном нашим Пекинским трактатом, опубликованным и прибитым на стенах в Чугучаке», сообщил, что в этот город прибыли китайские представители для проведения пограничной черты между Китаем и Россией. Поэтому совещание решило отправить в Синьцзян уполномоченных России.

Царское правительство стремилось к развитию торговли с западными провинциями Китайской империи через Сибирь и Среднюю Азию и старалось заинтересовать русских купцов выгодами торговли с Синьцзяном. Характерным проявлением этих стремлений была статья С. А. Тарасова «Очерк торговли с Западным Китаем» в «Журнале мануфактур и торговли».

Эта статья имела официозный характер, да и весь журнал, печатавшийся в типографии департамента торговли, в значительной степени отражал правительственные взгляды.

Тарасов писал, что торговля с Западным Китаем очень выгодна «для торговых деятелей и предпринимателей русского купечества», которые найдут новый «богатый и обширный рынок для сбыта отечественных мануфактурных изделий». В Синьцзяне русские товары перепродаются кокандскими торговцами по повышенным ценам, а через Кашмир усиливается поток английских товаров. Поэтому Тарасов призвал купцов увеличить доставку в Западный Китай русских товаров, чтобы «привлечь на свою сторону выгоды, получаемые англичанами и кокандцами»{369}. [135]

Китайское правительство согласилось возместить России убытки, вызванные разграблением в Чугучаке в августе 1858 г. русской фактории. Торговля в этом городе и в Кульдже была восстановлена на прежних юридических основаниях, в города назначены консулы. Тарасов заявлял, что правительство намерено удовлетворить многочисленные пожелания русских предпринимателей и распространить на торговлю с Западным Китаем льготы и привилегии, предусмотренные для кяхтинской торговли, в результате чего будут осуществлены «самые смелые надежды нашего купечества»{370}.

В официальной записке «О средствах для развития нашей среднеазиатской торговли» от 29 ноября 1861 г. оренбургский генерал-губернатор А. П. Безак писал: «...главное средоточие нашей торговли со Средней Азией» — это самое обширное и населенное Бухарское ханство. Но «с 1858 г. бухарские рынки в такой степени переполнились русскими и английскими мануфактурными произведениями, что ценность их, если не упала ниже, то сделалась равной стоимости тех же произведений на ярмарках в мешхедском базаре, с которого английские

изделия идут в Среднюю Азию посредством бухарских и персидских караванов».

Это перенасыщение рынков Бухары импортной продукцией Безак объяснял тем, что местные торговцы до 1858 г. выгодно сбывали заграничные товары в густонаселенный Синьцзян. Хотя маньчжурское правительство, утвердившее в середине XVIII в. свою власть над Синьцзяном, закрыло его границы для русских товаров, они все же проникали туда при помощи среднеазиатских посредников. Провоз среднеазиатскими купцами русских изделий в Синьцзян облегчался развитыми торгово-экономическими связями между Китаем и Кокандским ханством. После народного восстания в Кашгаре в 1857 г., которым воспользовались представители династии ходжей при содействии кокандского правительства, маньчжурские власти прекратили экономические и политические сношения с Кокандом. «Вот причина не только настоящего избытка и потери ценности наших товаров на среднеазиатском рынке, но и огромного упадка там курса наших денег», — отмечал Безак. Он советовал для развития русской торговли добиться расширения торговых связей с западными провинциями Китая, «установить вместо кружного торгового пути через Сибирь более короткий — через Оренбургский край и Коканд... и занять удобнейший пункт на этом пути — Ташкент»{371}. [136]

Безак придавал Синьцзяну значение «регулятора» среднеазиатской торговли. В письме военному министру от 18 декабря 1861 г. он писал: «В среде разных азиатских владений, примыкающих к нашей границе, Кашгар менее, чем всякий другой пункт, пользуется изолированным положением, и все его внутренние смуты нередко отражаются на окружающих его местностях. Поэтому, если принять в расчет те невыгоды, которые происходят для главного среднеазиатского рынка от перерыва торговых транзитных сношений с Кашгаром и происходящего отсюда застоя в торговых операциях с Россией, если обратить внимание на отражение всех малейших потрясений в Кашгаре на Коканд... и на истекающую отсюда затруднительность наших торговых сношений из Троицка с Ташкентом и далее вверх по Сыру... то очевидно, почему известия о внутренних событиях такого отдаленного пункта, как Кашгар, могут быть необходимы для соображений начальника Оренбургского края»{372}.

К этому времени Англия, продвинувшись далеко на север Индии и подчинив Кашмир, настойчиво прокладывала себе путь в западные районы Китая. Британские разведчики проникали в Яркенд и Кашгар, старательно изучали горные проходы, ведущие в Синьцзян и Тибет, искали наиболее удобные дороги в эти области Китайской империи{373}. Английская агентура действовала и в Синьцзяне и в Средней Азии.

Стремясь опередить Англию, Безак настаивал на захвате кратчайшего, по его мнению, пути в Западный Китай — через Оренбург и Кокандское ханство. Движение товаров по этому пути должно было бы способствовать развитию русской торговли с ханствами Средней Азии, а русские пароходы смогли бы доставлять товары вверх по Сыр-Дарье вплоть, до Ходжента. Безак высказывал надежду, что в дальнейшем предприниматели, ведущие торговлю с Кульджей, также будут направлять свои караваны на Сыр-Дарью, «по существующему торговому пути между этим пунктом (т. е. Кульджей. — Н. X.) и Ташкентом».

Но эта цель могла быть достигнута, по мнению Безака, после организации беспрепятственного плавания русских пароходов по судоходной части Сыр-Дарьи и создания «твердого опорного пункта в самом Кокандском ханстве... пункта населенного, с хорошим торговым значением, из которого мы были бы в состоянии принудить во всякое время кокандского владетеля к мирным сношениям»{374}. [137]

В качестве такого пункта Безак намечал Ташкент. Заканчивая письмо, оренбургский генерал-губернатор

писал, что британское правительство стремится «совершенно ослабить Бухарское ханство, для чего и предполагает образовать из Афганистана могущественное среднеазиатское государство, присоединив к нему некоторые области от Бухары, Хивы и Коканда».

«Если англичане успеют в этом прежде, нежели мы утвердимся в Ташкенте и обеспечим сообщение через Коканд с Китайским Туркестаном, — резюмировал Безак, — то они сделаются полновластными властителями Средней Азии, торговля которой, вместе с торговлей Китайского Туркестана, останется в их руках безвозвратно»{375}.

Таким образом, политика царизма в Средней Азии была тесно связана с расширением торговых отношений с Китаем (особенно с его западной провинцией) и развивалась в обстановке английского торгово-политического соперничества.

## Разногласия в правительственных кругах России во взглядах на задачи и цели среднеазиатской политики

Серьезные расхождения во взглядах различных военно-политических деятелей царского правительства по вопросу о дальнейших планах и действиях России в Средней Азии особенно проявились к началу 60-х годов XIX в. В феврале 1861 г. Г. Х. Гасфорд был переведен в Государственный совет, и на должность генерал-губернатора Западной Сибири и командира Сибирского корпуса был назначен генерал-лейтенант Дюгамель, которого Д. А. Милютин впоследствии характеризовал как «воплощение инерции» (т. е. инертности, пассивности. — Н. Х.){376}.

Новый правитель Западной Сибири был убежденным противником каких-либо дальнейших территориальных приобретений.

Он направил в Петербург докладную записку начальника своего штаба полковника Кройеруса, который призывал занять долину р. Чу, где находились кокандские укрепления Пишпек, Токмак, Мерке и др., а затем ожидать указаний правительства «об общей цели действий на южной границе Западной Сибири»{377}. В сопроводительном письме Дюгамель. заявил, что полностью расходится с Кройерусом по вопросу: [138] о мерах «для приведения нашей южной границы в лучшее оборонительное состояние»{378}.

Дюгамель подчеркивал, что «бесплодная борьба» за кокандские крепости вынудит предпринимать военные экспедиции во все более широких размерах и может «против нашего желания окончиться покорением всего Кокандского ханства. Вот отчего я всякий шаг за Чу считаю опасным по своим последствиям». Он настаивал на отказе от новых завоеваний, «лишь ослабляющих» позиции России, и предлагал укрепить Верное, превратить его в прочный оплот против любых нападений кокандских войск и уделить больше внимания освоению уже занятой территории.

Интересен общий вывод, которым заканчивалось письмо генерал-губернатора Западной Сибири: «...для успокоения тревожного состояния умов и для вящего преуспевания Заилийского края, содержащего в себе столько источников богатства, нужно еще одно, а именно — прочный мир.

Тогда только вновь водворенные казачьи поселения окрепнут и достигнут желаемого благосостояния, и потому весьма желательно, чтобы наши отношения к Коканду были определены путем мирных переговоров».

Принятие всех предложений Дюгамеля, предусматривавших стабилизацию границы между Россией и ханствами Средней Азии, не входило в планы наиболее влиятельных кругов империи. Присланные Дюгамелем материалы рассматривались на совместном заседании двух министерств — военного и иностранных дел. Участники совещания отметили, что проведение пограничной черты по р. Чу «невыгодно во всех отношениях»: эта река не

является крупным естественным рубежом, ее свободно переходят кочевые казахские племена, «находящиеся под влиянием Коканда»; к тому же левобережье верховьев Чу значительно плодороднее, чем земли на правом берегу. Таким образом, мнение Дюгамеля о нецелесообразности создания укрепления на правобережье Чу было поддержано, но по совершенно иным мотивам, чем те, какие выдвинул он. Возведение укрепления в этом районе могло способствовать улучшению торговых связей с Кашгаром (что имело особенное значение для реализации статьи Пекинского трактата о праве России открыть в этой области факторию), однако создание одного укрепления, как отмечали участники совещания, не решало всей проблемы.

Вместе с тем было признано «несвоевременным» проводить пограничную линию южнее, ибо это могло «невольно и нечувствительно вовлечь в большие издержки и заботы». [139]

Участники совещания соглашались с точкой зрения Дюгамеля о необходимости «мирным путем» ликвидировать вражду с Кокандским ханством и «заняться исключительно улучшением и усилением нашего положения в занятом уже крае», но подчеркивали наличие существенных расхождений во взглядах западносибирского генерал-губернатора и правительственных кругов.

В Петербурге считали, что мирные переговоры с Кокандским ханством не должны связывать царское правительство «в видах на будущее»: следует думать лишь о перемирии, а не о том, чтобы граница была твердо установлена по р. Чу.

Если правительство Коканда стремится к установлению дружественных отношений с Россией, гласил разработанный департаментом Генерального штаба в июне 1861 г. доклад «О плане будущих действий в Заилийском крае», то следует заключить соответствующее соглашение, предусмотрев «существенные преимущества в том крае, как, например, открытие фактории нашей в самом Коканде», обеспечение безопасности торговых караванов «и вообще путей наших с Кашгаром и Кокандом»{379}.

Иными словами, царское правительство отнюдь не собиралось связывать себе руки прежними отношениями с Кокандским ханством, обусловливая поэтому заключение русско-кокандского договора и установление определенной пограничной линии, хотя бы и временной, получением важных торговых льгот в Кокандском ханстве.

29 июня 1861 г. на заседании Особого комитета под председательством Александра II был обсужден доклад департамента Генерального штаба. Участниками совещания были: вел. кн. Константин Николаевич, Горчаков, Княжевич, управляющий Военным министерством Милютин и Путятин, глава русской дипломатической миссии, посетившей страны Дальнего Востока. Через 10 дней, 8 июля, доклад был окончательно утвержден царем{380}.

Сообщая о решении Дюгамелю, Милютин предложил ему при достижении мирных соглашений с Кокандским ханством держать наготове военный отряд, чтобы в случае нарушения мирного договора отвлечь внимание ханства от Сыр-Дарьинской линии.

Министерство иностранных дел послало генерал-губернатору Западной Сибири специальную инструкцию о взаимоотношениях с Кокандом в связи с ожидавшимся прибытием [140] посольства из ханства. Горчаков выступал за мирные сношения с кокандским правительством, которое могло противодействовать планам учреждения русского консульства в Кашгаре, но поручал Дюгамелю принять в Омске посла и вступить с ним в переговоры лишь при наличии доказательств «дружелюбных намерений хана». Вопрос о приеме посла в Петербурге должно было решить само министерство. В инструкции подтверждалось нежелание царского правительства устанавливать твердую русско-кокандекую границу и «связывать себя на будущее время»{381}.

Руководители Оренбургского генерал-губернаторства в отличие от Дюгамеля отрицали необходимость даже временных переговоров о мире с Кокандом, считая целесообразным немедленно начать военные действия против этого ханства. Приведенная выше записка Безака «О средствах для развития нашей среднеазиатской торговли» отражала не только его личное мнение: она почти дословно повторяла выводы совещания от 31 августа 1861 г. в форте Перовском, на котором выдвигались планы совместного наступления войск Сибирского и Оренбургского корпусов на Ташкент. К уже изложенным доводам о целесообразности и необходимости этих действий было добавлено, что овладение Ташкентом предоставит возможность военно-политического давления не только на Коканд, но и на Бухару. Занятие плодородных оазисов в районе Ташкента, Туркестана и других кокандских городов создаст необходимые условия для продовольственного снабжения русских войск Сыр-Дарьинской линии, расположенных в полупустынных районах. Участники совещания указывали также на богатство верховьев Сыр-Дарьи полезными ископаемыми{382}.

Так в военно-чиновничьих кругах Оренбурга постепенно вызревала мысль о военном походе на Ташкент, приобретавшая все более реальные перспективы по мере продвижения царизма в Среднюю Азию. Ташкент, Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата — эти названия все чаще встречались в различных записках, докладах, проектах царских администраторов. С захватом этих городов тесно увязывался и план «соединения линий» — Сыр-Дарьинской и Западносибирской — вопрос, который все более настойчиво выдвигался и обсуждался в правительственных кругах России.

Оренбургские власти первыми начали наступление. 23 сентября 1861 г. русские войска разрушили кокандскую крепость [141] Яны-Курган, разоружив и распустив по домам солдат ее гарнизона{383}.

Вскоре после этого Сыр-Дарьинскую линию посетил Безак. Вернувшись в Оренбург, он послал военному министру обширное донесение, в котором настаивал на том, что активные действия России в Средней Азии должны быть направлены не на «приобретения в Хиве, стране бедной и ничего не представляющей в торговом отношении», а на «скорейшее соединение линий Оренбургской и Сибирской». Он заявлял, что достижение «прочной границы» возможно лишь в результате продвижения «вверх по Сыру, до мест более плодородных, с оседлым туземным населением, где существует изобильная хлебная производительность и где есть леса, столь необходимые для поддержания наших построек на Сыре».

Но перед широким наступлением следует детально изучить течение Сыр-Дарьи, и Безак предлагал поручить эту рекогносцировку флотилии А. И. Бутакова. Он ссылался на то, что еще в 1851 г. Николай I считал соединение Оренбургской и Сибирской линий первостепенным делом, осуществление которого призвано обеспечить торговые пути в Китай. Оренбургский генерал-губернатор называл соединение линий «неотложной потребностью».

«...Если бы с движением нашим от моря Аральского вверх ло Сыру и с устройством на нем новых фортов не имелось в виду такое же встречное движение со стороны Сибирского корпуса, — писал Безак, — то не стоило бы проникать до берегов Аральского моря и утверждаться на устье Сыра, а также делать экспедицию к Ак-Мечети и возводить Джулек»{384}.

Безак отрицал целесообразность соединения линий в городе Туркестане и по-прежнему настаивал на захвате Ташкента. «От него через укрепление Аулие-Ата идет удобная прямая дорога на Кульджу и Чугучак, и я полагаю, что Сибирскому корпусу весьма легко в первый год построить укрепление в Пишпеке, а на следующее лето овладеть крепостью Аулие-Ата и прийти к Ташкенту на соединение с войсками Оренбургского корпуса, которые, устроив на Сыре, смотря по удобству и по ближайшей

линии к Ташкенту, укрепление, как для прикрытия флотилии, так и для соединения в нем продовольственных и боевых припасов, могут совокупно с Сибирским корпусом приступить к овладению Ташкентом»{385}. [142]

Осуществление этого плана, по Безаку, предоставляло России «отличную государственную границу, обеспечивало снабжение сыр-дарьинских фортов продовольствием и лесом, Сыр-Дарьинскую флотилию — топливом, а отечественную промышленность ценными полезными ископаемыми, давало возможность добиться ликвидации раздоров между казахскими племенами русского и кокандского подданства и увеличить «кибиточный сбор». Вновь возвращаясь к роли Ташкента, Безак писал, что «к городу, находящемуся в 150 верстах от Коканда, сходятся все торговые пути из Бухары, Китая и России». «Владея Ташкентом, мы получим не только решительное преобладание на ханство Кокандское, — продолжал он, — но усилим наше влияние и на Бухару, что разовьет значительно нашу торговлю с этими странами и в особенности с китайскими хорошо населенными городами Кашгаром и Яркендом».

Доходы с Ташкентского оазиса вместе с увеличенным кибиточным сбором должны были, по мнению Безака, покрыть, издержки на содержание Сыр-Дарьинской линии, «обременяющие ныне государственное казначейство».

Безак особо остановился на опасениях Министерства иностранных дел, что «слишком активная» политика России в Средней Азии вызовет недовольство Британской империи. Он ссылался на то, что движение вверх по Сыр-Дарье менее встревожит правящие круги Англии, чем движение по Аму-Дарье, «приближающее нас к Индии». «Не думаю, однако, чтобы англичане серьезно боялись нашего похода в Индию; по моему мнению, это химера», — добавлял Безак, обнаруживая неплохое понимание многих выступлений английских военно-политических и торгово-промышленных деятелей и публицистов, маскировавших разговорами об опасности русского похода на Индию британские интриги и провокации в среднеазиатских ханствах. И Безак призывал не оттягивать активные действия против Коканда, ибо кокандские войска могут быть оснащены английским оружием. Безак надеялся, что Дюгамель, ознакомившись более глубоко и всесторонне с положением в Средней Азии, откажется от своих предложений о мирных сношениях с Кокандом.

Донесение Безака было доложено царю, который согласился с его основными положениями и распорядился обсудить, их в Особом комитете. Однако совместить принципиально различные точки зрения Безака и Дюгамеля было невозможно. Разногласия между, руководителями двух соседних генерал-губернаторств имели тем большее значение, что даже в правительственных кругах Петербурга не существовало единого мнения, общего плана, программы действий в Средней [143] Азии. Отсутствовала определенная договоренность между Военным министерством и Министерством иностранных дел, которые зачастую расходились между собой не только в вопросе о методах и приемах достижения тех или иных политических целей, но и в определении этих целей.

В 1860 г. товарищем военного министра, а в 1861 г. — военным министром был назначен генерал Д. А. Милютин. В отличие от своего предшественника Сухозанета Милютин был энергичным человеком, более тесно связанным с деловыми кругами России. Он прекрасно понимал нужды капиталистического развития Российской империи и был сторонником захвата новых рынков сбыта и источников сырья для русской промышленности. При Милютине Военное министерство более настойчиво и последовательно проводило свою линию в решении государственных дел. Военное министерство все более склонялось к прямому завоеванию среднеазиатских ханств, тогда как Министерство иностранных дел предпочитало добиваться предоставления Российской

империи политических и экономических привилегий путем дипломатических переговоров.

Вспоминая через много лет некоторые причины этих расхождений, Д. А. Милютин писал, что Министерство иностранных дел «с давних времен держалось в азиатской политике системы полного консерватизма». Военный министр упрекал внешнеполитическое ведомство в том, что оно оказывало сдерживающее влияние на наступление русских войск в Средней Азии, «дабы не возбуждать дипломатических запросов лондонского кабинета, ревниво следившего за каждым нашим шагом в степях». Милютин считал, что Горчаков уделял недостаточно внимания азиатским делам, «не хотел даже вникать в обстоятельства, вынуждавшие нас по временам принимать военные меры на азиатских наших окраинах, и приписывал всякое военное предприятие своеволию местных начальников, стремлению их к боевым отличиям и наградам. Хотя в этом обвинении и была, может быть, некоторая доля правды, однако же не одно мелкое честолюбие второстепенных личностей заставляло прибегать к оружию против полудиких азиатских соседей...»{386}.

Характеризуя позицию Министерства иностранных дел, Милютин, конечно, несколько сгущал краски, так как Министерство иностранных дел нередко оказывало решительный отпор домогательствам Англии. В приведенном отрывке Милютин, обосновывая линию Военного министерства, ссылался [144] лишь на чисто военные причины. А между тем во многих других документах он приводил не менее, если не более важные доводы экономического и политического характера. Разнообразнейшие материалы личного архива Милютина свидетельствуют о том, что возглавлявшееся им Военное министерство проводило политику, значительно более соответствовавшую_ интересам и требованиям торгово-промышленных кругов Российской империи.

Наличие разногласий во взглядах на среднеазиатскую политику в значительной мере объяснялось отсутствием четкого государственного плана военно-политических действий. Генерал-квартирмейстер Главного штаба Вернандер в докладе военному министру следующим образом характеризовал причины расхождений во мнении генерал-губернаторов оренбургского и западносибирского: «...Система, которой правительство желает следовать в Средней Азии, до сих пор еще не была ясно высказана; неминуемым следствием этого был недостаток связи и последовательности в действиях начальников сопредельных с Азией Западной Сибири и Оренбургского края. Так, например, и в настоящее время генерал-от-инфантерии Дюгамель считает необходимым войти с Кокандом в мирные сношения, в то время как генерал-адъютант Безак предполагает действовать против того же Коканда силой оружия.

Для устранения подобных недоразумений казалось бы необходимым определить раз навсегда ту общую систему, согласно которой правительство намерено действовать относительно Туркестана; будет ли эта система приводиться в исполнение аемедлепно или впоследствии, при более благоприятных обстоятельствах финансовых»{387}.

В это время Военное министерство приобрело влиятельного единомышленника на ответственном посту в Министерстве иностранных дел. После выхода в отставку в мае 1861 г, министра народного просвещения Евграфа Ковалевского, возражавшего против репрессивных мер по отношению к участникам студенческих волнений, в августе 1861 г. с должности директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел вынужден был уйти и Егор Ковалевский{388}. Вместо него был назначен добившийся за короткий срок крупных успехов на дипломатическом поприще Н. П. Игнатьев, что, по выражению Д. А. Милютина, «значительно облегчило [145] дело». Отмечая молодость, честолюбие и предприимчивость нового директора департамента, Милютин указывал на его знакомство с Азией и удачное выполнение политических

поручений в среднеазиатских ханствах и в Китае. «Как офицер генерального штаба, он был со мной в самых лучших отношениях, почти товарищеских, — продолжал Д. А. Милютин. — Благодаря этим личным отношениям мы входили в частные между собой соглашения по азиатским делам и общими силами успокаивали пугливого вице-канцлера (т. е. А. М. Горчакова. — Н. Х.)»{389}.

Было бы в корне неправильно сводить все дело к личным отношениям между Милютиным и Игнатьевым. Общность их точек зрения была вызвана тем, что оба они были связаны с буржуазными кругами России и хорошо понимали внутреннюю социально-экономическую и политическую обстановку. Поддержка Игнатьева усиливала позиции Военного министерства на многочисленных заседаниях Особого комитета, обсуждавшего важнейшие проблемы политики царизма, в частности его действий на Востоке.

Ссылаясь на полученные в Оренбурге известия о сосредоточении кокандских войск в окрестностях городов Туркестана, Ташкента и Сузака, военный министр предложил Дюгамелю учесть это в его «действиях и сношениях» с Кокандом, а также обратил его внимание на намерение кокандского правительства сочетать мирные переговоры в Омске с наступлением на Сыр-Дарьинскую линию. Генерал-губернатору Западной Сибири поручалось провести военный маневр в случае выступления кокандских войск, чтобы отвлечь часть их от Сыр-Дарьинской линии{390}.

Однако Дюгамель, получивший также и письмо Безака с просьбой о содействии, сослался на маловероятность военных операций в зимнее время и заявил, что движение крупного русского отряда к крепости Сузак «совершенно невозможно». Менее затруднительно, писал он Д. А. Милютину, направить небольшой отряд к р. Чу, к. Пишпеку, но это вряд ли поможет войскам на Сыр-Дарье из-за огромного расстояния между операционными линиями Оренбургского и Сибирского корпусов. «Перейти же за р. Чу значило бы начать военные действия, к чему я не считаю себя уполномоченным, и резко противоречило бы принятой мной системе»{391}.

Он информировал военного министра о значительном сокращении расходов на содержание Сибирского корпуса и [146] предупреждал, что снаряжение военных экспедиций не только помешает осуществить «предполагаемые сбережения», но и вовлечет казну в новые значительные денежные траты.

Это письмо встретило резкую отповедь Военного министерства. Милютин напоминал Дюгамелю о категорическом, отказе правительственных кругов России признавать р. Чу «чертой, ограничивающей круг действий вверенных вам войск». Он разъяснял далее, что при характерных для внутреннего положения Коканда феодальных раздорах и усилившейся враждебности к России «нельзя ожидать успеха ни от мирных с ними сношений, ни от строго оборонительного образа действий»{392}. Ссылаясь на участившиеся нападения кокандских отрядов на казахские племена русского подданства и на слухи о подготовке совместного выступления Хивинского и Кокандского ханств против России, Милютин указывал на необходимость быть наготове.

Этот инцидент заставил царское правительство ускорить выработку общих принципов среднеазиатской политики, тем более что Безак продолжал призывать к осуществлению предложенных им мероприятий.

3 марта 1862 г. было созвано заседание Особого комитета, в котором приняли участие вел. кн. Константин Николаевич, А. М. Горчаков, Д. А. Милютин, М. Х. Рейтеры, сменивший А. Ф. Княжевича на посту министра финансов, А. П. Безак, Ег. П. Ковалевский и Н. П. Игнатьев. Безак изложил план совместного похода войск Оренбургского и Сибирского корпусов на Ташкент, намечая его осуществление на 1863 г. К этому времени Сибирскому корпусу надлежало овладеть Пишпеком, а затем крепостью

Аулие-Ата, а войскам Оренбурга — захватить Туркестан и создать на Сыр-Дарье, по соседству с Ташкентом, военную базу.

Особый комитет в основном одобрил эти планы. Однако их осуществление было отложено до изучения финансовой стороны дела, так как на заседании были высказаны опасения, что продление Сыр-Дарьинской линии и завоевание Ташкента потребуют больших расходов{393}.

Дюгамель, однако, продолжал отстаивать свою точку зрения. 26 мая 1862 г. он отправил в столицу донесение о намеченном им плане действий в Зачуйском крае «по направлению к Ташкенту». Указывая на сравнительную легкость овладение этим городом, Дюгамель в то же время требовал ассигнования на это огромных средств и настойчиво подчеркивал, что новые приобретения не уменьшат, а увеличат [147] расходы и на содержание Сыр-Дарьинской линии и особенно Сибирского корпуса. Он отрицал надежды «на доходы Ташкента и Туркестана как на источник, могущий со временем вознаградить издержки, сделанные для завоевания этих об-лгстей... Обложение жителей чрезмерными налогами могло бы породить между ними общее неудовольствие и даже довести их до открытого восстания». Он признавал возможность добиться увеличения «нравственного влияния России в Средней Азии» в результате завоевания Ташкента, но считал, что «материальных выгод от этого приобретения ожидать нельзя ни в настоящем, ни в будущем»{394}.

По указанию Александра II, Милютин предложил Дюгамелю не вести в 1862 г. подготовки к занятию Ташкента и Туркестана, но вместе с тем призывал не отказываться от мысли о необходимости сомкнуть пограничную линию. «Весьма быть может, что по ближайшем обзоре гор, разделяющих долины рек Сыр-Дарьи и Чу, соединение южных оренбургской и сибирской границ наших окажется удобным и без занятия этих областей», — писал военный министр. До тех пор, пока граница не будет соединена, не будет достигнуто единство в действиях Оренбурга и Омска, а главное — «самое развитие наших торговых и политических видов в Средней Азии не может быть доступно».

Опровергая «финансовые» доводы Дюгамеля, Милютин указывал на возможность заселения Чуйской долины, на обнаруженные здесь леса, использование которых удешевит строительство укреплений, и разъяснял, что правительство продолжает предусматривать соединение границ после всестороннего изучения разделяющего их пространства. Содействие Сибирского корпуса войскам Сыр-Дарьинской линии должно было заключаться именно в изучении местности, что не требовало значительных расходов.

Военный министр обращал внимание генерал-губернатора Западной Сибири и на то, что русский военный отряд Колпаковского летом 1862 г. бесплодно простоял несколько дней в районе Пишпека, тогда как мог занять его или двинуться к Аулие-Ате, в результате чего «значительная часть предполагавшегося для Сибирского корпуса (задания. — Н. Х.) на 1863 и 1864 гг. могла бы осуществиться еще в нынешнем году без всяких затруднений»{395}. Подобные действия не только облегчили бы рекогносцировку Туркестана, но и способствовали бы изучению «главного пути к Ташкенту и Коканду из Аулие-Ата». [148]

В заключение Милютин запрашивал Дюгамеля, что тот намерен сделать «для осуществления высочайших указаний по соединению оренбургской и сибирской границ без особого напряжения сил и без больших расходов».

Но на Дюгамеля не подействовало и новое внушение Военною министерства: вместо конкретных действий он продолжал вести переписку с Петербургом, отстаивая свою точку зрения. В новом письме Милютину Дюгамель опять ссылался на значительность издержек, с которыми связано «постоянное водворение» войск в «отдаленных местностях Азии», указывал на бесполезность периодических «набегов»

на кокандские укрепления и предлагал дожидаться тех времен, когда «политические и финансовые обстоятельства позволят нам окончательно занять Зачуйский край»{396}.

Ответ Дюгамеля вызвал возмущение военного министра, и он испещрил его негодующими пометками, наложив резолюцию: «Так как переписка с ген. Дюгамелем по этому предмету, очевидно, не приведет ни к каким результатам и, по-видимому, нет надежды изменить его взгляд на положение нише относительно Коканда и Средней Азии, то полагаю оставить настоящий его отзыв вовсе без ответа и отложить дальнейшее разъяснение дела до других, более благоприятных обстоятельств».

Тем не менее Милютин еще раз попытался переубедить Дюгамеля и сообщил ему, что в Кокандском ханстве рассматривают «стояние» Колпаковского под Пишпеком как «полную неудачу» русских войск, тогда как войска Сибирского корпуса могут не только разрушить это кокандское укрепление, но и не допустить его восстановления. По мнению военного министра, этим достигалась важная цель: «Кокандцы, видя нашу решимость не терпеть их соседства, окончательно будут вынуждены очистить долину реки Чу»{397}.

В ответ пришла телеграмма Дюгамеля, что 24 октября 1862 г. кокандская крепость Пишпек сдалась царским войскам со всем гарнизоном, и вооружением»{398}.

Захват Пишпека, на который долго и упорно толкало Дюгамеля Военное министерство, был встречен в Петербурге с полным одобрением. Милютин сообщил генерал-губернатору Западной Сибири, что Александру II «было весьма приятно получить известие» о взятии Пишпека, но он «выражает лишь опасение», что туда вернутся кокандские войска, восстановят укрепления и по-прежнему будут «оспаривать» у России левобережье р. Чу. Военный министр намекал на возможность [149] в следующем году окончательно овладеть Чуйской долиной, но рекомендовал не создавать здесь укрепленного пункта, а расположить подвижную колонну: «Новое укрепление сейчас возбудит толки о новом захвате нашем в Средней Азии; подвижная колонна не будет иметь этого вида и не свяжет нас нисколько в будущем»{399}.

Генерал-губернатор Западной Сибири принял это предложение и выдвинул план: «подвижная колонна» должна была весной 1863 г. двинуться из Верного на кокандскую крепость Мерке, затем занять Аулие-Ату и превратить ее в свою военную, продовольственную и транспортную базу. Появление сильного отряда русских войск, по Дюгамелю, оказало бы влияние на казахские и киргизские племена этого района, чтобы «вызвать у них желание принять подданство Российской империи»{400}.

Царское правительство готовилось к наступлению и со стороны Оренбурга: на ту же весну 1863 г. предусматривалась совместная экспедиция сухопутных войск Сыр-Дарьинской линии и судов Аральской флотилии из форта Перовского и Джулека вверх по течению Сыр-Дарьи — в пределы Кокандского ханства. Экспедиция должна была разведать окрестности города Туркестана и дороги через хребет Каратау к крепости Сузак{401}.

Готовясь к наступательным действиям, царское правительство учитывало внутреннюю обстановку к Коканде, где обострялась межфеодальная и межплеменная борьба. Притеснения казахских племен кокандскими властями, насилии кокандских чиновников и грабеж кочевников во «время сбора податей вызвали серьезные волнения среди казахов, которые осадили Ташкент и прервали связь между ним и Туркестаном. В Ферганской долине восстало племя кипчаков. Хан Худояр вместе с фактическим правителем государства Шахмурадом был вынужден бежать в город Маргелан. Восставшие провозгласили ханом своего ставленника — Мадали{402}.

В конце 1862 г. обстановка в Средней Азии серьезно беспокоила царское правительство. Известия о выходе к берегам Аму-Дарьи военных отрядов афганского эмира Дост Мухаммеда, заключившего союз с Англией, и об

интригах английской агентуры в среднеазиатских ханствах вскоре дополнялись полученными Безаком сведениями о попытках англичан создать свое пароходство на Аму-Дарье и о начатых ими [150] переговорах в Бухаре то этому вопросу. Даже Горчаков, удерживавший, как отмечалось выше, военное ведомство от слишком энергичных действий, в специальном письме Безаку отметил важность присланных им данных, «обративших на себя особенное внимание Министерства иностранных дел». Он предлагал срочно сообщить о намеченных оренбургским генерал-губернатором мерах для противодействия «замыслам англичан»{403}.

Еще более резко реагировал на донесения Безака Милютин. Сообщая о серьезной тревоге, какую возбудили в Петербурге известия «о намерении английских агентов положить основание пароходству на Аму-Дарье», он категорически заявлял: «Мы должны во что бы то ни стало противодействовать этому покушению»{404}.

В связи с запросами из столицы Безак предлагал в первую очередь занять дельту Аму-Дарьи и построить там укрепленный пункт, который дал бы возможность оказывать влияние на Хиву и Бухару. Он отрицал необходимость похода на Хиву, опасаясь «упреков в завоевательных замыслах», и находил нужным «сколь возможно долее поддерживать ее самостоятельное существование»{405}.

Вместе с тем Безак указывал на отсутствие людских ресурсов, денежных и транспортных средств для занятия дельты Аму-Дарьи, подчеркивая, что при появлении на этой реке английских судов «трудно предсказать все грустные последствия, которые принесет это событие для нашего влияния в Средней Азии».

Это письмо лишний раз указывало на необходимость координации действий различных государственных органов и выработки единого четкого плана в отношении Средней Азии.

Необходимость укрепления позиций в среднеазиатских ханствах была вызвана тем, что в пореформенной России происходили серьезные экономические сдвиги, которые придавали особое значение борьбе за рынки сбыта и источники сырья. [151]

## Глава IV. Соединение Сыр-Дарьинской и Западносибирской линий (1863–1864)

### Экономическое развитие России в пореформенный период и внешняя политика в Средней Азии

После реформы 1861 г. капитализм в России начал развиваться быстрыми темпами. Возникали новые заводы и фабрики, расширялась железнодорожная сеть. «...После 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века», — указывал В. И. Ленин{406}.

Ведущее положение по-прежнему занимала хлопчатобумажная промышленность, но удельный вес металлургии и машиностроения в экономике Российской империи значительно возрос.

Бурное промышленное развитие России продолжало требовать новых рынков сбыта. В министерства финансов и иностранных дел подавались петиции и докладные записки с ходатайствами о «создании в Средней Азии благоприятных условий для деятельности русского купечества»{407}.

Царское правительство сочувственно относилось к этим документам еще и потому, что рассчитывало за счет внешнеполитической экспансии ослабить классовые противоречия в стране.

«Среднеазиатская проблема» продолжала занимать одно из центральных мест на страницах газет и журналов, где [152] предлагались различные варианты ее разрешения. На некоторых из них необходимо остановиться подробно. Уже известный нам Ю. А. Гагемейстер поместил в «Русском вестнике» статью :»О торговом значении Средней Азии в отношении к России».

Основные ее положения могут быть несколько упрощенно сведены к следующему: среднеазиатские рынки важны для русской торговли, но для ее развития необходимо осуществить значительные военно-политические мероприятия.

Рассматривая статистические данные об экономических связях России со Средней Азией за 30–60-е годы XIX в., Гагемейстер приходил к выводу, что эта торговля «принимает оборот в том отношении выгодный для России, что сбыт туда наших мануфактурных изделий усиливается, тогда как мы оттуда запасаемся разными сырыми произведениями»{408}.

Россия может добиться усиления своего влияния на среднеазиатские ханства одной угрозой разрыва торговых отношений. В то же время Гагемейстер предостерегал, что осуществление этой меры на деле может тяжело отразиться и на русской промышленности. «От того подобное мирное средство может быть гораздо тягостнее для государства, чем даже употребление военной силы», — писал он. Правда, в Среднюю Азию пока еще сбывается сравнительно мало русских товаров, но России «нельзя не обратить внимания на эту почти единственную страну, которая еще принимает ее мануфактурные товары, тем более, что сбыт их там постоянно усиливается»{409}. Однако развитие торговли нуждается еще, писал Гагемейстер, в политическом «спокойствии», в увеличении благосостояния местного населения.

И Гагемейстер предложил следующую программу действий в Средней Азии:

«1. Занять верховья Сыр-Дарьи, чтобы обеспечить беспрепятственное плавание по ней ;русских судов и снабжение войск Сыр-Дарьинской линии и экипажей судов местной флотилии продовольствием, строевым лесом и топливом; добиться прекращения вражды между Кокандом и Бухарой с целью обезопасить перевозку товаров между Россией и этими ханствами.

2. Стать твердой ногой на Аму-Дарье для прекращения в Хивинском ханстве торговли невольниками и усмирения чрез это туркменских племен, кочующих на восточной стороне Каспийского моря. [153]

3. Связать через устройство нескольких фортов линию Сыр-Дарьинскую с Киргизо-Сибирской.

4. Перенести на эту новую линию таможенные учреждения с нынешних Оренбургской и Сибирской линий.

5. Учредить... срочное от казны (регулярное и казенное. — Н. X.) пароходство по Сыр-Дарье.

6. Отправить консулов в те владения среднеазийские, с которыми Россия находится или будет находиться в торговых сношениях, и содействовать учреждению там русских факторий.

7. Поощрить хлебопашество между киргизами»{410}.

Со статьей Гагемейстера перекликается анонимная: «Краткая записка о невыгодном для России положении торговли ее с Средней Азией», опубликованная в приложении к статье Н. Г. Залесова «Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году»{411}. Как нам удалось установить по рукописи, хранящейся в Центральном Государственном военно-историческом архиве СССР, автором записки был В. В. Григорьев, председатель Оренбургской пограничной комиссии (в 1852–1863 гг.), а затем управляющий «Областью оренбургских киргизов», т. е. казахов.

В. В. Григорьев, ссылаясь на отчеты таможен Оренбургской линии, указывал на дискриминацию русских купцов в среднеазиатских ханствах, в то время как азиатские партнеры по торговле пользовались в России равными правами и привилегиями и их товары облагались одинаковой таможенной пошлиной.

Это тем более непонятно, писал Григорьев, что Средняя Азия больше нуждается в русских товарах, чем Россия в среднеазиатском хлопке, составлявшем лишь незначительный процент импортного хлопка, сухофруктах неважного качества и марене, которая выращивается и в русском Закавказье. «Все означенные товары среднеазиатцы не могут сбывать с выгодой никуда, кроме России: ни в Персию, ни в Афганистан, ни в Индию, ни в Китайский Туркестан товары эти не требуются, ибо страны эти производят их в изобилии. Наоборот, от нас среднеазиатцы вывозят преимущественно такого рода товары, которых по ценам, за какие эти товары приобретаются в России, не могут они получать ниоткуда в шире и которые составляют при этом насущную потребность в Средней Азии. Таковы металлы: железо, медь, чугун и изделия из них; товар кожевенный и деревянный. Без наших произведений среднеазиатцу не в чем будет варить себе пищу, [154] не во что ноги обуть; сверх всего, сбытом нам хлопка своего и фруктов приобретают они и наличные деньги, на которые покупают потом от персиан и афганцев то немногое, что пригодно им из произведений британской промышленности»{412}.

Вывод Григорьева был следующий: необходимо добиться уменьшения таможенных пошлин с «христиан» (т. е. с русских купцов) в Средней Азии или «ограничить права среднеазиатских торговцев»{413}.

Этот документ, составленный «на месте», проникнут большим беспокойством за судьбы русской торговли на Востоке, чем статья высокопоставленного финансиста Ю. А. Гагемейстера. Однако оба документа связаны единством цели: различными средствами способствовать расширению экономических связей России со Средней Азией.

И эти и многие аналогичные статьи печатались на страницах одного и того же органа — журнала «Русский вестник», издававшегося М. Н. Катковым. Катков обычно чутко прислушивался к настроениям в правительственных сферах, и его журнал в определенной степени был официозом, влиятельным рупором как помещичьих, так и торгово-промышленных кругов. Журнал Каткова, обычно отражавший официальные взгляды, имел большой вес. Как вспоминал один из его современников, «тогда с одобрительными или отрицательными отзывами Каткова

сообразовывалась вся наша высшая администрация, и стоило только Каткову выразить насечет чего-либо свое неудовольствие, как у высших наших сановников, к ведомству которых относились слова Каткова, подымался страшный переполох»{414}.

Выступления катковского «Русского вестника» и других журналов по проблемам среднеазиатской торговли доказывали особую актуальность этих проблем для России после Крымской войны и отмены крепостного права.

Проблема расширения экономических связей со Средней Азией широко обсуждалась на страницах и других журналов. Так, орган торгово-промышленных кругов «Промышленность. Журнал мануфактур и торговли» в первом же своем номере, вышедшем в 1863 г., опубликовал составленный С. А. Хрулевым «Проект устава товарищества для развития торговли с Средней Азией».

Целью этого товарищества были, по определению Хрулева, [155] организация широкого товарообмена «со степями киргизов и туркменцев, владениями хивинскими, бухарскими и кокандскими, лежащими вверх по Аму-Дарье», а также рыбный промысел и разработка нефтяных месторождений на Каспийском море. Хрулев аргументировал целесообразность создания такой компании уже знакомыми нам доводами: русские изделия могут успешно соперничать с европейскими лишь на рынках соседних с Россией стран Востока; Россия может стать основным посредником для вывоза товаров азиатских государств на европейские рынки.

Вместе с тем Хрулев сетовал на недостаточное развитие среднеазиатской торговли (несмотря на оказываемую ей правительственную поддержку) и обусловленное этим слабое влияние торговли «на усиление мануфактурной деятельности России». Хрулев считал, что Российская империя крайне медленно продвигалась к среднеазиатским ханствам, тогда как Англия, утвердившись в Индии, решительно проложила дорогу своим товарам через Афганистан в Среднюю Азию.

«Я лично видел, — писал Хрулев, — что наши киргизы носят беспошлинно халаты с английской подкладкой. Этими путями англичане вытесняют нашу торговлю с среднеазиатских рынков и угрожают уничтожением всякого нравственного значения (т. е. политического влияния. — Н. Х.) нашего, а с ним и всякого сбыта произведений». Хрулев призывал «поспешнее утвердиться в торговом отношении в Балханском заливе», продлить Саратовскую железную дорогу через Уральск — Илецк на Орск — Оренбург — Семипалатинск — Бийск до Кяхты и Читы, а также организовать специальную компанию по торговле в Средней Азии, предоставив ей на первых порах определенные таможенные льготы{415}. В 1863 г. такая компания не была создана. Но не прошло и двух лет, как подобное «товарищество» возникло при участии правительства и виднейших торгово-промышленных фирм.

В начале 60-х годов XIX в. возникла острая потребность в хлопке для важнейшей отрасли русской промышленности — текстильной. В 1850 г. стоимость продукции бумагопрядильной промышленности составляла приблизительно 16 млн. руб., бумаготкацкой — 13, красильной и отделочной — 16 млн. руб.; в 1860 г. соответственно — 28,7; 19,3 и 23,1 млн. руб. В 60-е годы темпы роста выпуска продукции еще более возросли{416}. [156]

Развитие хлопчатобумажной промышленности в России, естественно, зависело от увеличения ввоза хлопка. В среднем за год импортировалось (в основном из США): в 1841–1845 гг. — 527 тыс. пуд., 1846–1850 гг. — 1115, 1851–1856 гг. — 1533, 1856–1860 гг. — 2421 тыс. пуд.

Однако начавшаяся в 1861 г. в США гражданская война сократила импорт хлопка в Россию в 1861–1865 гг. до 1116 тыс. пуд. в год{417}. Перебои в получении американского хлопка заставили правительство, торговцев и промышленников России по-иному взглянуть на вопрос о превращении среднеазиатских ханств в источники сырья. Хотя во время сырье-пого голода цены на среднеазиатский

хлопок в Российской империи резко возросли, привоз его значительно увеличился. Так, с 1860 по 1861 г., когда поставки американского хлопка сократились вшестеро, ввоз хлопка из Средней Азии возрос втрое, а цены его на ярмарке в Нижнем Новгороде поднялись с 4–5 руб. за.пуд до 7 руб. 50 коп. и продолжали неуклонно и быстро увеличиваться (в 1862.г. — 12–13 руб., в 1864 г. — 22–24 руб.){418}.

Средняя Азия, которая до этого рассматривалась русскими промышленниками преимущественно как выгодный рынок сбыта, теперь приобрела значение источника важного промышленного сырья{419}.

Русские газеты и журналы запестрели статьями и заметками, посвященными вопросам превращения Средней Азии в хлопковую базу Российской империи. В. В. Григорьев опубликовал в «Северной пчеле» статью «О бухарском хлопке и возможности разведения хлопчатника на Сыр-Дарье»{420}, а затем в «Торговом сборнике» — другую, под названием «Бухарцы и хлопок»{421}.

«Вестник промышленности» в редакционном «Обозрении промышленности и торговли России» писал, что война в США может способствовать увеличению на мировом рынке спроса на промышленные изделия России, «в которых Америка — наша сильная соперница», и призывал закрепить это «честностью сделок и добросовестностью продаж».

Но, отмечали авторы обозрения, этому может помещать нехватка сырья для ткацких фабрик. Они выражали надежду, [157] что в России «побольше подумают о хлопке в тех странах Азии, которые у нас под рукой»{422}.

Автор «Заметок о Бухаре и ее торговле с Россией», опубликованных в «Современнике» под псевдонимом «Казенный турист», отмечал, что в результате сокращения привоза хлопка из Соединенных Штатов и увеличения доставки его из Бухарского ханства «обор и вывоз хлопка поглотил в Бухаре всю ее прежнюю производительность, заменил почти весь ее вывозной товар: канаус, сусу, выбойку, готовые халаты и даже фрукты». Автор призывал правительство быстрее осуществить давний план переноса таможенной черти от Оренбурга «на границу государства — на Сыр-Дарью», мотивируя это тем, что Россия в течение долгих лет «ожидала больших выгод от торговли с Азией»{423}.

Активизация захватнических действий царизма в Средней Азии была вызвана не только экономическими проблемами получения хлопка), но и внешнеполитическими предпосылками.

В начале 1863 г. в Польше вспыхнуло восстание против русского царизма, охватившее и Литву. Западные державы и в первую очередь Франция и Англия использовали события в Польше для дипломатического нажима на Российскую империю. Британский премьер-министр Пальмерстон и министр иностранных дел Россель, в сущности совершенно не интересовавшиеся самим восстанием, направили царскому правительству провокационные ноты. Они стремились ослабить международное положение России, ухудшить налаживавшиеся франко-русские отношения (участие Франции в совместном с Англией демарше не могло не отразиться на отношениях между Россией и Францией){424}.

Царское правительство, отлично понимавшее, что Англия играла ведущую рбль в предпринятом нажиме, решило осуществить контрманевр на Востоке. Дело было, однако, не только в конфликте по «польскому вопросу». Российская империя стремилась использовать каждую возможность для реванша за поражение в Крымской войне.

В то время как министр иностранных дел Горчаков посылал ноты протеста западным державам, Милютин и Игнатьев намечали планы действий в Азии, рассчитанные, по словам военного министра, на «отвлечение сил англичан из [158] Европы и нанесение их торговым интересам возможно большего вреда»{425}.

Все контрмеры сводились к наступлению на Хиву и в долину Аму-Дарьи. Однако военные операции разрешались только в том случае, если британские правящие круги от политики угроз и провокаций перейдут к открытой войне против. России.

Как известно, до войны дело не дошло. После нескольких месяцев шантажа западные державы были вынуждены признать свое поражение: политика запугивания обернулась против ее инициаторов. Эти события укрепили в России позиции сторонников экспансии в Средней Азии и подорвали политику «оглядки на Англию» дипломатического ведомства.

23 февраля 1863 г. состоялось заседание Особого комитета, на котором присутствовали руководители министерств, а также оренбургский и западносибирский генерал-губернаторы — Безак и Дюгамель. Были вновь подчеркнуты необходимость и желательность быстрейшего «соединения линий»г но под нажимом министра финансов Рейтерна комитет решил временно отсрочить это мероприятие{426}.

Кроме финансовых трудностей, на решения Особого комитета повлияли расхождения во взглядах обоих генерал-губернаторов на задачи и цели политики России в Средней Азии. Безак предлагал занять Ташкент и включить его в состав Российской империи, а Дюгамель считал более целесообразным добиться создания в Ташкентском оазисе самостоятельного ханства «под покровительством России»{427}.

Решения Особого комитета, утвержденные 2 марта 1863 г. царем, предусматривали детальное изучение местности между передовыми укреплениями Сыр-Дарьинской и Сибирской: линий. Начальнику Аральской флотилии Бутакову поручалось исследовать течение Сыр-Дарьи вверх от форта Перовского. Исполнявший должность начальника штаба Оренбургского корпуса подполковник Черняев должен был провести рекогносцировку района от Джулека до г. Туркестана и выслать «летучий отряд» к северным склонам гор Каратау до кокандской крепости Сузак.

Западносибирские войска получили задание обследовать [159] пути к Аулие-Ате (отряд полковника Лерхе) и дороги из Заилийского края по долине р. Нарын в Кашгар (отряд штабс-капитана Проценко).

Эти операции, проводившиеся исключительно с разведывательными целями, привели к неожиданному результату. Гарнизоны кокандских укреплений Куртка и Джумгала без. выстрела сдались отряду Проценко. При приближении отряда Черняева к Сузаку там вспыхнуло восстание против кокандских властей. Население Сузака заставило кокандский гарнизон сложить оружие и объявило о своем желании принять русское подданство. Их примеру последовали казахи Биштамгалинского рода, кочевавшие в районе Чолак-Кургана и Сузака. Однако в это же время отряд Лерхе вместо намеченного продвижения к Аулие-Ате надолго застрял у Пишпека.

Неожиданные успехи отряда Черняева (хотя он и не «занял окончательно» Сузак) вызвали беспокойство Безака, опасавшегося недовольства Министерства иностранных дел. В донесении правительству оренбургский генерал-губернатор отмежевывался от действий Черняева{428}. Начальник Сыр-Дарьинской линии полковник Веревкин, поддерживавший связь с Черняевым во время его похода, также отрицательно отозвался о «сузакской операции», исходя из соображений «большой политики».

«Разрушение Сузака... было бы дело прекрасное, — писал он Черняеву, — но опасаюсь я, чтобы оно не повело к каким-либо неприятным запросам из Петербурга и не подняло бы шума в политическом мире; теперь же, при натянутости наших отношений с Англией, у нас особенно боятся давать англичанам повод к опасениям и неудовольствиям»{429}.

И Безак и Веревкин ошиблись. Именно ухудшение отношений с Англией вызвало в Петербурге противоположную оценку действий Черняева. Близкий друг

Черняева сотрудник Главного штаба Полторацкий сообщал ему в конфиденциальном письме, что и Милютин и Игнатьев довольны «сузакским делом»{430}.

Это «дело», не потребовавшее особых затрат, как и успех отряда Проценко в долине р. Нарын, послужили основой для выработки Министерством иностранных дел плана компромиссного, но быстрого разрешения проблемы «соединения линий». Было намечено провести границу по северному склону Каратауских гор: через Сузак — Чолак-Курган — Аулие-Ату. Для этого, писал Горчаков Милютину, «не потребуется [160] ни завоевания Ташкента, ни дорогостоящих экспедиций, ни даже овладения силой Туркестаном»{431}. Министерство иностранных дел рассчитывало, что «мирные сношения с среднеазиатскими ханствами» сохранятся, а продовольственное положение Сыр-Дарьинской линии улучшится.

На основе предложений Горчакова Военным министерством и Министерством иностранных дел 1 августа 1863 г. были согласованы общие «Соображения относительно будущих действий в Средней Азии». Оба министерства подчеркивали необходимость «соединения линий» с точки зрения административного управления занятыми районами и для развития «торговых и политических выгод Российской империи в Средней Азии», а также отмечали, что действия Черняева «без особых расходов и пожертвований» создали благоприятные предпосылки для занятия линии Сузак — Чолак-Курган — Аулие-Ата{432}. Министры считали политической ошибкой отвод войск с занятых позиций, но вместе с тем предлагали Безаку и Дюгамелю обходиться всецело местными военными силами и денежными средствами{433}.

Военное ведомство, и в прошлом ратовавшее за «соединение линий», и дипломатические круги (в первую очередь директор Азиатского департамента Н. П. Игнатьев) заняли в этом вопросе решительную позицию и резко выступили против очередной попытки сторонника осторожной политики Дюгамеля оттянуть осуществление планировавшихся мероприятий. Заявление Дюгамеля, что его войска будут заняты на различных строительных работах, а ассигнованных денежных средств недостаточно для взятия Аулие-Аты{434}, было встречено дружной критикой обоих министерств — военного и иностранных дел.

Игнатьев от имени Министерства иностранных дел заявил, что если бы Лерхе действовал столь же решительно, как Черняев, то отряды войск Оренбургского и Западносибирского корпусов давно бы встретились. Поскольку в Средней Азии сложилась выгодная для России обстановка (внутренние раздоры в Кокандском ханстве и очередная бухаро-кокандская война), Игнатьев настаивал на безотлагательном и ра-.днкг.льном решении поставленной задачи. «Пропустив и это время, осуществление соединения линий представит более значительные затруднения и вызовет, может быть, борьбу с противником более сильнейшим, — писал Игнатьев. — Мы потеряем плоды всех экспедиций прошедшего лета и должны [161] будем начать дело, сызнова при обстоятельствах менее благоприятных и, вероятно, с большими расходами»{435}.

Мнение Игнатьева о возможности соединения линий уже в 1863 г. поддержало Военное министерство. На местах некоторые военачальники были склонны к немедленным действиям. Черняев прислал в Петербург новую докладную записку «о соединении границ Оренбурга и Сибири», где указывал на общегосударственное значение этой проблемы и на расхождения во мнениях генерал-губернаторов, которые никак не могут договориться между собой. Если правительство возьмет на себя инициативу, то придет конец «переговорам и совещаниям, бесплодно продолжающимся 15 лет»{436}.

Значительно дальше Черняева шел его коллега по службе в Оренбургском корпусе капитан Мейер. Он отрицал экономическую и политическую целесообразность установления границы по северному склону Каратауских

гор и считал, что русские войска могут легко занять и город Туркестан, и, главное, важный торговый центр Ташкент. Мейер именовал установление границы по хребту Каратау «самой опасной и вредной полумерой, которую могло придумать русское правительство»{437}.

То же самое предлагал и оренбургский генерал-губернатор Безак. Он считал, что намеченная пограничная черта Сузак — Чолак-Курган — Аулие-Ата будет лишь промежуточной позицией, заняв которую нужно сразу же начать подготовку к дальнейшему продвижению на юг. Безак намечал в качестве следующей задачи овладение городом Туркестаном и создание пограничной линии по р. Арыси.

Мнение оренбургского генерал-губернатора было одобрено военным министром, предложившим немедленно овладеть Сузаком, Чолак-Курганом и Аулие-Атой, «имея в виду» дальнейшее передвижение войск, чтобы занять города Туркестан и Чимкент{438}.

Горчаков, который из дипломатических соображений обычно с большой осторожностью подходил к проектам активных наступательных действий в Средней Азии, теперь признал целесообразным, сосредоточить все усилия правительства на осуществлении давно задуманных планов{439}.

Военный министр направил командиру Сибирского корпуса специальное послание. После обширного исторического [162] экскурса, в котором Милютин указывал, что еще при Николае I было признано делом первостепенной важности установление оплошной границы от р. Чу до Сыр-Дарьи, он отмечал, что министерства иностранных дел и военное пришли к твердому выводу о необходимости воспользоваться благоприятными результатами экспедиций 1863 г., внутренними раздорами в Коканде, войной этого ханства с Бухарой и с весны 1864 г. «соединить линии»{440}.

Из Средней Азии тем временем приходили сообщения о новых попытках Англии укрепить и расширить свои торгово-политические позиции в Коканде и Бухаре, о прибытии туда английских агентов{441}. В Коканде, в частности, побывали английские агенты Абдул Маджид и Мулла (условная кличка), присланные туда для переговоров с ханом{442}. Особенное беспокойство вызвали у царских сановников известия, что англичане продолжают стремиться к освоению водных путей в Среднюю Азию и уделяют много внимания захвату торговых рынков стран Востока, в том числе соседних с Россией{443}.

Эти известия были вполне достоверны. В самом начале 1863 г. губернатор Пенджаба Р. Монтгомери представил вице-королю Индии лорду Элгину объемистый доклад; своего секретаря Девиса «Торговля и ресурсы стран на северо-западной границе Британской Индии». В докладе подчеркивалось, что близость британских владений к основным торговым пунктам Средней Азии и Западного Китая благоприятствует быстрой и легкой доставке английских товаров на местные рынки. Этому способствует также развитие железнодорожной сети Индии и пароходного движения по рекам Пенджаба. В дальнейшем условия доставки британских изделий, по мнению Монтгомери, должны будут еще более улучшиться в связи со строительством железнодорожной линии от Амритсара в Пешавар, Мултан и к р. Инд, а также прямого пути из Калькутты на север Индии.

Монтгомери предлагал проводить в Пешаваре ежегодную ярмарку, добиться допуска китайским правительством английского торгового агента в Яркенд (Западный Китай), продолжать совершенствовать пути сообщения, уменьшить пошлины на привозимые в Индию товары. Он сообщал, что ведет переговоры с махараджей Кашмира о снижении таможенного [163] обложения изделий, которые доставляются в эту страну и за ее пределы из английских владений в Индии{444}.

Эти и аналогичные экспансионистские планы колониальных властей, служившие интересам английской торгово-промышленной буржуазии, как правило, находили

полную поддержку правительства Британской империи и претворялись в жизнь. В Англии из них не делали секрета. Доклад Монтгомери был отпечатан типографским способом. Один его экземпляр военный агент России в Лондоне полковник Новицкий переслал в Петербург{445}.

Британские замыслы на Среднем Востоке послужили дополнительным толчком, ускорившим осуществление планов царизма в Средней Азии. Стремясь ликвидировать возможность каких-либо отсрочек и отговорок со стороны отдельных ведомств и официальных лиц, а также закрепить принятое решение в документе общегосударственного значения, Милютин подготовил доклад о действиях в Средней Азии. В нем было предусмотрено, что с весны 1864 г. войска Оренбургского корпуса окончательно займут Сузак, а отряды Сибирского корпуса овладеют городом Аулие-Атой, и, таким образом, будет создана сплошная пограничная линия по хребту Каратау. Далее указывалось, что впоследствии эта граница должна быть перенесена на р. Арысь со включением Чимкента в состав Российской империи.

20 декабря 1863 г. этот доклад был утвержден царем и стал программой действий в Средней Азии.

Практическое осуществление этой программы возлагалось на оренбургского и западносибирского генерал-губернаторов{446}.

Царский указ от 20 декабря 1863 г. знаменовал собой начало нового этапа внешней политики России в Средней Азии. К концу 1863 г. фактически была завершена стадия разведывательных экспедиций, дипломатических переговоров, случайных, изолированных и разрозненных военных походов против того или иного города, той или иной крепости.

В 1864 г. началось широкое наступление царских войск в глубь Средней Азии. К 1864 г. ближайшей целью военных походов было занятие линии Сузак — Аулие-Ата, а конечной и важнейшей целью — включение в состав России Чимкента и Туркестана, заключение выгодных договоров с правителями среднеазиатских ханств и укрепление а этих ханствах влияния России. [164]

### Создание Новококандской линии

В первые месяцы 1864 г. царское правительство вело всестороннюю подготовку к походу на Сузак и Аулие-Ату. Готовилось к борьбе и Кокандское ханство. Длительные и кровопролитные междоусобицы к этому времени завершились здесь победой, хотя и кратковременной, так называемой «кипчакской группировки», феодальной верхушки одной из среднеазиатских народностей.

Фактическим руководителем Кокандского ханства стал мулла Алимкул, принявший энергичные меры для укрепления военного и финансового положения Коканда. По его указанию, правитель Ташкента парваначи Нур-Мухаммед посетил Сузак, Чолак-Куртан и Аулие-Ату, чтобы ознакомиться с их укреплениями и собрать дань с кочевавших в окрестностях этих городов казахских родов{447}. Сменивший впоследствии Нур-Мухаммеда парваначи Койчи также побывал в Аулие-Ате с целью поднять против России казахские племена За-чуйской долины{448}.

Особую активность проявил правитель города Туркестана Мирза Давлет. Он собрал двухтысячный военный отряд, имевший 10 пушек, ввел в подвластном ему округе повышенные налоги и напал на соседних кочевников, в том числе и на казахов — русских подданных. Насилия, чинившиеся Мирзой Давлетом над населением Туркестанского округа, вызывали здесь резкое недовольство{449}.

Отмечая вред деятельности Мирзы Давлета для русской торговли в Средней Азии и опасность нападения его солдат на коммуникационные линии русских войск между фортом Перовским и Сузаком, начальник Сыр-Дарьинской линии полковник Веревкин поставил перед

Безаком вопрос о нанесении удара по Туркестану после занятия Сузака{450}.

Положение в Туркестане давало оренбургским властям надежду на легкое овладение этим городом.

Реакция на это предложение в Петербурге была очень характерной: формально предложение о занятии Туркестана было отвергнуто, но вместе с тем оренбургским властям была предоставлена полная возможность обойти этот запрет. Так, Безак получил указание не изменять намеченный на 1864 г. [165] план и добиваться главной цели: установления связи между линиями. Но... поход на Туркестан санкционировался при условии, если «представится несомненный и легкий случай занять его постоянным гарнизоном. Одна демонстрация более вредна, чем полезна»{451}.

Это решение было полностью согласовано с директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел Игнатьевым, который заявил, что «Туркестан занять можно и даже должно, если город не в состоянии выдержать ускоренной атаки, если притом готов отворить ворота, свергнуть с себя кокандское иго и принять добровольно войска наши, если, таким образом, Оренбургский отряд не будет почти задержан при движении его на соединение с Сибирским»{452}.

В мае 1864 г. подготовка к походу на кокандские укрепления была в основном закончена, и командующий Сыр-Дарьинской линией полковник Вёревкин повел отряд (около 1500 человек) на Туркестан. Со стороны Западной Сибири к Аулие-Ате выступил Зачуйский отряд (2500 человек при 22 орудиях). Его начальником, по рекомендации Милютина, Дюгамель назначил полковника Черняева, специально прибывшего для этого из Петербурга. Черняева сопровождал штаб-ротмистр Ч. Ч. Валиханов{453}.

Заняв без боя укрепление Мерке, Черняев 4 июня 1864 г. после двухчасовой стычки овладел крепостью Аулие-Ата. Как доносил Черняев, комендант крепости «с 400 конными бежал из цитадели... Пешие сарбазы, бросив оружие, смешались с жителями»{454}. Потери кокандского гарнизона — несколько сот убитых и раненых, царских войск — 5 раненых.

Почти в это же время, 9 июня 1864 г., отряд Веревкина подошел к г. Туркестану, но встретил сильный отпор кокандцев и был вынужден начать осаду. 12 июня 1864 г., отбив многочисленные вылазки противника и потеряв 5 человек убитыми и 33 ранеными, царские войска фактически захватили город. Бек Туркестана Мирза Давлет вместе с 300 сарбазами отступил по ташкентской дороге, остальной гарнизон разбежался{455}.

После бегства Мирзы Давлета жители Туркестана прислали в русский лагерь депутацию, заявившую о сдаче города и крепости. Купцы и духовенство Туркестана, считавшегося одним из священных городов ислама, подали Веревкину петицию, в которой, ссылаясь на притеснения кокандских [166] властей и бека Мирзы Давлета, просили сохранить «все права и привилегии, какие только существовали у нас прежде», — шариатский суд, движимую и недвижимую собственность; освободить от всех налоговых обложений и рекрутской повинности; особый пункт содержал просьбу о сохранении за духовенством мечети Хазрета-Али всей принадлежавшей ему собственности{456}.

Веревкин указывал на злоупотребления Мирзы Давлета при сборе податей, «чрез что, равно чрез задержку в торговле и промыслах, действительно, многие из жителей разорились и бедны. Система взимания налогов была такова, что сама по себе давала повод к злоупотреблениям»{457}. Он считал целесообразным освободить население Туркестана на 3–4 года от налогов, кроме торговых пошлин и кибиточного обложения кочевников. Это предложение было поддержано Безаком и принято правительством.

Успешные действия царских войск в Средней Азии вызвали живой отклик в Петербурге. Черняеву и Веревкину

присвоили чин генерал-майора, а всем офицерам было объявлено «высочайшее благоволение». Начальникам отрядов было предложено представить списки наиболее отличившихся. Большое число офицеров получило различные ордена.

Осуществляя старое стремление к «соединению линий», царское правительство приняло решение о создании новой передовой линии из всех укреплений от р. Чу до крепости Яны-Курган на Сыр-Дарье. Начальником этой линии, названной Новококандской, был назначен Черняев{458}. Упоенный легкими и быстрыми победами, Черняев немедленно начал планировать дальнейшее продвижение в глубь Средней Азии и 7 июля 1864 г. выступил из Аулие-Аты на Чимкент. В этом городе сосредоточивались кокандские войска, которые должны были отбить Туркестан и Аулие-Ату. Для руководства военными действиями в Чимкент прибыл сам правитель Кокандского ханства Алимкул, вступивший в предварительные переговоры с представителем Черняева Н. А. Северцовым. Алимкул требовал прекратить наступление и вывести царские войска из занятых ими пунктов. Черняев, имевший для переговоров с Кокандом специальные инструкции Петербурга, заявил, что не правомочен решать этот вопрос, находящийся всецело в компетенции центрального правительства, и обусловил прием царским правительством кокандских послов согласием хана со всеми предложениями Черняева. Естественно, [167] что на этой основе переговоры не могли вестись, чего, собственно, и добивалось царское правительство.

Попытка Черняева овладеть Чимкентом окончилась полной неудачей. Встретив упорное сопротивление, Черняев был вынужден в конце июня снять осаду. В донесениях Дюгамелю он называл свой поход «рекогносцировкой Чимкента»{459} и заявлял, что намерен через некоторый срок занять этот город.

Тем временем в самом Чимкенте развернулась борьба между приверженцами кокандской ориентации и сторонниками укрепления экономических и политических связей с Россией. В результате этой борьбы «кипчаковская партия взяла верх, зарезав шесть главнейших представителей сартовской партии, желавших мира с русскими»{460}.

«Кипчакская партия», поддерживавшая военно-феодальные круги Кокандского ханства, стремилась к сохранению за ними возможности монопольной эксплуатации народных масс ханства, а потому была наиболее решительным противником подчинения ханства России.

«Сартовская партия» отражала интересы торгово-ремесленных кругов, получавших большую выгоду от торговли с Россией и непосредственно заинтересованных в ослаблении феодального произвола и прекращении межплеменных раздоров и войн.

После получения известий о предпринятом бухарским эмиром наступлении на Ферганскую долину мулла Алимкул с большей частью войск направился в Ташкент. В Чимкенте остался крупный гарнизон под начальством парваначи Нур-Мухаммеда{461}.

Воспользовавшись благоприятной обстановкой и не согласовывая вопроса ни с Петербургом, ни даже с Омском, Черняев 3 сентября 1864 г. приказал подполковнику Лерхе, возглавлявшему войска в Зачуйском крае, двинуться из Аулие-Аты на Чимкент. Одновременно с этим из Туркестана выступил другой отряд, которым командовал сам Черняев. 21 сентября Чимкент был взят штурмом (потери царских войск составили 6 убитых и 41 раненый). 25 сентября Черняев сообщил Дюгамелю о захвате города. [168]

Еще 20 сентября, когда участь Чимкента была фактически решена, Черняев отправил Полторацкому в Главный штаб письмо полуофициального характера, в котором оправдывал свой военный лоход, не предусмотренный высшими властями, тем, что «овладение

Чимкентом до наступления зимы не только полезно, но даже необходимо для спокойствия края»: его захват, подчеркивал он, нанесет «решительный удар Коканду, и все Ташкентское ханство поступит в наше распоряжение»{462}.

Черняев особо отмечал значительное улучшение качества кокандской артиллерии, скорость и меткость ее стрельбы и; применение «настильно-рикошетно-разрывных снарядов большого калибра». Он сообщал о прибытии в Ташкент «европейца, пользующегося почетом и заведующего отливкой орудий».

В другом письме Черняев указывал на опасность недооценки сил Кокандского ханства: «...У них руководители не хуже наших, артиллерия гораздо лучше, доказательством: чего служат нарезные орудия, пехота вооружена штыками, а средств гораздо больше, чем у нас. Если мы их теперь не доконаем, то через несколько лет будет второй Кавказ»{463}..

Этими доводами начальник Новококандской линии хотел убедить Военное министерство в необходимости безотлагательного дальнейшего наступления на кокандцев. Однако Милютин, ознакомившись с письмом Черняева, выразил серьезное беспокойство по поводу намерений последнего «не только овладеть Чимкентом, но и удержать его за собой. Такое распространение наших границ никогда не входило в наши планы; оно чрезвычайно растягивает нашу линию и требует значительного увеличения сил»{464}.

Опасаясь, что недостаточная подготовка царских войск в Средней Азии приведет к крупному поражению, Милютин по телеграфу предложил Дюгамелю приказать Черняеву, «чтобы отнюдь не увлекался далее того, что было предположено»{465}.

На попытки Полторацкого, поддерживавшего все действия Черняева, убедить Милютина в том, что овладение Чимкентом «довершит первоначальное предположение устроить пограничную черту» по р. Арыси, военный министр возразил: «Хорошо, но кто поручится, что за Чимкентом Черняев [169] непризнает необходимым взять Ташкент, а там — Коканд, и конца этому не будет»{466}.

В связи с такой позицией военного министра Полторацкий настоятельно советовал Черняеву: «Не идите далее, ограничьтесь линией Арыси!».

Однако Черняев и его ближайшие сотрудники уже подготавливали почву для наступления на Ташкент. Тот же Полторацкий передал Н. П. Игнатьеву полуофициальное письмо Н. А. Северцова. Ссылаясь на мнение начальника Новококандской линии, Северцов заявлял о необходимости продвинуть эту линию на Сыр-Дарью — вплоть до ее истоков или «восстановить бывшее Ташкентское ханство, с которым и самая запутанная граница на восток от истоков Арыси не опасна, ибо это ханство... без союза с нами и держаться не может. Да и Коканд тогда будет достаточно слаб, чтобы жить мирно»{467}.

Черняев не дожидался ответа из столицы на свои письма: уже 27 сентября 1864 г. он двинулся на Ташкент. Начальник артиллерии Новококандской линии И. Качалов считал этот поступок авантюристическим: «самая безумнейшая мысль — с отрядом в 1000 человек овладеть Ташкентом, городом со 100 тыс. жителей и раскинутым на 50 верст в окружности».

Качалов пытался помешать этим действиям, но на вопрос о целях похода Черняев ответил успокоительно: «Мы подойдем к Ташкенту, жители вышлют посольство, это посольство я тотчас отправлю в Петербург и, простояв день-два под Ташкентом, возвращусь назад, затем буду ожидать распоряжения, как поступить с Ташкентом»{468}.

То же самое Черняев сообщил военному министру (по обыкновению, лишь через две недели после окончания нового похода). В своем донесении он подчеркивал, что не собирался занять Ташкент. Постоянно получая сведения, что в городе «население мирное, промышленное, живущее преимущественно торговлей с Россией, и сильно тяготится настоящими военными действиями, во всем обвиняет господствующих в Коканде кипчаков, желает мира, а

большинство жителей — и русского подданства», — докладывал Черняев, — он решил воспользоваться моральным воздействием поражения кокандских войск под Чимкентом, чтобы изгнать их и из Ташкента, а затем, «если жители выскажутся в нашу пользу, то отправить от них депутацию в Петербург и пока предоставить им [170] собственное городское управление, наблюдая за устранением всякого постороннего влияния, вплоть до дальнейших распоряжений правительства»{469}.

Черняев выступил из Чимкента на крупнейший город Средней Азии во главе отряда в 1550 чел. при 12 орудиях. Расчеты начальника Новококандокой линии не оправдались. Ташкент оказался хорошо укрепленным городом, с большим гарнизоном кокандских сарбазов. Попытки связаться со сторонниками «русского подданства» не увенчались успехом: посланные в город 4 человека, ранее торговавшие с ташкентскими купцами, были перехвачены кокандским разъездом и вернулись ни с чем.

Все же после осмотра оборонительных сооружений Ташкента и небольшой перестрелки Черняев решил предпринять штурм. В крепостной стене была пробита брешь, через которую в город должны были ворваться солдаты. Однако кокандские войска успели завалить брешь и разобрать мост через крепостной ров. Штурм был отбит. Черняев, не желая ухудшать свое и без того рискованное положение, решил отступить к Чимкенту. Как и прежде, его поразили успехи ко-кандской артиллерии, сравнявшейся с русской по быстроте и меткости стрельбы и превосходившей по дальности огня{470}. Потери царских войск в результате борьбы у стен Ташкента составляли 16 убитых и 42 раненых.

После возвращения в Чимкент Черняев, называя пункты, необходимые для закрепления занятой территории, упоминал Чимкент, Аулие-Ату, Туркестан, Токмак, Мерке, Чолак-Курган, а также район устья р. Арыси, но уже не говорил о Ташкенте{471}.

Поражение под этим городом вызвало среди царских властей различную реакцию. Дюгамель характеризовал его как «несчастное дело, которое все испортило и произведет весьма невыгодное впечатление в Петербурге». Он писал начальнику Новококандской линии, что даже рекогносцировка Ташкента была излишней и ненужной: «Успехи наши в настоящей кампании были так велики, что незачем нам было гнаться за новыми лаврами, и благоразумие требовало только прочно укрепиться в занятых нами позициях». [171]

«Превращение» же рекогносцировки в штурм города Дюгамель находил «совершенно непонятным и ни с чем не сообразным» делом, подчеркивая, что овладение Ташкентом не входило в планы правительства ни в ближайшее время, ни в будущем{472}.

В столице несколько по-иному реагировали на неудачу ташкентского похода. Докладывая Александру II соответствующий рапорт Черняева, Милютин акцентировал внимание на мерах по укреплению Новококандской линии. Царь лишь выразил сожаление по поводу того, что Черняев «решился на ненужный штурм, стоивший нам столько людей»{473}.

Полторацкий слал из Петербурга успокоительные письма, сообщая, что ташкентское «дело» не произвело «особенно дурного впечатления». Интересная деталь: когда Полторацкий, стремясь выгородить своего друга, пытался заверить военного министра, что Черняев не ставил перед собой цели овладеть Ташкентом, Милютин в недоумении воскликнул: «Зачем же иначе было ходить туда?»{474}.

Это замечание Милютина — ключ к пониманию многих вопросов, всплывающих при анализе действий России в Средней Азии в 1864 г. Внешняя сторона событий свидегельствует о важной роли, сыгранной Черняевым в завоевательных операциях этого периода.

Поэтому необходимо остановиться на некоторых мотивах поступков Черняева и на отношении царского правительства к ним.

Успешные действия в Средней Азии, не требовавшие особых расходов, не отвлекавшие крупных военных сил, вполне устраивали правительство Российской империи. «Чтобы самодержавно властвовать внутри страны, царизм во внешних сношениях должен был не только быть непобедимым, но и непрерывно одерживать победы, он должен был уметь вознаграждать безусловную покорность своих подданных шовинистическим угаром побед, все новыми и новыми завоеваниями», — указывал Ф. Энгельс{475}.

Именно поэтому некоторое «превышение полномочий», допускавшееся Черняевым, т. е. открытые агрессивные действия, отнюдь не вызывали возражений в Петербурге — лишь бы не было серьезных поражений. При малочисленности русских войск в Средней Азии любое поражение могло [172] поставить их на грань катастрофы, а любая победа над численно превосходящими силами противника повышала престиж Российской империи. Это вызывало неоднократные предостережения правительства местным властям и предложения «не зарываться».

Пока успешно развивалось присоединение к Российской империи обширной территории, мелкие, частные и временные неудачи не вызывали особого беспокойства.

С военной точки зрения первые же стычки с кокандскими отрядами показали несомненное организационное и техническое превосходство царских войск (отмеченные успехи в развитии кокандской артиллерии не имели, конечно, сколько-нибудь решающего значения). Несмотря на малочисленность, русских отрядов им удавалось побеждать значительно превосходящие силы Кокандского ханства. Несколько «исключений», когда царские войска были вынуждены отступить (первые попытки взять Чимкент и Ташкент, «мейеровское дело» и столкновение сотни есаула Серова под селением Иканом с сарбазами Алимкула в конце 1864 г.), лишь оттеняют общие результаты: победу вооруженных сил Российской империи над войсками Кокандского ханства на обширной территории Южного Казахстана.

В обстановке военных действий, но без особой опасности для жизни (потери, как уже отмечалось, в подавляющем большинстве случаев были крайне незначительны) военнослужилое дворянство могло легко получать воинские отличия и чины.

Вот несколько примеров. За рекогносцировку верховьев Сыр-Дарьи (речь шла, конечно, не о верховьях, а о среднем течении реки) и окрестностей г. Туркестана, как формулировалось в царском указе, Черняев в мае 1864 г. был награжден орденом св. Владимира 3-й степени, за овладение Аулие-Атой он был произведен в чин генерал-майора, за занятие Чимкента получил орден св. Георгия 3-й степени, а «за все вообще распоряжения и действия после взятия Аулие-Аты» — орден св. Станислава 1-й степени. Иными словами, за полугодие Черняев получил повышение в чине и три ордена.

Его сподвижник подполковник Лерхе в феврале 1864 г. за рекогносцировку долины р. Чу был награжден орденом св. Владимира 4-й степени, а затем за участие в различных военных операциях получил чин полковника и ордена св. Станислава 2-й степени и св. Георгия 4-й степени.

Посланный Черняевым с донесением в Петербург о взятии Чимкента поручик Туманов (получивший за захват Аулие-Аты орден св. Анны 3-й степени) был награжден орденом св. Владимира 4-й степени. Его принимали царь, [173]

военный министр, начальник Главного штаба и вся петербургская знать. Вскоре Черняев получил восторженное письмо Туманова из столицы, в котором он сообщал, что «у всех на устах молодецкое дело» — занятие Чимкента, что награды посыплются на туркестанские войска, как из рога изобилия, и т. п. Еще не зная о неудаче Черняева под Ташкентом, Туманов выражал пожелание, чтобы имя Черняева «с присоединением Ташкента было навсегда связано с этим городом»{476}.

На время военных походов и рекогносцировок всем офицерам выдавались подъемные деньги и дополнительные рационы. Солдаты получали «жалование по усиленным окладам» и другие льготы, а при взятии той или иной крепости им выдавалось по 1 руб. серебром на человека.

Естественно, что все это вызывало определенный ажиотаж в войсках, особенно если учесть незначительность потерь и сравнительную слабость противника.

Вокруг армии кормилось множество подрядчиков, обкрадывавших казну и войска. В периоды военных действий число этих влиятельных лиц, зачастую тесно связанных с административными кругами, резко возрастало. «Движение вперед, в глубь Азии и колонизация Семиречья, проведение туда дороги и устройство путей сообщения с возникавшими поселениями вызывали многочисленные поставки и подряды, производимые Главным управлением (Западной Сибири. — Н. X.), и давали богатую добычу членам его», — писал о «частном проявлении» таких тенденций П. П. Семенов{477}, посетивший еще в 50-х годах XIX в. центр Западносибирского генерал-губернаторства — Омск.

Было бы вместе с тем неправильно видеть в событиях, развернувшихся в 1864 г. в Средней Азии, исключительно военную сторону — стремление группы военных к легкой славе и наживе. Куда бы ни «зашел» с войсками Черняев, царские власти вполне могли вернуть его, хотя они и много говорили о политическом престиже, «не позволявшем» покидать захваченные земли.

Всестороннюю оценку истинного положения дел дает военный министр Д. А. Милютин. В своих мемуарах «Мои старческие воспоминания за 1816–1873 гг.» он останавливается на так называемых своевольных действиях царских полковников и генералов в Средней Азии.

Ссылаясь на то, что Черняев переписывался с директором Азиатского департамента Н. П. Игнатьевым, Милютин делал логический вывод, что начальник Новококандской линии «не [174] мог быть в полной неизвестности о видах правительства, т. е. Министерства иностранных дел, которое постоянно противилось всякому движению нашему вперед в Средней Азии. Впоследствии положительно выказалось, что Черняев не хотел знать видов правительства и действовал на свою голову, вопреки получаемым самым категорическим предписаниям своего начальства. Мне случалось слышать упреки, почему подобные самовольные действия местных второстепенных начальников проходят безнаказанно? В особенности Министерство иностранных дел сетовало на то, что не только такие начальники, не подвергаются ответственности, но еще награждаются и прославляются. Признавая в этих упреках некоторую долю основательности, я был, однако, убежден в необходимости большой осторожности в подобных случаях. Требуя от местных начальников соблюдения по возможности даваемых им инструкций и указаний, я вместе с тем находил вредным лишать их вовсе собственной инициативы.

Страх ответственности за всякое уклонение от инструкций: может убивать энергию и предприимчивость. Бывают случаи, когда начальник должен брать на свою собственную ответственность предприятие, которое в заранее составленной программе не могло быть предусмотрено. Дело в том, конечно, чтобы подобные отступления от программы в частностях непротиворечили общей цели и действительно оправдывались необходимостью»{478}.

Эта «необходимость» раскрывает подлинный смысл действий царизма в Средней Азии — получение экономических и политических выгод от освоения занятых районов. Это стало насущной политической необходимостью еще и потому, что давало возможность ограничить активность своих соперников — британских экспансионистов. Речь шла уже не только о торговой конкуренции. Разведывательные операции английской

агентуры, посещения среднеазиатских ханств различными афганскими, турецкими и иными миссиями, а также представителями британских властей в Индии, наконец, попытка прямого нажима на Бухарское ханство — все это внушало правящим кругам России серьезные опасения за свои позиции в Средней Азии.

Но основную роль играл внутриэкономический фактор: тенденция русского капитализма к расширению на другие территории.

Экономическое изучение и освоение районов Южного Казахстана начиналось немедленно вслед за их присоединением, а подчас проводилось и в период военных действий. Пока, [175] например, Веревкин и Черняев захватывали Аулие-Ату и Туркестан, отряд поручика Абрамова (в его составе находился горный инженер Фрезе) был отправлен для поисков месторождений полезных ископаемых, о существовании которых в этом районе царским властям было известно раньше. Абрамов нашел заброшенные свинцовые рудники и каменноугольные залежи{479} и провел топографическую съемку местности. При рекогносцировке Черняевым Каратауских гор в 1863 г. также проводилось изучение находившихся здесь месторождений каменного угля{480}.

По мере продвижения русских войск в глубь Средней Азии царское правительство поставило вопрос об использовании среднеазиатских земель для создания русских поселений. Так, еще не успели отряды Черняева «водвориться» на занятой ими территории, как между Петербургом и Омском началась переписка по этому вопросу. Военный министр поддержал мнение Дюгамеля о целесообразности создания русских поселений в «Зачуйском крае» и на границах с Западным Китаем, указав, что наиболее подходят для переселения казаки Сибирской линии или Оренбургского каачьего войска{481}.

Предполагалось, что казачьи поселения станут базой для дальнейшего наступления в глубь Средней Азии.

Правящие круги России не желали учитывать специфику обстановки в Средней Азии и прежде всего высокую плотность населения в районах, пригодных для земледелия. В связи с этим местные власти опасались, что создание здесь русских поселений лишь уменьшит доходы от завоеванных территорий. В ответ на запрос западносибирского генерал-губернатора Черняев заявил, что все территории в Зачуйском крае, на которых возможно земледелие, уже заняты и обрабатываются местными жителями. Конфискация этих земель для создания русских поселений вызовет всеобщее недовольство «без пользы для обороны края и особенно для его производительности, которую земледельцы, не освоившиеся с местными условиями,... могут скорее уменьшить, чем усилить».

В то же время Черняев признавал целесообразным переселение семейных солдат, желающих остаться в городах Средней Азии, а также торговцев и ремесленников. Он считал необходимым приобретать для них на казенный счет землю под дома и огороды, предоставлять торговые и податные льготы и освобождать на 20 лет от рекрутской повинности. [176]

В заключение начальник Новококандской линии снова подчеркивал, что приобретение поселенцами земельной собственности может быть допущено лишь на общих основаниях «посредством покупки у местных жителей, по взаимным условиям»{482}.

Однако позиция Черняева, главного административного лица в Средней Азии, могла только на какой-то срок задержать активную колонизацию Туркестана. Царскому правительству нужны были земли Средней Азии в качестве переселенческого фонда, и через некоторое время этот вопрос снова был поставлен на повестку дня.

Все изложенное свидетельствовало о подготовке царизма к широкой экономической эксплуатации завоеванных территорий.

Министерство иностранных дел вскоре разработало и согласовало с Военным министерством важные документы, определившие внешнюю политику России в Средней Азии. Это были четыре «записки» о различных аспектах политики, ее исторических корнях, географических данных Туркестана, различных проектах «соединения линий», а также намеченных действий. Все эти материалы 31 октября 1864 г. были представлены Горчаковым царю в виде доклада и утверждены Александром II. Фактически это была общая политическая программа царизма в Средней Азии.

Министерство иностранных дел отмечало нежелание якобы правительства «распространять завоеваниями свои пределы», но вместе с тем указывало, что Российская империя «под влиянием настоятельных требований нашей торговли и какого-то таинственного, но непреодолимого тяготения к Востоку, постоянно подвигалась.в глубь степи». Ссылаясь на захватнические действия европейцев в Азии, Африке, Америке, дипломатическое ведомство старалось подвести морально-политическую базу и под продвижение царских войск в глубь Туркестана, обосновывая его колонизаторским доводом, что «сильному государству невозможно не увлекаться на путь поглощения слабых». Первоначально намеченная линия границы от Сыр-Дарьи через Сузак, Чолак-Курган по Каратаускому хребту к Аулие-Ате и Верному была отвергнута, так как, проходя по пустынной территории, она вызвала бы дополнительные расходы на содержание войск и принудила бы оставить занятые уже Туркестан и Чимкент («что произвело бы невыгодное впечатление»); не менее важным доводом послужило то, что эта граница «не дозволяла бы прочной колонизации, необходимой [177] для устройства благоденствия края» (удобная для заселения территория была бы очень незначительна), а кроме того, «торговые пути для прямых сношений с Кокандом и Кашгаром не имели бы достаточного основания». Эвакуация уже занятых Чимкента и Туркестана для перехода на указанную выше линию не принесла бы и существенных внешнеполитических результатов. Как признавало Министерство иностранных дел, это не «успокоило бы Европу»: царское правительство не могло «еще иметь возможности с твердостью и откровенностью ни объяснить наших прежних действий, ни заявить о непоколебимом решении не двигаться вперед».

Составители доклада признавали необходимым закрепить за Россией Чимкент (стратегически важный город, который в руках Кокандского ханства мог стать «источником тревог и неудобств для нашей новой линии») и район оз. Иссык-Куль. Наряду с этим категорически отвергалась целесообразность овладения Ташкентом, ибо это неминуемо вовлекло бы Российскую империю во все среднеазиатские «смуты» и «не положило бы предела нашему движению в глубь Средней Азии», а, наоборот, привело бы к «движению на Коканд, потом на Бухару и, наконец, далее». Занятие Ташкента привело бы и к другим нежелательным последствиям, которые превосходят выгодные стороны этой аннексии: колонизация проводилась бы с большими трудностями, чем в землях с кочевым населением; урегулирование отношений с Кокандом и Бухарой стало бы невозможным, «и потребовались бы уже не наезды, а ведение постоянной разорительной войны», которая надолго «помешала бы торговле извлечь ожидаемые выгоды из занятого края». Наконец, для безопасности Ташкента «потребовалось бы покорение всех кокандских городов и укреплений, находящихся в горной стране между р. Чу и Нарыном», что вызвало бы огромные финансовые расходы «и доставило бы нам страну, весьма малоспособную к заселению и представляющую множество затруднений к удержанию в зависимости»{483}.

В докладе министерство испрашивало санкцию царя на установление новой государственной границы. Эта санкция была дана: на этом этапе царское цравительство

не было намерено ни оставлять Чимкент, занятый, так сказать, сверх программы, ни наступать на Ташкент.

На основании доклада от 31 октября 1864 г. военный министр и министр иностранных дел подготовили конкретный [178] план действий в Средней Азии (20 ноября 1864 г.), который был утвержден царем.

Горчаков и Милютин считали, что успешные военные действия 1864 г. дали возможность не только сомкнуть Сибирскую и Сыр-Дарьинскую линии, но и осуществить мероприятие, «которое имелось в виду исполнить лишь впоследствии», а именно: занять всю Туркестанскую область и создать передовую линию от Верного до Аулие-Аты, по южную сторону Каратауского хребта, через Чимкент на Туркестан.

Оба министра заявляли, что овладение средней и нижней частью Сыр-Дарьи неминуемо приведет к утверждению господства Российской империи и на верховьях этой реки, т. е. к занятию всего Кокандского ханства. Они отмечали, что Бухара и Хива не представляют опасности для России (Хива слаба экономически и военно-политически, Бухара во многом зависит от развития тесных торговых отношений с Россией), но Коканд — «беспокойный сосед»: в ханстве нет политической стабильности, а кокандские войска непрерывно нападают на кочевников, принявших русское подданство.

Вместе с тем Горчаков и Милютин заявляли, что дальнейшее продвижение России в Среднюю Азию «не будет согласно ни с видами правительства, ни с интересами государства»: оно приведет к увеличению протяженности границ, что потребует «усиления военных средств и расходов», а это в свою очередь будет способствовать ослаблению, а не укреплению страны. Они приходили к твердому выводу, что «выгоднее остановиться на границах оседлого населения Средней Азии, нежели включить это население в число подданных империи, принимая на себя новые заботы об устройстве их быта и ограждении их безопасности».

Это положение определяло и задачи политики. Основное внимание должно быть уделено внутреннему устройству занятых земель и удешевлению содержания в них войск. Намечалась политика невмешательства во внутренние дела среднеазиатских ханств и в развитие торговли с ними. В то же время царские власти рассчитывали «ограждать в самих ханствах интересы и безопасность наших подданных, развить нашу азиатскую торговлю и открыть новые рынки для сбыта русских произведений». Горчаков и Милютин подчеркивали в заключение, что Россия должна решительно отказаться от дальнейшего наступления в Средней Азии, но обеспечить вместе с тем установление дружественных отношений с Кокандским ханством, и особенно с Ташкентом{484}. [179]

Подготавливая этот документ для «внутреннего употребления», царские сановники подчеркивали необходимость отказаться от дальнейшего наступления в Средней Азии. Однако содержащиеся здесь же утверждения о «неминуемости» захвата всего Кокандского ханства сводят на нет слова о нецелесообразности «распространения владений империи».

Разработанные положения легли в основу специальной циркулярной ноты по вопросам среднеазиатской политики, разосланной Горчаковым иностранным государствам 21 ноября 1864 г. Министр иностранных дел ссылался в ней на действия «Соединенных Штатов в Америке, Франции в Африке, Голландии в ее колониях, Англии в Ост-Индии» и заявлял, что цели Российской империи заключаются «в обеспечении безопасности» Средней Азии, развитии в ней «общественного устройства, торговли, благосостояния и цивилизации». Именно это, говорилось в ноте, привело к соединению Оренбургской и Сибирской линий в плодородной местности, чтобы «не только обеспечить ее продовольствием, но и облегчить правильное ее заселение».

Циркулярная нота оканчивалась утверждением, что военно-административный центр занятых земель Чимкент

является крайним пределом продвижения русских войск{485}.

«Внешнеполитическое оформление» действий России в Средней Азии свидетельствовало о желании царского правительства «успокоить» другие государства и в первую очередь Англию, которая в это время вела широкую, пропагандистскую кампанию против России, стремясь отвлечь внимание от своих собственных активных захватнических действий в различных районах Востока.

Все эти документы убедительно показали, что царское правительство определило лишь общую линию политики, общую ее цель — утверждение господства России в Средней Азии. Что же касается конкретных планов действий, то они не были, разработаны.

То же самое можно сказать и о политике России в отношении Западного Китая и на восточном побережье Каспийского моря.

* * *

Торговые связи между Россией и Западным Китаем, на которые царское правительство возлагало большие надежды, развивались очень медленно. Это было вызвано общей обстановкой, сложившейся в Китае: непрекращавшейся классовой [180] борьбой и восстаниями на окраинах страны; военными Действиями маньчжурского правительства против государства тайпинов; продолжавшейся англо-франко-американской вооруженной интервенцией.

Русско-китайские отношения в Синьцзяне осложнялись тем, что граница между обеими державами не была здесь установлена, что приводило к многочисленным пограничным инцидентам, а порой даже к вооруженным столкновениям. Наиболее значительным из них явилась стычка отряда подполковника Лерхе с маньчжурскими войсками в середине 1863 г. Царское правительство было серьезно обеспокоено этим инцидентом. Министерство иностранных дел предложило генерал-губернатору Западной Сибири безотлагательно принять строжайшие меры для предотвращения пограничных столкновений{486}. Ликвидация конфликтов в пограничном районе была тем более необходима, что в северной части Синьцзяна — в г. Чугучаке — в это время велись переговоры о практической реализации Пекинского трактата, подписанного Россией и Китаем в 1860 г. В переговорах участвовали генеральный консул России в Кульдже И. Захаров и обер-квартирмейстер Сибирского корпуса полковник И. Бабков, а со стороны Китая — улясутайский правитель (цзянь-цзюнь) Лин-и, вице-губернатор (хэбэй-амбань) Чугучака Силинь и чугучакский бригадный командир Болгосу.

25 сентября 1864 г. был заключен Чугучакский договор, определивший границы Китая и России на огромном протяжении от Алтая до Тянь-Шаньекого хребта{487}. В состав России вошли, в частности, озеро Иссык-Куль и бассейн р. Нарын, т. е. верховья Сыр-Дарьи. Как отмечали Захаров и Бабков, договор давал возможность «обезопасить пути в Кашгар»{488}.

Однако русские купцы не смогли воспользоваться полученными льготами. В 1864 г. здесь вспыхнуло новое, самое крупное восстание народных масс против феодального гнета{489}. Как и многие другие крестьянские восстания, оно приняло религиозную окраску и получило название «дунганского восстания»{490}. Повстанцы захватили крупнейшие пункты южной [181] части Синьцзяна: Яркенд и Аксу и осадили Кашгар. Им удалось перерезать пути сообщения из Кульджи в Кашгар и разбить высланные против них правительственные войска{491}. Восставшие овладели г. Турфаном и подчинили весь Кашгар, продолжая осаду одноименного центра этой области{492}.

Как и прежде, выступление народных масс было использовано мусульманской феодально-клерикальной знатью, потомками ходжей, укрывавшимися в Кокандском ханстве. При первых же известиях о восстании в Кашгар

двинулся из Ферганской долины один из ходжей — Бузрук. Используя свод религиозный авторитет среди отсталых народных масс, разжигая чувство религиозной ненависти к «иноверцам» и опираясь на пришедших с ним многочисленных выходцев из Ферганы (в Синьцзяне их называли «анджанлык» — люди из Андижана), Бузрук захватил власть в Кашгаре. Вместе с Бузруком из Коканда прибыл Якуб-бек, который был начальником гарнизона кокандской крепости Ак-Мечеть, а после занятия ее русскими войсками в 1853 г. находился не у дел. В свите Бузрук-ходжи Якуб-бек занимал пост командующего войсками. Предприимчивый и волевой, он постепенно сосредоточил в своих руках власть в Кашгаре.

Осенью 1864 г. восстанием была охвачена и северная часть Синьцзяна — Кульджинская область. Несмотря на упорное сопротивление маньчжурских войск, в начале ноября повстанцы, воспользовавшись поддержкой китайской городской бедноты и ремесленников, овладели Кульджей. «В Западном Китае существует совершенная анархия и положение его совершенно плачевное, — докладывал генерал-губернатору Западной Сибири начальник Алатауского округа и «киргизов Большой орды» генерал-майор Колпаковский. — Китайцы Илийских поселений и солдаты из тайпинов... скорее сочувствуют инсургентам, чем своему правительству, снабжая их оружием и лошадьми»{493}.

В ходе уличных боев в Кульдже серьезно пострадала русская торговая фактория. Такая же участь угрожала и фактории в Чугучаке. Военный министр представил царю специальную записку, в которой указывал, что русская торговля в Чугучаке совершенно прекратилась; поэтому вице-консул России может переехать на русскую территорию, а начальник царских войск, расположенных ближе всего к границе с Синьцзяном, должен обеспечить стабильность русской границы, не допуская ее нарушения повстанцами. «Оседлые жители (не [182] дунгане) Западного Китая как китайского, так и туркестанского-происхождения, по всей вероятности, устремятся к переходу в наши пределы, — писал Милютин. — Принимая во внимание, что эти люди самые миролюбивые и трудолюбивые, хорошие земледельцы и мастеровые, было бы желательно водворить их в наших незаселенных местностях»{494}.

В ходе восстания маньчжурские власти в Западном Китае оказались в тяжелом положении. Илийский главнокомандующий официально обратился к командующему войсками Семипалатинской области Колпаковскому с письменной просьбой о немедленной присылке солдат для подавления народных волнений{495}. Однако русское правительство решило занять строгий нейтралитет, и западносибирским властям было дано указание не вмешиваться в борьбу{496}. В ответ на неоднократные письменные просьбы цзянь-цзюня Илийской провинции о помощи{497} Колпаковский ссылался на свою некомпетентность в принятии решения об отправке войск в Синьцзян{498}.

Позиция невмешательства во внутренние дела Китая, занятая Россией, определялась требованиями обстановки. Царскому правительству на данном этапе было выгодно противопоставить свою политику политике капиталистических держав Запада, которые в это время вели агрессивную войну против Маньчжурской империи и одновременно помогали ей подавлять тайпинское восстание.

Наряду с этим царские власти, опасаясь, что волнения в Синьцзяне охватят и казахские племена русского подданства и повстанцы будут совершать набеги на пограничную территорию, предписали Колпаковскому сосредоточить на границе так называемый Урджарский отряд.

Сам Колпаковский призывал к активному вмешательству в борьбу в Западном Китае. Ссылаясь на слабость маньчжурских властей, их неспособность подавить восстание собственными силами, Колпаковский отмечал,

что неустойчивое положение в пограничных с Россией районах Синьцзяна вызовет дорогостоящую необходимость держать на границе в боевой готовности крупные войсковые силы.

В качестве радикальной меры, которая могла бы полностью прекратить междоусобную борьбу в Западном Китае, [183] Колпаковский предлагал занять Чугучак, Кульджу и Кашгар и основать там русские поселения. Он указывал при этом на избавление от расходов по содержанию факторий, улучшение условий торговли, а также на возможность после занятия Кашгара угрожать Кокандскому ханству «с тыла»{499}.

Эти доводы Колпаковский приводил неоднократно, подчеркивая, что большие финансовые расходы, к которым приведет занятие Чугучака, Кульджи и Кашгара, с лихвой окупятся в результате развития торговых отношений и расширения политического влияния России в Средней Азии{500}.

Царское правительство, однако, категорически отклонило эти настояния командующего войсками Семипалатинской области, и Милютин приказал Дюгамелю не допускать никакого вмешательства в дела Западного Китая.

Правительство России в течение ряда лет твердо придерживалось занятой им нейтральной позиции, хотя многие высокопоставленные чиновники выражали недовольство в связи с невозможностью использования рынков Синьцзяна для русской торговли, крайне неустойчивым положением на русско-китайской границе, отражавшимся на политической обстановке в Средней Азии, а также — значительно активизировавшейся военно-политической и торговой деятельностью Англии в южной части Западного Китая, по соседству с владениями России.

С началом народных волнений эта часть Китая, и в первую очередь Кашгар, стала привлекать особое внимание английских правящих кругов. Сюда зачастили агенты британской разведывательной службы. Один из них — Мухаммед Хамид — в 1865 г. проник из Ладака в Яркенд, чтобы собрать сведения о расстановке политических сил{501}. Почти одновременно с Мухаммедом Хамидом в Хотан прибыл с теми же целями английский чиновник Джонсон. Подготавливая почву для широкой экономической экспансии, англо-индийские власти организовали в г. Паланпур (Северная Индия) ярмарку «с необыкновенно большими льготами, чтобы поощрить развитие торговли с Центральной Азией через Малый Тибет»{502}. Британские пра-Бящие круги стремились, однако, не столько к развитию торговли, сколько к созданию предпосылок для дальнейшего военно-политического проникновения в западные районы Китая.

В дажной части Синьцзяна постепенно все более активизировалась [184] деятельность английской агентуры. Этому способствовало создание здесь отдельного Кашгарского ханства во главе с политическим авантюристом Якуб-беком, с которым английские правящие круги стремились установить тесные экономические связи и оказывали ему военную и политическую поддержку. Развитие этих событий приходится на коней. 60-х — начало 70-х годов XIX в. и частично рассмотрено нами в другой работе{503}. Мы же перейдем к анализу внешнеполитических планов царизма на другом фланге Средней Азии, в Туркмении — в районе Красноводского залива.

Еще в начале 1864 г., после занятия Южного Казахстана, не приведшего, как известно, к стабилизации положения в Средней Азии, царское правительство начало подготавливать наступление в Туркестан со стороны Каспийского моря. В связи с прекращением вооруженной борьбы на Кавказе стал доступен старый торговый путь из центральных районов России по Волге и Каспию в страны Востока.

Влиятельный журнал «Морской сборник» (фактически орган Морского министерства) в сентябре 1864 г. опубликовал статью В. Бутыркина «Самый удобный путь

для развития морской торговли на Каспие и торговли с Средней Азией», в которой автор старался показать преимущества для российских «капиталистов» отправки товаров по Волге и Каспийскому морю к Красноводскому заливу, а оттуда караванами — до Аму-Дарьи. Он доказывал, что дешевизна доставки российских изделий по сравнению с английскими товарами, которые прибывали в Среднюю Азию из Индии, облегчит конкуренцию с ними. В. Бутыркин призывал преодолеть «неестественное домоседство» русских предпринимателей, а также добиться от правительства России обеспечения безопасности торговли. Подчеркивая, что следует торопиться с использованием этого пути, он писал: «Медлить более открытием его опасно, потому что англичане уже недалеко от этой стороны наших границ. Для состязания с ними нам крайне необходимо иметь опорным пунктом хоть бедную Хиву и пароходство по Аму-Дарье. Позволив предупредить себя и на этом пункте, мы дадим большой простор их влиянию в этих местах, вредящему нам уже и теперь в отношениях с туркменами: интриги англичан в последние годы проникли и сюда; таким образом, не встречая преграды, влияние их может усилиться до того, что для нашей торговли закроются даже рынки Хивы и Туркмении»{504}.

Выступление «Морского сборника» не было случайным и [185] единичным фактом. К этому времени некоторые представители торгово-промышленных кругов России уже настойчиво выдвигали перед правительством вопрос о поддержке их планов развития торговли и промышленности на восточном побережье Каспийского моря. Так, крупный красноярский и астраханский купец П. С. Савельев, связанный с В. А. Кокоревым, в сентябре 1864 г. ходатайствовал перед Министерством финансов о разрешении ему основать в Красноводском заливе торговую факторию, построить на острове Челекен и на побережье залива парафиновый, стеклянный и «фотонафтагилевый» (т. е. нефтеперерабатывающий) заводы, начать разработку здесь полезных ископаемых и наладить рыболовный промысел.

У правительства Савельев просил предоставить ему определенные льготы: свободный вывоз из России рыболовных снастей и необходимых лесоматериалов, десятилетнюю привилегию на заводское производство и рыболовство в этом районе, беспошлинный ввоз 100 тыс. пудов соли и выработанного им парафина и фотонафтиля (осветительное масло){505}. Поскольку Министерство финансов затягивало рассмотрение ходатайства Савельева, он обратился в Военное министерство, которое информировало об этом Министерство иностранных дел.

Министерство иностранных дел приступило к непосредственному изучению вопроса об использовании волго-каспийского пути для развития торговли в Средней Азии и о разработке природных богатств юго-восточной части Каспийского моря и его побережья.

В декабре 1864 г. директор Азиатского департамента Стремоухов представил Горчакову специальную записку о юго-восточном береге Каспия. После обширного исторического экскурса, где говорилось о внимании Петра I к проблемам Каспия, Стремоухов указывал, что правительству следует в этом районе создать опорный пункт для торговли на восточном берегу моря; русские предприниматели должны иметь возможность ввозить продовольствие для местного туркменского населения и мануфактурные изделия для сбыта в Средней Азии и вывозить нефтепродукты и рыбу из Туркмении, хлопок и шелк — из Бухары и Хивы. При этом следовало уделить особое внимание укреплению дружественных отношений с Персией и тем самым «сделать безуспешными все происки англичан»{506}.

Наиболее подходящим районом для создания такого пункта Стремоухов считал побережье Красноводского залива, где [186] могли быть построены большая торговая фактория с меновым двором, складские помещения для

нужд пароходства, а в гавани — стоянка для судов Каспийской военной флотилии.

Стремоухов надеялся, что при содействии русского правительства торговые караваны из Бухарского и Хивинского ханств будут следовать к этой фактории, учитывая удобства и сокращение пути по Узбою — старому руслу Аму-Дарьи. Из фактории среднеазиатские товары можно будет отправлять в Астрахань и по Волге — в центральные районы России или через Баку и Закавказье — на Черноморское побережье. «Такое оживление торговли на восточном берегу имело бы неминуемым следствием значительное и быстрое расширение частного пароходства и умножение торговых судов на Каспийском море», — доказывал директор Азиатского департамента. Он предлагал также заключить соглашение с Персией о разграничении сфер влияния в Туркмении и подчеркивал, что для России выгодно и важно существование независимой и сильной Персии.

Этот документ был от имени министра иностранных дел представлен царю, который поручил рассмотреть его в Особом комитете. 4 января 1865 г. состоялось заседание комитета при участии военного министра Д. Милютина, управляющего Морским министерством Н. Краббе, генерал-квартирмейстера Главного штаба А. Веригина, главного командира Астраханского порта С. Воеводского и директора Азиатского департамента П. Стремоухова. Учитывая, что вопрос организации укрепленной фактории в Красноводском заливе был решен комитетом еще в 1859 г. и тогда же утвержден царем, участники заседания обсуждали лишь конкретные меры для его осуществления. Комитет счел необходимым предварительно изучить условия доставки товаров от Красноводска до низовьев Аму-Дарьи, собрать сведения о перевозочных средствах Астраханской военной флотилии и компании «Кавказ и Меркурий» на Каспийском море и заручиться содействием главнокомандующего Кавказской армией для рекогносцировки и занятия восточного берега Каспия. Было решено весной 1865 г. снарядить из Оренбурга специальную экспедицию для исследования южной части Устюрта и старого русла Аму-Дарьи.

Одновременно комитет решил предложить «благонадежным торговцам» отправить в Красноводск ко времени прибытия туда экспедиции свои товары, пользующиеся спросом в Средней Азии, с целью завязать торговые сношения с населением городов Хивинского ханства в низовьях Аму-Дарьи{507}. [187]

В свете решений Особого комитета Военное министерство рассмотрело предложения Савельева. Найдя, что всякое торговое предприятие на восточном берегу Каспийского моря заслуживает всяческой правительственной поддержки, и соглашаясь на предоставление Савельеву права беспошлинного вывоза из России лесоматериалов и ввоза туда нефтепродуктов и соли, Военное министерство высказалось против любой торговой монополии. Оно считало целесообразным «открыть там доступ самой широкой конкуренции», в которой могли бы участвовать и иранские купцы{508}.

Пока Военное министерство выясняло мнение Министерства финансов о просьбе П. С. Савельева, с аналогичным ходатайством обратились В. А. Кокорев и выдающийся русский ученый Д. И. Менделеев. «Докладная записка от коммерции советника Кокорева и проф. Менделеева об учреждении нефтяного промысла на восточном берегу Каспийского моря» (17 марта 1865 г.) была подана оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому, занявшему этот пост после Безака. Она предусматривала широкое освоение залежей нефти и озокерита в этом районе (и в первую очередь на острове Челекен) на средства Кокорева и под научным руководством Менделеева{509}. Компаньоны предполагали привлечь для этой цели не только отечественный, но и иностранный (английский) капитал, чтобы облегчить вырабатываемым нефтепродуктам сбыт на мировом рынке. Они просили гарантировать им 15-летнюю монополию на

добычу челекенской нефти и разрешить беспошлинный ввоз ее в Россию.

Крыжановский положительно отнесся к сделанным предложениям, рассчитывая привлечь к Красноводскому заливу хивинских и бухарских купцов, восстановить торговый путь по «старому течению» Аму-Дарьи (Узбою) и создать тем самым предпосылки для развития дружественных отношений с туркменским населением. Особое значение придавал Крыжановский планам расширения добычи нефти. Он отмечал целесообразность «развить нефтяное производство, получившее в последние годы такое важное значение в торговых оборотах Америки, что, кроме местного потребления нефти, оттуда вывозится оной в Европу на десятки миллионов (рублей) ежегодно». В России условия благоприятнее, чем в Америке, продолжал оренбургский генерал-губернатор: «Нужны только частная предприимчивость и некоторое со стороны правительства покровительство этому промыслу... Наших промышленников привлечет преимущественно разработка нефти как [188] предприятие более верное. На все остальные цели они указали в записках собственно для того, чтобы в глазах правительства выставить себя с более выгодной стороны».

Залогом успеха задуманных предприятий, по мнению Крыжановского, было то, что Кокорев уже вел широкую торговлю на Каспийском побережье и разрабатывал нефтяные залежи в Баку, а Савельев владел рыбными промыслами на Каспии{510}.

В другом письме военному министру, от 7 апреля 1865 г., Крыжановский предлагал не намечать военных экспедиций, требовавших огромных расходов, а попытаться изучить возможности развития торговли со Средней Азией через Каспийское море «путем частной предприимчивости», оказав содействие Савельеву и Кокореву{511}.

Военный министр также считал первостепенной задачей создание русских предприятий на Челекене и «других островах, изобилующих нефтью», укрепление и развитие мирных отношений с туркменскими племенами и соседними провинциями Ирана{512}.

В конце апреля — начале мая 1865 г. состоялось несколько заседаний «Комиссии, учрежденной для рассмотрения предложений гг. Кокорева и Савельева о развитии на восточном берегу Каспийского моря торговли и промышленности». В Комиссию вошли оренбургский генерал-губернатор Крыжановский (председатель), представители Министерства финансов — Оболенский (директор департамента таможенных сборов), Бутовский (директор департамента торговли и мануфактур) и Тернер, сотрудники Военного министерства — Дандевиль и Полторацкий, директор Азиатского департамента Стремоухов, начальник канцелярии оренбургского генерал-губернатора Гутковский и тесно связанный с деловым миром Н. Е. Торнау.

Участники обсуждения единодушно одобрили мысль о восстановлении торгового пути от Красноводского залива к среднеазиатским ханствам и развитии экономических связей с местным туркменским населением. Они поддержали тезис Крыжановского о необходимости поощрения правительством инициативы предпринимателей. Как гласил журнал комиссии, ею было принято во внимание заявление Бутовского, что московские купцы готовы в ближайшем будущем отправить торговые караваны в Хиву при условии гарантии их жизни и имущества. [189]

На заседаниях было особо отмечено значение побережья Красноводского залива для основания важного в торгово-промышленном и военно-политическом отношении пункта независимо от того, будет ли удобен караванный путь в Хиву. «С привлечением торговли в Красноводск и с занятием этого пункта среднеазиатские владения будут в торговых интересах соприкасаться с Россией с двух сторон: на Сыр-Дарье и в Красноводске. При известных качествах среднеазиатских правительств, отнимающих всякую

надежду на правильно организованные дипломатические с ними сношения, при совершенной невозможности рассчитывать на их обещания, на трактаты, с ними немыслимые, и т. п., единственные средства воздействия на них заключались доныне в различных понудительных мерах, принимаемых главным начальством Оренбургского края», — так обосновывали участники совещания колонизаторскую политику царизма{513}. Учитывая определенный риск для развития торговли в районах, где отсутствовала стабильная государственная власть и соответствующее законодательство, комиссия сочла обоснованным предоставить предпринимателям некоторые финансовые льготы — разрешить беспошлинный ввоз в Россию нефти и другого сырья из Средней Азии, а также санкционировала отмену пошлин на вывозимые русские товары, кроме оружия и боеприпасов, вывоз которых полностью запрещался.

Для пресечения возможных злоупотреблений русских купцов предполагалось назначить в красноводскую факторию агента Министерства финансов, который мог бы высылать в административном порядке недобросовестных предпринимателей. «С занятием Красноводска и близлежащих островов, — гласил далее журнал заседаний комиссии, — право собственности на земли должно оставаться неприкосновенным в руках тех же туркмен, которым оно до настоящего времени принадлежало, и всякое нарушение сих прав было бы совершенно противно принятым комиссией началам, по которым предполагается достигнуть развития промышленности в туркменских землях путем мирным и посредством добровольных сделок с туземцами». Этот пункт содержал оговорку, заключавшуюся в том, что красноводский военный начальник должен стать главным судьей в вопросе, принадлежит ли действительно тот или иной земельный участок определенным лицам.

На заседаниях были полностью отвергнуты предложения Кокорева и Савельева о предоставлении им монопольного права на разработку полезных ископаемых и торговлю на восточном [190] берегу Каспийского моря{514}. Было отклонено также предложение Кокорева о привлечении иностранных капиталистов как «совершенно противное русским интересам, потому что иностранцы с приобретением большего или меньшего числа паев в русском товариществе или компании получили бы возможность назначать своих агентов, поверенных и т. п., которые в короткое время, несомненно, завладели бы. всей торговлей и промышленностью на Каспийском море и вытеснили бы оттуда как наших торговцев, так и наши произведения и таким образом уничтожили бы и существующую в незначительных размерах нашу торговлю с азиатцами»{515}.

Стремясь привлечь как можно больше предпринимателей к развитию экономических связей с населением Средней Азии со стороны Каспийского моря, комиссия постановила просить. Министерство финансов войти «с торговыми и промышленными центрами в частные сношения о приглашении торговцев-привозить в Красноводск товары для торговли на месте и мены с азиатцами»{516}.

Принятые решения были одобрены министром иностранных дел и военным министром. Последний лишь зарезервировал свою позицию по вопросу о том, в чьем ведении будет находиться экспедиция в Красноводский залив — оренбургского генерал-губернатора или кавказского наместника{517}. В Военном министерстве был разработан обобщающий доклад, по которому предусматривалось «временное занятие» в 1866 г. Красноводского залива для развития торговли со Средней Азией по более короткому и удобному пути{518}.

Этим же докладом намечалась детальная разработка экономических и военно-политических вопросов, связанных с планировавшейся экспедицией в район Красноводского залива. Однако положение, сложившееся в Туркестане, и возможность столкновения с Бухарой

вынудили царское правительство отложить «до более благоприятного времени» назначенное на 1866 г. занятие Красноводского залива и учреждение там укрепленной фактории. [191]

## Глава V. Ликвидация независимости Кокандского и Бухарского ханств (1865–1868)

### Завоевание Ташкента

Действия царских войск летом и осенью 1864 г. ликвидировали господство Кокандского ханства в Южном Казахстане. Однако правительство Коканда не намеревалось отказаться без борьбы от этой территории и готовило военное наступление на север. Неудача Черняева под Ташкентом осенью 1864 г. еще более усилила стремление кокандских феодалов вернуть утраченные позиции.

В конце ноября 1864 г. кокандское войско (по некоторым данным насчитывавшее до 10 тыс. чел.) под командованием Алимкула вышло к р. Арыси и перерезало дорогу между Туркестаном и Чимкентом. Кокандцы, по-видимому, рассчитывали внезапно атаковать г. Туркестан.

В начале декабря у селения Икан они встретили казачий отряд есаула Серова, который, заняв оборонительную позицию, оказал упорное сопротивление наступавшим. Казаков поддержали жители Икана (ранее принявшие русское подданство) и сообщили коменданту Туркестана о выступлении кокандцев{519}.

После боев у Икана Алимкул уже не мог рассчитывать на внезапность нападения. Не решившись на атаку укрепленных городов, правитель Коканда разрушил Икан, переселил всех его жителей на подвластную ханству территорию{520} и вернулся [192] в Ташкент, откуда пришли вести о выступлениях недовольных кокандским режимом.

На экономике крупнейшего торгового центра Средней Азии — Ташкента больше, чем на хозяйстве многих других городов края, отражались пагубные последствия разрыва торговых связей, непрерывных войн и борьбы различных феодальных группировок. Население

города страдало от всевозможных военных налогов, единовременных обложений и поставок, постоя кокандских войск и т. д. Все это усиливало недовольство многочисленных ремесленников города, а также некоторых феодалов, стремившихся опереться на русские войска для укрепления собственного положения. Постепенно в Ташкенте складывалась (втайне, конечно) группа сторонников русской ориентации. Ее представители пытались установить связь с командованием русских войск.

В конце 1864 г. в Чимкент из Ташкента бежал видный сановник Абдуррахман-бек, управлявший восточной частью города{521}. Он информировал Черняева о положении в Ташкенте и укреплениях города.

Особую роль в подготовке благоприятных условий для захвата Ташкента сыграл один из богатейших его жителей Мухаммед Саатбай. Крупный торговый деятель, много лет торговавший с Россией, он содержал постоянных приказчиков в Петропавловске и Троицке, неоднократно посещал Россию, был связан с торговыми домами Москвы и Нижнего Новгорода и знал русский язык.

Черняев писал, что Саатбай, один из самых влиятельных людей в Ташкенте, принадлежит к группе «цивилизованных мусульман», готовых «на уступку противу корана, если это не противоречит коренным правилам мусульманства и выгодно для торговли». Черняев подчеркивал, что Саатбай возглавлял прорусскую группировку населения Ташкента{522}.

В то же время некоторая часть жителей Ташкента, преимущественно мусульманское духовенство и близкие к нему круги, стремилась установить связь с главой среднеазиатских мусульман — бухарским эмиром. Они отправили к нему посольство и, воспользовавшись продвижением войск эмира к Ташкенту, объявили о принятии бухарского подданства. Вернувшийся в это время Алимкул расправился со сторонниками бухарской ориентации; его сарбазы заставили отступить отряды [193] эмира Музаффара{523}. Решительные действия Алимкула укрепили позиции кокандских властей в Ташкенте, но не могли ликвидировать недовольства его жителей.

В связи с обострением положения в Ташкенте Черняев запросил инструкций на случай, как он писал, «если в городе произойдет переворот и жители обратятся с просьбой о помощи»{524}.

В правительственных кругах Российской империи уже вплотную рассматривался вопрос об овладении Ташкентом, и генерал-квартирмейстер Главного штаба в своих замечаниях по поводу запроса Черняева писал, что завоевание Ташкента «делается почти необходимостью» для укрепления Новококандской линии, особенно после неудачного штурма 1864 г. Он оговаривался, однако, что малочисленность войск, которыми располагает начальник линии, может привести к новому поражению, и рекомендовал ограничиться наблюдением за обстановкой в городе до тех пор, пока на Новококандскую линию не прибудут дополнительные войска{525}.

Черняев получил приказ ждать прибытия подкреплений, поддерживать сношения с жителями Ташкента и «не лишать их надежды на помощь в свое время»{526}.

Министерство иностранных дел выступало против дальнейшего продвижения царских войск.

Директор Азиатского департамента Стремоухов призывал использовать войска лишь для предупреждения нападения на русскую территорию или в случае нарушения торговых интересов России. Он резко возражал против дальнейшего расширения занятой территории и подчеркивал необходимость развития торговли и установления мирных отношений с соседними государствами.

Учитывая склонность Черняева к особой инициативности, Стремоухов указывал, что местные власти должны строго следовать предписаниям свыше и запрашивать соответствующие правительственные органы

всякий раз, как возникнут ситуации, не предусмотренные инструкциями.

Переходя непосредственно к проблеме Ташкента, директор Азиатского департамента считал полезным, чтобы этот город добился независимости от Кокандского ханства, но только «изнутри», в результате деятельности «довольно многочисленной [194] и сильной партии, которая решилась бы и имела бы средства к ниспровержению владычества Коканда». Если же независимость будет предоставлена городу «извне», т. е. Российской империей, то это не даст благоприятных результатов для России: придется «после больших усилий и пожертвований бросить эту область по-прежнему на произвол судеб или завладеть ею окончательно, а оба эти исхода имели бы для нас самые неблагоприятные последствия». Стремоухое полагал, что Ташкент как резиденция русского консула, как рынок и «меновой двор» принесет больше пользы для торговли России, чем в качестве непосредственного владения. Итак, русская администрация должна уделить основное внимание внутреннему устройству уже занятых районов и «подготовлению-в Ташкенте условий самостоятельности»{527}.

Эту точку зрения полностью разделял и поддерживал Горчаков. Его инструктивное письмо новому оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому, отправлявшемуся, к месту своего назначения, чуть ли не дословно повторяет некоторые положения, сформулированные директором Азиатского департамента. Горчаков полагал, что сосредоточение на границах Коканда русских войск заставит ханские власти предоставить русским подданным права и привилегии, необходимые для развития торговли. Министр иностранных дел подчеркивал, что в сложившейся обстановке следует избегать какого-либо вмешательства во внутренние дела Коканда. Такое вмешательство втянет Россию в среднеазиатские междоусобицы и беспрерывные войны, отвлечет внимание и силы от освоения занятых территорий и приведет «иногда даже и против воли» к новым завоеваниям. Горчаков допускал применение силы лишь в случае вторжения на территорию Российской империи или нарушения ее торговых интересов. При этом «не следует делать новых поземельных приобретений и не переносить далее нашу границу».

Эти замечания дополнялись частными соображениями по поводу Ташкента «как самого близкого соседа нашего, которому, вероятно, суждено играть значительную для нас роль-в политическом и торговом отношениях». Министр иностранных дел подчеркивал, что решение не включать этот город в пределы империи было вызвано мнением о более выгодном косвенном значении города. Ташкент в составе Кокандского ханства рассматривался как залог добрососедского отношения ханской власти к России.

Теперь эта точка зрения подвергалась пересмотру: Горчаков предполагал, что будет выгоднее, если Ташкент восстановит [195] свою былую независимость и станет самостоятельным. В этом случае его можно было бы использовать не только в качестве «ограды против всяких внезапных покушений Коканда и Бухары», но и для «ажима на эти ханства. Кроме того, с водворением русского консульства Ташкент мог бы превратиться в важнейший центр среднеазиатской торговли России.

По мнению Горчакова, жители Ташкента «решатся восстать для достижения независимости», и поэтому целесообразно поддерживать тайные сношения с ними, чтобы помочь восставшим в их борьбе против кокандских войск. Однако после этого русский отряд не должен принимать участия в захвате города, потому что «таковым занятием мы как бы приняли на себя ручательство на будущее время охранять независимость Ташкента и приняли бы на себя весьма тягостную опеку, которая могла бы привести нас к самым затруднительным последствиям».

В то же время Министерство иностранных дел опасалось захвата Ташкента бухарским эмиром, считая, что

там будут установлены те же ограничения для русских купцов, которые царское правительство стремилось ликвидировать в Бухаре.

Горчаков поручил Крыжановскому обсудить с бухарским эмиром политические изменения, которые произошли в результате продвижения русских войск, и заявить ему о желании России сохранять и развивать торговые связи.

Горчаков указывал, что если кокандские власти будут стремиться к миру, то демаркация новых государственных границ должна предусматривать «действительное занятие нами местностей, составивших Туркестанскую область, и направление нашей новой линии». Он считал нужным заявить о «решимости не распространять наших пределов, но карать всякое нарушение их со стороны кокандских подданных». Это заявление должно было, по мнению Горчакова, заменить политический трактат{528}.

Оренбургский генерал-губернатор, переслав Черняеву копии полученных директив, подтвердил необходимость внимательно наблюдать за положением в Ташкенте, «содействовать морально партии, желающей отделения от враждебного нам Коканда», и добиваться превращения этого города в независимое от среднеазиатских ханств но вассальное по отношению к России владение{529}. [196]

Аналогичное предписание получил Черняев и от генерал-квартирмейстера Веригина, который указывал на общность мнений Военного министерства и Министерства иностранных дел о желательности ослабить Кокандское ханство, отделив от него Ташкент и превратив его в самостоятельный город под покровительством России. Он оговаривался, что конкретная помощь жителям города в борьбе против кокандских властей должна быть оказана лишь при твердой гарантии «в положительном желании большинства ташкентского населения стать под нашу защиту» и при наличии у Черняева достаточных военных сил, чтобы действовать с полной уверенностью в успехе. Приняв Ташкент под защиту России, следует употребить все меры: военные, политические, торгово-экономические, чтобы не допустить там постороннего влияния — ни кокандского, ни бухарского{530}.

Составной частью новой политики в Средней Азии было административное переустройство, вызванное расширением границ Российской империи. Этим вопросом занялся Особый комитет в составе военного министра Милютина и министра внутренних дел Валуева, генерал-губернаторов — Восточной Сибири Корсакова и Западной Сибири Дюгамеля, бывших генерал-губернаторов — Восточной Сибири Муравьева-Амурского и Оренбургского края Безака, генерал-квартирмейстера Веригина, директора Азиатского департамента Стремоухова, а также Тимашева, Буткова и Ег. Ковалевского.

На заседании 25 января 1865 г. комитет счел целесообразным сконцентрировать руководство политикой и торговлей в Средней Азии в Оренбурге, а сношения с Западным Китаем возложить на Западносибирское генерал-губернаторство. Комитет принял решение объединить Новококандскую и Сыр-Дарьинскую линии ( «от западной оконечности Иссык-Куля до Аральского моря») в одну область — Туркестанскую (в составе Оренбургского генерал-губернаторства) под управлением военного губернатора с особыми правами по своему «отдаленному и самостоятельному положению»{531}. Первым военным губернатором Туркестанской области был назначен генерал-майор М. Г. Черняев{532}.

Политические взгляды Черняева в связи с чрезвычайными полномочиями, какими он был наделен, приобрели еще больший вес. В ответ на решения Особого комитета Черняев заявил, что при существующих отношениях между Россией и Кокандом проведение какой-либо «условной границы» ни в [197] настоящем, ни в будущем не даст результатов, ибо ее будут нарушать кокандские войска. Черняев ссылался на отсутствие географических рубежей, без чего невозможно определение «естественной границы» между Российской империей и

Кокандом. Черняев настаивал на необходимости «утверждения прочного нашего влияния в самом ханстве», чтобы «водворить порядок» в Коканде и гарантировать стабильность границы. Русские власти должны добиться для купцов свободного допуска на среднеазиатские рынки и гарантировать безопасность их жизни и имущества. «С достижением этого условия все остальное, что до торговли касаться может, устроится интересом самих торгующих без вмешательства администрации», — замечал Черняев. По его мнению, Ташкент более всего подходил для размещения русских факторий.

Черняев снова отрицал возможность переселения русских крестьян в занятые районы, ссылаясь на то, что конфискация земли, «которой немного» у местного населения, будет «вредна для края»{533}.

Пока решался вопрос административного переустройства и шла эта переписка, положение в Средней Азии обострилось еще больше. Воспользовавшись русско-кокандской войной, бухарский эмир вновь попытался захватить Ферганскую долину. В начале 1865 г. он сосредоточил свои войска в Самарканде, откуда они двинулись к Ура-Тюбе, прикрывавшему доступ в Фергану.

В Ташкенте обстановка продолжала оставаться напряженной. Влиятельные торгово-промышленные круги по-прежнему были заинтересованы в восстановлении мира. Мира желали и сторонники русской ориентации, и сторонники более многочисленной «пробухарской группировки», активизировавшейся по мере продвижения войск Бухары.

Приверженцы русской ориентации отправляли к Черняеву своих гонцов. Религиозные убеждения, которыми не раз пользовались мусульманские феодально-клерикальные круги для возбуждения ненависти и вражды к «неверным», отступили на задний план перед более могущественными экономическими факторами. Простая и убедительная характеристика «ташкентских партий» была дана в штабе войск Оренбургского округа: «...все одинаково строги насчет мусульманского приличия и одинаково равнодушны к вере, (когда дело идет о денежных выгодах. Самая нетерпимость иноверных торговцев (имеется в виду среднеазиатское купечество. — Н. Х.) гораздо более [198] основана на меркантилизме, нежели на фанатизме, который более служит благовидным предлогом»{534}.

Итак, обстановка для дальнейшего наступления царских войск в Средней Азии складывалась благоприятно. Столкновения между Бухарой и Кокандом исключали возможность их совместных действий. Внутриполитическая борьба в Ташкенте позволяла рассчитывать, что русские войска не встретят серьезного сопротивления в случае осады или штурма города.

В этой обстановке Черняев предпринял действия, которые фактически полностью соответствовали замыслам как правительства и военно-феодальной аристократии Российской империи, так и торгово-промышленных кругов. Он прекрасно понимал, что неоднократные призывы дипломатического ведомства к прекращению продвижения в Средней Азии являются своеобразным маневром, дымовой завесой, вызванной опасениями нежелательных протестов Англии. Черняев пользовался тесной поддержкой экспансионистских элементов в столице (мы уже упоминали, в частности, ответственного сотрудника Главного штаба Полторацкого) и среди своих ближайших коллег; он знал, что не только не встретит осуждения за свои «самостоятельные» действия, но, наоборот, может рассчитывать на награды и служебные повышения.

Ссылаясь на угрозу Ташкенту со стороны Бухарского ханства, военный губернатор Туркестанской области в двадцатых числах апреля 1865 г. выступил в новый поход во главе отряда в 1300 человек при 12 пушках. Осуществление планов Черняева ускорили некоторые соображения личного порядка. Со времени неудавшейся попытки овладеть Ташкентом «с налета» осенью 1864 г., Черняев, по выражению его ближайшего помощника генерал-майора Качалова, «целую зиму бредил Ташкентом».

Когда новый оренбургский генерал-губернатор Крыжановский сообщил о своем намерении отправиться в Туркестанскую область для осмотра военных укреплений, Черняев начал опасаться, как отмечал тот же Качалов, что Крыжановский «вздумает повести сам войска к Ташкенту, овладеет им, получит графа, а мы, трудящиеся (! — Н.Х.), тут останемся в дураках»{535}.

28 апреля 1865 г. отряды Черняева подошли к крепости Ниязбек на р. Чирчик, в 25 верстах к северо-востоку от Ташкента. Эта крепость контролировала снабжение города водой. После ожесточенной бомбардировки, продолжавшейся почти [199] весь день, гарнизон Ниязбека сдался (потери русских войск — 7, раненых и 3 легко контуженных){536}.

Овладев крепостью, Черняев отвел два главных рукава р. Чирчик, снабжавших Ташкент водой. Однако депутации о сдаче города не прибыли, и Черняев решил, что кокандский гарнизон полностью контролирует положение в Ташкенте. 7 мая царские войска заняли позицию в 8 верстах от города. Сюда прибыл из Кокандского ханства с шеститысячным войском и 40 орудиями Алимкул. 9 мая началось упорное сражение, в результате которого кокандские сарбазы были вынуждены отступить, потеряв, по данным Черняева, до 300 убитых и 2 пушки{537}. Потери царских войск составляли 10 раненых и 12 контуженых. В сражении 9 мая погиб правитель Кокандского ханства Алимкул.

Смерть этого видного полководца и государственного деятеля дала основание Черняеву поставить вопрос «о дальнейшей судьбе Кокандского ханства». Черняев предложил провести границу по р. Сыр-Дарье «как самую естественную» и запросил инструкций в связи с намерением бухарского эмира занять всю остальную часть Кокандского ханства — «за Дарьей»{538}.

Военное министерство указало на нежелательность утверждения бухарского эмира в Кокандском ханстве. Черняеву поручалось уведомить эмира, что любой захват кокандских земель будет рассматриваться как враждебный акт против Российской империи и приведет к «совершенному стеснению торговли бухарцев в России».

Одновременно Министерство иностранных дел предложило оренбургскому генерал-губернатору договориться с бухарскими властями о создании в ханстве твердой основы для торговли с Россией. Речь шла о предоставлении русским купцам в ханстве тех же прав, какими пользовались бухарские торговцы в России: обеспечение личности и имущества, право свободной торговли во всех городах, уравнение в пошлинах и в юридических правах с мусульманскими торговцами.

Таких же результатов царское правительство хотело добиться и в Ташкенте, считая, что ликвидация кокандского владычества над городом послужила бы важной предпосылкой для успешного расширения торговли. Жителям Ташкента [200] предлагалось отправить доверенных лиц в Чимкент к военному губернатору Туркестанской области «для изложения просьб и желаний»{539}.

Через несколько дней Горчаков отправил Крыжановскому проект обращения («объявления», по терминологии Горчакова) «к военным и гражданским начальникам Кокандского ханства» с изложением целей политики царизма. Это обращение не содержало ничего нового по сравнению с уже известными материалами; в нем говорилось, что основная цель Российской империи — развитие торговли, которой мешают нападения кокандских войск на торговые караваны, что вызывает ответные действия царских войск, и т. д. Вместе с тем этот документ чрезвычайно интересен по содержащемуся в нем предостережению: «Как ни благонамеренна цель подобного-объявления, оно могло бы злонамеренно быть истолковано как воззвание (т. е. подстрекательство. — Н. Х.) подданных хана к неповиновению законным властям, а потому документ этот может быть употреблен лишь с крайней

осторожностью и только в том случае, когда успех его заранее подготовлен и не может подлежать сомнению»{540}.

Эта любопытная оговорка свидетельствует о том, что царское правительство, ведя непрерывные войны с кокандским ханством, все же твердо придерживалось «легитимистского» начала и больше всего опасалось содействовать выступлению народных масс против «законных властей».

Указания Горчакова запоздали. Гибель Алимкула, организатора обороны города, снизила стойкость кокандского гарнизона. Начались раздоры между кокандским военачальником Султаном Сеид-ханом, который в донесениях Черняева именуется «молодым кокандским ханом», начальником города Ташкента Бердыбаем-кушбеги, связанным с местной знатью, и главой ташкентского духовенства Хакимом Ходжой-казием. Нехватка продовольствия и воды вызвала народные волнения, во время которых были избиты многие представители высшего мусульманского духовенства{541}. Ташкентская беднота добилась изгнания Султана Сеид-хана: в ночь с 9 на 10 июня он с 200 приближенными покинул город. Некоторые представители клерикальной верхушки (Хаким Ходжа-казий, ишан Махсум Гусфендуз, Карабаш-ходжа мутевали и др.) обратились за [201] поддержкой к бухарскому эмиру, который находился в это время с большим войском в Ходженте.

Чтобы не допустить вмешательства Бухарского ханства в борьбу, развернувшуюся в Ташкенте, Черняев в начале июня выслал небольшой отряд штабс-капитана Абрамова на «бухарскую дорогу» и занял крепость Чиназ на р. Сыр-Дарье, окружив таким образом Ташкент с трех сторон. Царские войска, насчитывавшие 1950 человек при 12 орудиях, подошли к стенам города и на подступах к нему завязали перестрелку{542}; им противостоял 15-тысячный кокандский гарнизон{543}. Однако плохая расстановка артиллерии и разбросанность ташкентского гарнизона по многочисленным оборонительным сооружениям облегчали прорыв укреплений. К тому же среди жителей города не было единства и часть из них была готова содействовать русским войскам.

В ночь с 14 на 15 июня царские войска начали штурм Ташкента. После уличных боев, продолжавшихся два дня, сопротивление защитников города было сломлено. Уже к вечеру 16 июня к Черняеву прибыли представители местных властей с просьбой разрешить аксакалам Ташкента явиться. 17 июня аксакалы и «почетные жители» (городская знать) от имени всего города «изъявили полную готовность подчиниться русскому правительству»{544}. Взятые Черняевым трофеи составили 63 орудия и множество ружей. Его отряд потерял 25 убитых, 89 раненых, 28 контуженых. Число жертв среди местного населения не было установлено.

Некоторую роль в сравнительно быстром достижении победы сыграли сторонники русской ориентации. В частности, еще во время штурма, когда царские войска овладели городской стеной, Мухаммед Саатбай со своими единомышленниками призывал ташкентцев прекратить сопротивление и, по свидетельству Черняева; способствовал сдаче города{545}.

Стремясь в максимально короткий срок восстановить в Ташкенте нормальную жизнь, подорвать антирусскую агитацию мусульманского духовенства и приверженцев, бухарского [202] эмира, Черняев после занятия города опубликовал обращение к его жителям, в котором провозглашал неприкосновенность их веры и обычаев и гарантировал от постоя и мобилизации в солдаты. Был сохранен старый мусульманский суд (правда, уголовные преступления рассматривались по законам Российской империи); были уничтожены произвольные поборы; на годичный период ташкентцы освобождались вообще от каких-либо податей и налогов{546}. Все эти мероприятия в значительной степени стабилизировали положение в крупнейшем центре Средней Азии.

Взятие Ташкента оживленно комментировалось в военно-политических и деловых кругах Российской империи. В этих комментариях подчеркивалось важное значение города как торгового центра, «который может принять значение главнейшего рынка для всей Средней Азии», а также отмечалось богатство Туркестанской области полезными ископаемыми, «ожидающими рациональной разработки»{547}.

Продвижение русских войск в глубь Азии оказывало большое влияние на всю международную обстановку на Востоке. После занятия Ташкента Россией сюда стали прибывать представители различных государств Востока, рассчитывавших установить связи с русскими властями для укрепления своего политического положения и развития торговых отношений.

24 ноября 1865 г. в Ташкент приехали послы махараджи Рамбир Сингха, правителя североиндийского княжества Кашмир, которое издавна поддерживало торгово-политические связи со среднеазиатскими ханствами. Кашмирские послы прибыли через несколько месяцев после вступления русских войск в Ташкент, проделав длительный, трудный и опасный путь. Это свидетельствовало о том, что в Индии внимательно следили за развитием событий в Средней Азии.

Посольству не удалось добраться до цели в полном составе. Из четырех человек, отправленных Рамбир Сингхом, до Ташкента добрались лишь двое. На территории, управлявшейся британскими властями (между границами Кашмира и г. Пешаваром), посольство подверглось нападению, двое его членов были убиты, а послание махараджи к русским похищено. Пропажа письма, не представлявшего ценности для случайных грабителей, заставляет думать, что организаторы нападения преследовали политические цели. Возможно, что отъезд посольства стал известен британскому резиденту в столице Кашмира Сринагаре и что английская колониальная администрация приняла меры, чтобы посланцы не достигли цели. [203]

Однако уцелевшие члены миссии — Абдуррахман-хан ибн Сеид Рамазан-хан и Сарафаз-хан ибн Искандер-хан, пройдя через Пешавар, Балх и Самарканд, прибыли в Ташкент. Они заявили Черняеву, что не знакомы с содержанием письма Рамбир Сингха, но на словах им поручено передать, что в Кашмире уже осведомлены об «успехах русских», что цель их миссии — «изъявление дружбы», а также изучение перспектив развития русско-кашмирских отношений.

Послы сообщили, что махараджа хотел направить в Россию еще одно посольство, через Кашгар, но они не знали, осуществлено ли это намерение. Из бесед с кашмирцами выяснилось, что народные массы Индии возмущены колонизаторской деятельностью Англии.

Опасаясь провокации со стороны английских властей и не располагая достоверными сведениями о прибывших, Черняев ограничился несколькими беседами с ними и запросил инструкций у Крыжановского{548}. Однако и оренбургский генерал-губернатор не смог самостоятельно решить вопрос о развитии связей с Кашмиром, боясь осложнений с Англией. Он позволил послам остаться с Ташкенте до следующей весны, поскольку с наступлением зимы горные перевалы закрылись, запретил Черняеву какие-либо антианглийские заявления и рекомендовал ему воспользоваться прибытием гостей из Индии для изучения политической обстановки на Востоке{549}.

Одновременно Крыжановский информировал Горчакова о кашмирском посольстве и изложил ему свой взгляд на развитие отношений с Кашмиром и другими странами Азии.

Крыжановский считал, что в случае получения письменных просьб о помощи от народов, находившихся под английским господством, было бы «противно интересам Российской империи резким отказом отталкивать от себя людей, могущих быть нам впоследствии полезными,

особенно для торговых связей». Он отмечал в то же время, что «положительное обещание помощи без возможности подать ее населениям стран, отделенных от нас Гималайскими горами, было бы бесцельно и только уронило бы значение России в глазах среднеазиатских народов».

Поэтому он предлагал дать представителям Кашмира и другим посланцам в случае их прибытия следующий письменный ответ: «Император Всероссийский пребывает в полной дружбе с английской королевой, и пока со стороны английского [204] правительства не будет сделано никаких враждебных заявлений, войска наши не предполагается вести к берегам Аму-Дарьи...»{550}.

Позиция Крыжановского, изложенная в конфиденциальном письме, свидетельствовала о полном нежелании воспользоваться прибытием посольства из Индии для подрывных действий против Англии. Эта позиция не встретила возражений ни царя, ни военного или дипломатического ведомства.

Несмотря, на секретность, окружавшую посольство, сведения о том, что представители Кашмира добрались до Ташкента, стали известны британским властям в Индии. 19 января 1866 г. директор Азиатского департамента Стремоухов направил Милютину «выписку из индийской газеты». В ней говорилось, что вице-король Индии Д. Лоуренс «отправил в Среднюю Азию по разным направлениям трех агентов из туземцев... Им предписано отправиться в Бухару, Самарканд и Коканд, наблюдать за всем там происходящим и по возвращении донести об отношениях, существующих между различными владетелями, о движении России и о состоянии умов народонаселения»{551}. Стремоухов писал, что хотя подобные статьи не заслуживают доверия, но эти сведения совпадают с аналогичными, полученными Крыжановским.

«Выписка из индийской газеты» имела вполне определенную цель. Ясно, что сведения об отправке тайной агентуры не просачиваются в печать. Англо-индийское правительство неоднократно отправляло своих разведчиков в Среднюю Азию, не оповещая об этом газеты. Вероятно, «сообщение индийской газеты» должно было ввести царские власти в заблуждение, заставить их подойти с недоверием к любому лицу, прибывшему из Индии с официальной или неофициальной миссией, и тем помешать установлению связей России с индийскими княжествами.

23 июня 1866 г. военный губернатор Туркестанской области Д. И. Романовский, сменивший на этом посту Черняева, сообщал Крыжановскому, что семимесячное пребывание кашмирского посольства в Ташкенте под негласным надзором убедило администрацию Туркестана в том, что кашмирцы действительно посланы махараджей. Романовский писал о них, что это «простые, но честные и умные люди, которые весьма откровенно говорят, что явились сюда, чтобы поздравить нас с нашими военными успехами». Романовский ссылался на высказывания прибывших, что благожелательная позиция со стороны [205] России, «весьма сильно возвысив политическое значение Кашмира, вместе с тем была бы весьма выгодной для них и в торговом отношении, так как сбыт их произведений очень затрудняется англичанами».

Избегая разговоров на политические темы, Романовский в беседе с ними коснулся вопросов торговли. Кашмирцы, заинтересованные в развитии торговых связей с Россией, заверяли его, что торговля их родины с Ташкентом через Кокандское ханство вполне возможна. Дорога же из Кашмира до Коканда, как утверждали послы, полностью контролируется махараджей Рамбир Сингхом, ибо от него зависят «дунганы, овладевшие ныне Кашгаром»{552}.

Через несколько дней после отправки Романовским этого письма кашмирское посольство двинулось в обратный путь, и дальнейшая судьба его нам неизвестна.

Министерство иностранных дел продолжало придерживаться осторожной тактики в отношении политического контакта с правителями индийских княжеств. В ответ на запрос Военного министерства было

заявлено о нежелательности публикации в русской прессе сообщений о пребывании в Ташкенте кашмирской миссии, ибо это могло возбудить «весьма неприятные для правительства толки в английских журналах»{553}. Однако правительство выступало за развитие торговых отношений с княжествами Индии. Кашмирским купцам были предоставлены те же права, какими пользовались среднеазиатские купцы в торговле с русскими. Исполнявший должность товарища министра иностранных дел А. Л. Вестман 16 сентября 1866 г. писал по этому поводу в Оренбург: «Не входя в переговоры с Кашмиром о заключении какого-либо обоюдообязательного условия, можно ограничиться лишь объявлением им через наше пограничное начальство о дозволении торговать с Россией на вышеупомянутых условиях»{554}.

Эпизод, связанный с прибытием в Ташкент кашмирского посольства, был характерен для политики царского самодержавия. Петербург не желал давать повод Британской империи к новым нападкам на действия России в Азии и отказывался от каких-либо шагов, которые могли быть истолкованы как поддержка освободительного движения народов Востока против английского господства. Этих позиций русское правительство придерживалось и в отношении к другим миссиям, которые прибывали в дальнейшем в Туркестан из Индии. [206]

## Проблема «Ташкентского ханства»

Завоевание Ташкента поставило перед царским правительством вопрос о его дальнейшей судьбе. Так возникла проблема «Ташкентского ханства». Как известно, первоначально намеченный план действий не предусматривал занятия города, и петербургские власти из дипломатических соображений отказались санкционировать его присоединение к России. Они считали более целесообразным превратить Ташкент и окружающие его земли в отдельное ханство, которое должно было находиться под полным контролем царизма и играть роль «нейтральной прокладки» между русскими владениями и Бухарским эмиратом. В Петербурге резко возражали против прямого включения Ташкента в состав России из опасения дипломатических осложнений с Англией.

Так, военный министр сообщил оренбургскому генерал-губернатору, что Министерство иностранных дел протестует против данного Крыжановским Черняеву разрешения занять постоянными гарнизонами крепости Ниязбек, Чиназ и укрепленный пункт близ Ташкента, а также устраивать самостоятельные военные посты на Сыр-Дарье вплоть до ее верховьев. Милютин поддерживал мнение Горчакова, что эти мероприятия равносильны включению «Ташкентского ханства» в состав России и превращению Сыр-Дарьи в границу империи{555}.

Однако Черняев после занятия Ташкента заявил о практическом неудобстве превращения его в «самостоятельное ханство». Он пояснял, что ранее опасался больших расходов на содержание в городе войск и полиции. Однако порядок, установленный в Ташкенте самими жителями, по мнению Черняева, давал возможность все управление городом и сбор податей возложить на маленький административный аппарат (управляющий Ташкентом, его помощник, два чиновника для сбора налогов и таможенных пошлин, четыре переводчика и три писаря).
Образование же самостоятельного Ташкентского ханства ликвидирует политическое значение овладения Россией этим городом. Поэтому Черняев настаивал на проведении границы по Сыр-Дарье вплоть до верховьев реки, чтобы отдалить пограничную черту от Ташкента, установить более тесный контакт с Кокандским ханством и открыть для торговых караванов доступ в Кашгар{556}. [207]

Но Черняева не поддержал Крыжановский, считавший более выгодным «иметь под боком слабое в военном отношении, но весьма торговое государство, нам вассальное, чем приобщать то государство к империи и

сажать туда русских чиновников». Оренбургский генерал-губернатор предлагал не передвигать линию границы из Южного Казахстана, образовать в Ташкентском оазисе и в остальной части Кокандского ханства два «независимых владения», обеспечить для Российской империи возможность судоходства по всей Сыр-Дарье ( «если нужно — даже военными постами») и занять Ниязбек, Чиназ, а также «еще один пункт под самым Ташкентом», чтобы не допустить ничьих посторонних посягательств на его «независимость»{557}.

В то же время в специальном послании директору Азиатского департамента Крыжановский указывал, что он не изменил своих взглядов, ранее согласованных с Министерством иностранных дел, о необходимости прекратить завоевания и заняться административным устройством присоединенных земель, развитием здесь экономики и торговли. Крыжановский заявлял о своем намерении «подтянуть поводья» лицам, увлекающимся военными походами в Туркестане, и «направить воинственный удар на что-нибудь более разумное, чем расширение и без того широчайшей России»{558}.

Однако Министерство иностранных дел отказалось принять даже ограниченную программу Крыжановского. Оно считало занятие различных пунктов в районе Ташкента временной мерой, подлежащей безусловной отмене, когда будут полностью ликвидированы притязания бухарского эмира на господство в Ташкенте. Министр иностранных дел Горчаков призывал отказаться от размещения каких-либо войск в «Ташкентской независимой области» и ограничиться «нравственным убеждением», что Россия поможет Ташкенту в случае нападения на него{559}.

Наиболее последовательно выступал против новых завоеваний П. С. Стремоухов. «Если мы будем расширять наши пределы только потому, что будем желать присоединять к себе каждое воинственное кочевое племя, могущее делать набеги, то вряд ли удастся нам когда-либо остановить свое движение на юг..., — писал он. — Близкое соседство предполагаемой границы к Коканду вряд ли желательно и поведет только к скорому присоединению и этого города...» [208]

Общее кредо руководителя Азиатского-департамента особенно отчетливо проявилось в его утверждении, что царское правительство отнюдь не ставит своей задачей «распоряжаться судьбами всей Средней Азии, проникая даже до Бухары; подобные замыслы еще не входили, да и вряд ли должны вхо-,дить, в нашу политическую программу, потому что ни в каком случае не оправдывались бы ни требованиями нашей торговли, ни общим политическим соображением, а между тем вовлекли бы нас в неизбежные затруднения»{560}.

Ближе других стоял к занятой Черняевым позиции Милютин. Военный министр старался согласовать точку зрения военного губернатора Туркестана и руководителей Министерства иностранных дел. Милютин признавал, что независимость Ташкента вовсе не обязательно должна быть связана с утверждением во главе города нового хана: вполне можно обойтись созданием в Ташкенте «муниципального управления» под охраной царских войск. Эти войска, не занимая города, всегда были бы на страже его внутренней самостоятельности{561}.

Предложение военного министра, несомненно, было направлено на усиление влияния и контроля царских властей над «независимым Ташкентом».

В сентябре 1865 г. оренбургский генерал-губернатор, твердо намереваясь осуществить намеченную в Петербурге программу, отправился в инспекционную поездку в Туркестанскую область. Прибыв в Ташкент, Крыжановский собрал городскую знать, объявил о создании здесь «самостоятельного ханства» и предложил избрать хана. К его удивлению, собравшиеся, среди которых было много представителей торговых кругов{562}, не только не радовались «дарованным царским милостям», а, наоборот, были явно недовольны перспективой посадить на свою шею нового хана. Черняев объяснял это тем, что ташкентцы

«живо еще помнят все неудобства, сопряженные с ханской властью»{563}.

Когда же Крыжановский спросил «именитых граждан» (в основном духовенство), какую они желают избрать власть, ему ответили специальным адресом на узбекском языке, скрепленным, по обычаям Востока, вместо подписей, 58 печатями. В этом адресе отклонялось предложение об избрании хана и выражалась просьба поручить контроль над духовной жизнью [209] населения религиозному главе и верховному судье Ташкента — кази-каляну с тем, чтобы он руководствовался мусульманским правом — шариатом. Составители адреса призывали не облагать налогом их «дворовые места, находящиеся внутри города Ташкента, и земли, приобретенные с ведома и с утверждения кази-каляна»; они обязывались при этом выплачивать ( «по шариату») натурой и деньгами 10% с доходов от передаваемых в оброк казенных земель. Активное участие духовенства в подготовке этого документа нашло отражение (кроме пункта о роли кази-каляна) в содержащейся здесь просьбе освободить от всяких обложений вакфы (недвижимая собственность, принадлежащая мусульманским учреждениям) и разрешить духовенству полностью распоряжаться поступающими с них доходами{564}.

Особенно противились восстановлению ханской власти лекоторые влиятельные купцы Ташкента, в частности уже знакомый нам Мухаммед Саатбай{565}. Крыжановский вынужден был признать в письме военному министру, что «сами ташкентцы усиленно просили меня не покидать их на произвол ханов и эмиров...»{566}.

Правда, оренбургский генерал-губернатор, продолжая выполнять инструкции Министерства иностранных дел, все же лередал Черняеву для опубликования специальное объявление, в котором провозглашал «гор. Ташкент, вместе со страной, распространяющейся до реки Сыр-Дарьи», независимым государством{567}. Однако Крыжановский писал военному министру об огромных трудностях в практическом осуществлении этого плана и из двух форм управления — единоличной (ханская власть) и муниципальной — отдавал предпочтение «единоличному правителю», поскольку на него легче было оказывать влияние{568}.

Впрочем, Черняев так и не опубликовал это объявление, подчеркнув, что при стремлении населения Ташкента к окончательной ликвидации междоусобиц и к развитию торговли провозглашение независимости будет способствовать активизации различных политических группировок (в том числе и враждебных России) и новой вспышке всевозможных раздоров, [210] которыми немедленно воспользуется бухарский эмир{569}. Разрешение проблемы окончательного политического и административного устройства Ташкента затянулось на длительное время. Оттягивая его, Крыжановский, например, заявлял о необходимости внимательно и детально изучить местную обстановку и учесть мнение жителей самого Ташкента. Крыжановский указывал на «естественность их желания» войти в состав сильного государства, способного «защитить их от внешнего врага и избавить от вечных внутренних волнений и смут».

Оренбургский генерал-губернатор опасался, что утверждение во главе Ташкента «единоличного правителя» (представителя ханского рода), посаженного сверху, вызовет серьезное недовольство некоторых слоев местного населения и приведет к непрерывным столкновениям в городе, подобно тому, что происходило в Закавказье, в частности в Абхазии и Мегрелии. Не меньшие опасения вызывали у Крыжановского и планы создания «муниципального правления», так как власть могло захватить могущественное мусульманское духовенство. «Мы рискуем, таким образом, создать в Средней Азии нечто вроде краковской бывшей республики, теократия которой неизбежно вовлечет нас в столкновения и в распри с мусульманством, — докладывал он военному министру, — а это пряма поведет к возбуждению религиозного фанатизма

и не только в подданных Ташкентской республики, но и в непосредственных русских подданных... населяющих Туркестанскую область»{570}.

В связи с этим он предлагал, во-первых, ослабить позиции духовенства, отмечая, что мусульманское духовенство пользуется таким же влиянием в Средней Азии, как католическое духовенство в некоторых странах Европы. Крыжановский считал полезным в целях поднятия престижа царского правительства упростить податную систему и ввести ее в рамки фиксированного закона, уничтожить произвол ростовщиков, создать «ссудные магазины и запасные общественные капиталы».

Другая мера для укрепления влияния России заключалась в усилении торговых слоев города за счет духовенства. Необходимо было «поднять в Ташкенте значение класса коммерческого в ущерб партии политической и духовной, т. е. постараться сделать из него азиатский Гамбург и Франкфурт ...к чему Ташкент имеет все элементы».

Этот тезис Крыжановского еще более укреплял мнение царского [211] правительства о максимальном расширении выгодных торговых связей с Ташкентом. Одной из важнейших мер, призванных расширить торговлю с этим городом и со среднеазиатскими ханствами, был перенос таможенной линии на юг. 30 апреля и 6 мая 1865 г. под председательством Крыжановского состоялись заседания специальной комиссии. В ее работах участвовали руководящие сотрудники Министерства финансов — Бутовский и Тернер, иностранных дел — Стремоухов и Оболенский, Военного министерства — Полторацкий и Дандевиль, представитель Оренбургского генерал-губернаторства Гутковский.

Было решено перенести в 1866 г. оренбургско-сибирскую таможенную черту, проходившую по Уралу, Тоболу, Ишиму и Иртышу, на новую границу в Южном Казахстане. Переход торговых караванов из Средней Азии в Россию через Устюрт был запрещен под угрозой конфискации груза. Пошлины с привозных азиатских товаров предполагалось взимать по общему тарифу Оренбургской таможни; вместе с тем Министерству финансов, предоставлялось право снизить эти пошлины, учитывая заинтересованность принявших русское подданство казахских племен в традиционных для них изделиях Бухары и других ханств. Русские товары освобождались от вывозных пошлин, за исключением скота, с которого устанавливался «умеренный сбор».

Комиссия признавала возможным разрешать перекочевки казахских племен за границу, но указывала на необходимость не допускать при этом провоза контрабанды и нелегального перехода торговых караванов{571}.

Осуществление решений комиссии укрепляло позиции предпринимателей Российской империи на среднеазиатских рынках.

Параллельно с решением о переносе таможенной линии были предприняты шаги к превращению Ташкента в торговый центр России в Средней Азии. Один из ответственных сотрудников Главного штаба В. А. Полторацкий разработал специальную записку (от 6 сентября 1865 г.) о мерах развития русской торговли в этом районе. Горчаков полностью одобрил записку и подчеркнул, что именно стремление к развитию торговли должно направлять политику, а не «увеличение территориальных владений. Материальное влияние наше должна быть настолько сильно, чтобы обеспечивать торговую деятельность сообразно с ее развитием, но не более того»{572}.

Министерство иностранных дел поддержало мнение Полторацкого [212] о необходимости содействовать «собственно ташкентской торговле», чтобы избавиться от посредничества Бухары в торговле России и Средней Азии. Для этого Ташкент следовало превратить в центральный торговый пункт «и тем уничтожить монополию и убыточное посредство Бухары в среднеазиатской торговле», создать

здесь факторию и выработать торговые правила для решения спорных вопросов. «Трудно свыкнуться с мыслью, — гласили «замечания» Министерства иностранных дел, — что успех нашей торговли в Ташкенте главнейшим образом должен зависеть от присутствия в городе военной силы, и следовало бы стремиться к тому, чтобы Ташкент примкнул к нам общностью своих жизненных интересов с нами».

В заключение Министерство иностранных дел вновь подчеркивало из дипломатических соображений, что важной целью военно-политических действий в Средней Азии должно быть развитие торговли, ибо это лучше всего упрочит господство России в Ташкентском оазисе{573}.

Проблемами расширения выгодных экономических связей с Туркестаном живо интересовался и Крыжановский. Вернувшись из поездки в Ташкент осенью 1865 г., он обратился к министру финансов М. Х. Рейтерну с просьбой максимально содействовать развитию этих связей. Несмотря на бедность подавляющего большинства кочевого населения, русские предприниматели, по мнению. Крыжановского, могут найти здесь легкий рынок сбыта для своих товаров: «...при сметливости и предприимчивости русский купец и мануфактурист может не только приобрести состояние, но вместе с тем и принести всему краю и отечеству своему огромную пользу»{574}.

Крыжановский информировал далее Рейтерна об отправке научных экспедиций для исследования природных ресурсов края — Татаринова для поисков каменноугольных месторождений, Н. А. Северцова для исследования флоры и фауны и астрономов под руководством К. В. Струве.

Указывая, что Средняя Азия может со временем занять важное место «в коммерческих и финансовых оборотах России», Крыжановский просил министра финансов «побудить» московское купечество направить в Ташкент весной 1866 г. специальную группу «предприимчивых лиц» для изучения на месте условий торговли, возможности учреждения здесь ярмарки для всей Средней Азии, «коммерческого суда из русских и азиатских членов» и т. д.{575}. [213]

В аналогичном письме Милютину Крыжановский отмечал; что лишь скорейшее развитие здесь русской торговли может возместить расходы «на приобретение вновь занятого края и каковые, несомненно, еще потребуются в будущем», а также писал, что состоятельные люди смогут «увеличить здесь свой капитал» и способствовать утверждению господства России. Поскольку, с точки зрения Крыжановского, в Москве имелось много купцов, с давних времен торговавших с Туркестаном, он просил Милютина командировать в Москву побывавшего в Средней Азии полковника Д. И. Романовского с особым заданием — «для личных объяснений с тамошними торговыми людьми и для сообщений им сведений о новом крае, для них необходимых»{576}.

Военный министр с готовностью поддержал просьбу оренбургского генерал-губернатора и заручился обещанием московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова о содействии Романовскому{577}. В начале декабря 1865 г. Романовский прибыл в Москву и вступил в переговоры с представителями местного купечества. Однако московские купцы с опасением отнеслись к этому рискованному предприятию, тем более что в эти годы потерпели крах многие предприниматели. Тем не менее при содействии В. А. Долгорукова и одного из богатейших фабрикантов и торговцев России председателя Московских отделений коммерческого и мануфактурного советов А. Хлудова, к которому обратился со специальным письмом министр финансов, Романовскому удалось добиться существенных результатов. В ходе обсуждения вопроса в коммерческом совете крупнейшие московские торгово-промышленные дома, обороты которых превышали десятки миллионов рублей, решили послать в Ташкент пробный караван с товарами на 100 тыс. руб. Представители московских предпринимателей заявили, что «надеются совершенно

вытеснить английские товары (из Туркестана. — Н. Х.), так как могут доставить подобные же произведения лучших качеств и по более сходным ценам»{578}. Тогда же был выработан проект создания специального московско-ташкентского товарищества для торговли со Средней Азией.

Ссылаясь на рискованность коммерческих операций в отдаленном крае, где еще продолжались военные действия, участники намечавшегося товарищества обратились в Министерство [214] финансов с ходатайством обеспечить им вооруженный конвой для торговых караванов и заимообразный отпуск денежных сумм из военного интендантства Туркестанской области, а также возмещение казной убытков в случае расхищения или разграбления товаров в пути{579}. Однако Министерство финансов, не желая дискриминировать других торговцев, склонно было отказать в удовлетворении этих просьб.

Военное министерство, поддерживая мнение Министерства финансов о нежелательности гарантирования купечеству возмещения убытков в случае грабежа, вместе с тем считало возможным выделить его участникам определенный кредит и обеспечить охрану караванов. Милютин настоятельно указывал на необходимость «озаботиться, чтобы отказ в некоторых льготах московское купечество не приняло за недостаток сочувствия правительства к вызванному им самим предприятию». Нужно, чтобы первое впечатление о торговле с Ташкентом было особенно благоприятным, подчеркивал Милютин и просил Рейтерна вновь командировать в Москву Романовского для разъяснения купечеству причин неполного удовлетворения их просьб{580}.

Быстрота и оперативность решения этого вопроса в царских канцеляриях сама по себе свидетельствовала о большом внимании, уделявшемся ему в правительственных кругах. Уже 7 января 1866 г. Александру II был представлен доклад министра финансов «Об учреждении в Москве товарищества для торговли с Ташкентом и Средней Азией». В нем отмечалось, что крупнейшие предприниматели второй столицы Российской империи вызвались участвовать в этом деле. Среди них упоминались торговые дома: «Ивана Хлудова сыновья», «Саввы Морозова сыновья», «М. А. Хлудов», «Вл. Третьяков», «Бр. Барановы», «Бр. Ремезовы», «Бр. Солодовниковы» и др. В числе концессионеров значился и Д. И. Романовский, игравший роль своеобразного посредника между правительством и купеческим миром.

По докладу, утвержденному царем, товариществу разрешалось составить первоначальный складочный капитал в 60–100 тыс. руб., создать в Москве специальный комитет с правом непосредственного ходатайства перед министром финансов, московским и оренбургским генерал-губернаторами. Оренбургскому генерал-губернатору поручалось максимально содействовать товариществу (предоставлять конвой и транспортные средства, выделять земельные участки и помещения), а туркестанским властям предоставлялось право выдачи взаймы [215] до 100 тыс. руб. казенных денег. На первое время товарищество было освобождено от платежа гильдейских повинностей, а его товары — от таможенного досмотра{581}.

14 января 1866 г. участники товарищества собрались на новое совещание. Здесь было выдвинуто предложение добиться разрешения получать с казенных горных заводов металл (железо, медь и сталь) по заводской цене. Московские дельцы ходатайствовали о предоставлении им на берегах Сыр-Дарьи земель «для сельскохозяйственных заведений», пристаней и т. п. Особое место в требованиях купечества занимал вопрос о предоставлении русским купцам в Бухаре и других ханствах Средней Азии тех же прав, какими пользовались бухарские купцы в России. Они предлагали перенести таможенную линию в Средней Азии за Ташкент и уменьшить тем самым вывоз среднеазиатскими торговцами русского золота и серебра за таможенную черту. Обращая особое внимание на просьбу

об отпуске металла и предоставлении земель на Сыр-Дарье, А. Хлудов отмечал, что «на этом праве создается надежда указать местным жителям способы улучшенного разведения хлопчатой бумаги, шелковичных червей и марены»{582}.

Царское правительство, с неизменным вниманием относившееся к нуждам и запросам торгово-промышленных кругов, согласилось удовлетворить пожелания товарищества.

По докладу министра финансов «О пособии Московско-Ташкентскому товариществу», утвержденному 4 марта 1866 г. Александром II, товариществу предоставлялось до 100 тыс. руб. из казны «с тем, чтобы по этой сумме правительство имело в делах товарищества... одинаковые права с прочими вкладчиками». В связи с этим товарищество обязывалось дважды в год представлять Министерству финансов подробные отчеты о ходе операций, состоянии капитала и имущества, а также причитающиеся на долю государства дивиденды. Министерству финансов разрешалось утвердить проект устава товарищества с изменениями, какие оно признает необходимым внести{583}.

История создания «Московско-Ташкентского товарищества» показывает большую заинтересованность царского правительства в развитии экономических связей между Россией и занятыми землями в Средней Азии. Непосредственное участие его и отдельных административных лиц (как, например, Д. И. Романовского) в делах товарищества придавало особое значение [216] внешнеполитическим планам и действиям Российской империи в Туркестане.

Понятно, что образование специальной торговой компании, связанной с правительством, должно было ускорить разрешение вопроса об урегулировании положения Ташкента. Это обстоятельство и непрекращавшиеся вооруженные столкновения между войсками Российской империи и Бухарского ханства вызвали быструю эволюцию во взглядах царского правительства на статус Ташкента.

Еще в январе 1866 г. Военное министерство, по согласованию с Министерством иностранных дел, представило на утверждение царя записку, по которой жители этого города должны были самостоятельно избирать органы управления, тогда как царские власти сохраняли за собой лишь верховный надзор за их деятельностью и за соблюдением политических, торговых и фискальных интересов России ( «в вознаграждение расходов по содержанию войск» для обороны города). Вместе с тем Милютин поддерживал высказанные Крыжановским соображения о необходимости ослабления ташкентского духовенства и «усиления значения торгового сословия»{584}.

Однако уже через три месяца, в апреле 1866 г., военный министр и министр иностранных дел при участии оренбургского генерал-губернатора подвергли пересмотру вопрос о Ташкенте и других городах, занятых царскими войсками.

Мотивируя изменение своей позиции, Министерство иностранных дел указывало, что враждебные действия бухарского эмира и его претензии на господство над Кокандским ханством оказывают моральное воздействие на население территорий, находящихся под контролем России. Это обусловило отказ от выжидательной тактики в отношении Ташкента. Царское правительство отбросило свой прежний план создания «нейтральной страны» между своими и бухарскими владениями, решив полностью включить Ташкент в состав России{585}. Летом 1866 г. судьба Ташкента была решена в плане, против которого оба министерства — военное и иностранных дел — формально еще не так давно упорно протестовали.

В августе 1866 г. был издан царский указ о присоединении Ташкента, и 27 августа 1866 г. жители крупнейшего города Средней Азии приняли русское подданство{586}. Ташкент стал важнейшим экономическим

и военно-политическим центром владений России в этой области. [217]

Таким образом, «ташкентская проблема» официально была решена лишь через 14 месяцев после захвата города царскими войсками. В Ташкенте было введено Положение об управлении от 11 июля 1867 г. (оно не было утверждено в Петербурге, но применялось практически до принятия с 1 января 1887 г. «Положения об управлении Туркестанским краем»), которое предусматривало создание в Ташкенте «Хозяйственного общественного управления». Это учреждение было выборным; оно делилось на управления «русской» и «туземной» частей города, в обязанности которых входили управление общественным хозяйством Ташкента, раскладка и сбор различных податей. В дальнейшем здесь было введено «городовое» положение 1870 г., на основании которого были образованы, городская дума и городская управа.

## Русско-бухарские отношения

В середине 1865 г. бухарский эмир Музаффар, воспользовавшись борьбой России с Кокандским ханством, вторгся во главе большого войска в Ферганскую долину. Он занял столицу ханства — Коканд и посадил на престол неоднократно изгонявшегося в ходе межфеодальной борьбы Худояр-хана. Одновременно Музаффар прислал в Ташкент посольство, которое в ультимативной форме потребовало от Черняева немедленного вывода русской администрации и военных сил. Энергичные действия эмира вызвали у царского правительства опасения, что русским отрядам в Туркестанской области угрожает совместный удар Бухары и Коканда{587}.

В связи с ухудшением русско-бухарских отношений Черняев распорядился арестовать всех бухарских купцов на подведомственной ему территории и конфисковать их товары. Он ходатайствовал перед Крыжановским о проведении подобных репрессий в Оренбургском крае и на всей территории Российской империи. В Оренбургском генерал-губернаторстве последовали примеру Черняева. При этом, однако, был нанесен серьезный удар не только бухарским торговцам, но и тесно связанным с ними русским предпринимателям, что породило большое беспокойство правящих кругов России. Горчаков заявил, что Россия не может отступить в Средней Азии, «преклониться перед эмиром», ибо от этого зависит «наше влияние в. Средней Азии», но тем не менее назвал арест бухарских купцов [218] и конфискацию их товаров «дикой мерой»{588}. В Петербурге эти действия были признаны вредными, «чрезмерными и опасными»{589}.

Однако в отношении Бухары было решено придерживаться твердой позиции: не давать повода к столкновениям, но и не избегать при необходимости активных действий. Милютин, как и Горчаков, подчеркивал, что вся «будущность» политики России в Средней Азии зависит от того положения, в какое царское правительство поставит себя по отношению к Бухаре.

Вскоре Крыжановский был вынужден изменить занятую позицию. Оренбургское купечество, игравшее важную роль в среднеазиатской торговле, обратилось к нему с заявлением, что Нижегородская ярмарка ожидает представителей Бухары — выгодных покупателей русских товаров, а бумагопрядильные предприятия страны крайне нуждаются в хлопке из Средней Азии. Купцы просили освободить бухарских торговцев и разрешить, им отправиться на ярмарку, снять секвестр с бухарских товаров в Оренбургском крае и восстановить свободный товарообмен между Россией и Бухарой.

В связи с этим Крыжановский пошел на уступки. Он не разрешил бухарским купцам вернуться в ханство, но позволил им под наблюдением специально созданных в Оренбурге и Троицке комиссий по бухарским делам отправиться со своими товарами на ярмарку. Это «послабление» Крыжановский обосновывал интересами «русской торговли и фабричной промышленности и

возможного предоставления средств нашему купечеству продолжать выгодные для России торговые операции с Бухарой»{590}.

19 октября 1865 г. Комитет министров заслушал сообщение министра финансов о состоянии русско-бухарской торговли в связи с карательными мерами, принятыми оренбургскими властями, и предложил Крыжановскому при первой возможности полностью отменить репрессии против купцов Бухары{591}. Бухарским торговцам было объявлено, что царское правительство стремится к максимальному развитию торговых отношений со Средней Азией и что «меры строгости» были вызваны лишь враждебными действиями эмира. В то же время Комитет министров обязывал соответствующие органы приложить [219] все усилия к расширению среднеазиатской торговли и к ограждению прав среднеазиатских купцов и не прибегать к каким-либо чрезвычайным мерам без санкции центрального правительства{592}.

В Средней Азии тем временем обстановка продолжала обостряться. К югу от Ташкента начались столкновения между царскими войсками и отрядами Рустамбека, правителя Зачирчикского района.

Борьба шла не столько за «наследство» Кокандского ханства, которое сейчас по сути дела лишилось своих владений вне Ферганской долины, а главным образом за господство в Средней Азии. Крыжановский еще во время своего визита в Ташкент в сентябре 1865 г. ставил перед Черняевым задачу добиваться любыми средствами господствующего положения России в Туркестане{593}.

После разгрома Коканда Бухарское ханство претендовало на гегемонию в этом районе и стремилось подчинить другие среднеазиатские владения{594}. Но в военном отношении Бухарское ханство было чрезвычайно слабым и отсталым по сравнению с Россией. Это проявилось в первых же столкновениях с русскими отрядами. Плохо вооруженные и необученные сарбазы Рустамбека отступили перед отрядом подполковника Пистолькорса, который в сентябре 1865 г. занял небольшие населенные пункты Пскент и Келеучи, по дороге на Ходжент{595}. Крыжановский предложил сохранить военный контроль над этой территорией, так как она снабжала Ташкент зерном.

Хотя между Россией и Бухарой уже развернулась вооруженная борьба, обе стороны делали попытки добиться своих целей дипломатическим путем. Эмир Музаффар направил в Петербург посольство во главе с Неджметдином-ходжей, который уже бывал там в 1859 г. Однако царское правительство поручило вести переговоры оренбургскому генерал-губернатору. Посольство было задержано в Казалинске несмотря на протесты бухарского посланника. То же самое произошло и с русским посольством. Отправленное Черняевым в октябре 1865 г. в Бухару посольство в составе астронома К. В. Струве, связанного с торгово-промышленными кругами А. И. Глуховского [220] и горного инженера А. С. Татаринова также было фактически арестовано местными властями.

Оба посольства энергично пытались выполнить возложенные на них задачи. Так, бухарский посланник, вопреки распоряжению Крыжановского, прибыл из Казалинска в Оренбург, а снаряженный им специальный полномочный гонец мулла Фахретдин добрался с письмом Неджметдина-ходжи даже до Петербурга{596}. Это, однако, не дало результатов: письмо посланника, в котором он жаловался на нарушение дипломатических обычаев оренбургскими властями, не было принято, и мулле Фахретдину было предложено представить его Крыжановскому.

Ни к чему не привели и попытки представителей Российской империи установить нормальный дипломатический контакт с правящими кругами Бухарского ханства.

Министерство иностранных дел от имени царя уполномочило оренбургского генерал-губернатора вступить

в переговоры с посланником Бухары, предъявив главное и основное требование — «поставить торговлю и политические отношения» России в Средней Азии «в самое благоприятное положение». Директор Азиатского департамента Стремоухов указывал, что дальнейшее применение репрессий против бухарских купцов необоснованно, так как русские караваны благополучно вернулись из ханства. Главное теперь — установление прямого и тесного контакта между русскими и ташкентскими купцами и использование Ташкента в качестве торговой базы России в Средней Азии{597}.

Сам Крыжановский выработал обширный перечень условий, которые он собирался предъявить на переговорах. Он требовал учреждения в Бухаре торгового агентства России, уравнения русских купцов с бухарскими в правах, введения уменьшенного тарифа ввозных и вывозных пошлин, признания «самостоятельного» существования «Ташкентского государства» (под русским протекторатом с границами по рекам Сыр-Дарье и Нарыну) и свободного плавания русских судов по этим рекам и их притокам. В случае настойчивых претензий эмира на господство над Кокандским ханством Крыжановский считал возможным удовлетворить их.

Эти условия намечалось включить в договор, который должен был подписать эмир. Лишь после этого царские власти соглашались допустить бухарское посольство в Петербург для [221] заключения «дружественного трактата» между Российской империей и Бухарским ханством{598}.

Программа Крыжановского была в основном поддержана военным министром. В одобренной царем записке Милютин подчеркивал необходимость придерживаться принципа равноправия в русско-бухарских отношениях и предоставить Бухаре те же привилегии в торговле, которых добивалось царское правительство. Например, ханству разрешалось держать агентов в Оренбурге, Ташкенте или в других местах, «где того потребуют торговые интересы Бухары». Предоставляя эти льготы, царское правительство рассчитывало укрепить свое влияние в Бухаре.

Вместе с тем Милютин категорически отвергал притязания бухарского эмира на Коканд и вмешательство его в кокандские дела{599}.

Поэтому программа Крыжановского, в котором оренбургский генерал-губернатор был готов ради торговых выгод пойти на определенные политические уступки Бухарскому ханству, именно в политической части не устраивала центральные правительственные органы. Правящие круги Российской империи стремились открыть широкий доступ русским купцам в Бухару, но не за счет политических уступок ханству.

Проведение в жизнь программы Крыжановского в одобренном Петербургом виде было затруднено взаимоотношениями, сложившимися между оренбургским генерал-губернатором и военным губернатором Туркестанской области. Черняев, ссылаясь на слабую осведомленность Крыжановского в местной обстановке, затягивал выполнение его указаний и добивался через Полторацкого непосредственного подчинения Туркестанской области Петербургу, минуя оренбургского генерал-губернатора. После неоднократных конфликтов Крыжановский добился санкции на замену Черняева и в конце декабря 1865 г. вызвал его в Оренбург. Это распоряжение не было передано Черняеву его начальником штаба полковником Ризенкампфом. В письме Милютину и Крыжановскому Ризенкампф объяснял [222] свой поступок сложностью ситуации, возникшей в русско-бухарских отношениях, с которой якобы мог справиться «только начальник энергический, с полными правами, предоставленными законом, и даже лично заинтересованный в поправлении ошибки», — сам Черняев{600}.

Фактическое пленение миссии Струве — Глуховского в Бухарском ханстве дало Крыжановскому повод для особых, нареканий на своеволие Черняева. Под предлогом

«понуждения эмира» к освобождению послов Черняев предпринял военную демонстрацию: в начале января 1866 г. он двинул к Чиназу стрелковый батальон, а затем, перебросив туда дополнительные силы, форсировал Сыр-Дарью и направился через Голодную степь к крепости Джизак.

Поход кончился неудачей. Слабые попытки штурма крепости были отбиты бухарскими войсками, которые также затрудняли Черняеву проведение фуражировки. В середине февраля 1866 г., исчерпав запасы снаряжения и фуража и преследуемый бухарской конницей, Черняев был вынужден отступить, на правый берег Сыр-Дарьи{601}.

Провал Джизакской экспедиции решил участь Черняева. Получив полгода тому назад в знак «монаршего благоволения» золотую саблю с бриллиантами за взятие Ташкента, он в марте 1866 г. сдал должность генерал-майору Генерального штаба Д. И. Романовскому.

Эта замена не отразилась на общем ходе событий. В степи между Сыр-Дарьей и Джизаком происходили непрерывные стычки царских войск с отрядами бухарского эмира. Крыжановский, еще недавно заявлявший о своем намерении положить конец военным походам, в письме военному министру от 7 апреля 1866 г. призывал к решительным действиям против Бухары и сообщал о своем намерении вновь отправиться в Ташкент для личного руководства боями{602}.

Ясно, что Крыжановский не был противником наступательных действий; его прежняя позиция объяснялась желанием самому пожать лавры, выпадавшие на долю его подчиненного — Черняева. Получив же возможность «отличиться» на военном-поприще, он стал активно осуществлять завоевательные замыслы царизма.

Царское правительство одобрило планы оренбургского [223] генерал-губернатора и вызвало его в Петербург. Еще до возвращения Крыжановского в Оренбург мелкие стычки между войсками России и Бухары переросли в крупное сражение в урочище Ирджар. В этом сражении (8 мая 1866 г.) бухарская армия во главе с эмиром потерпела полное поражение, понесла значительные потери и была вынуждена бежать.

Немедленно вслед за этим Романовский занял важные пункты, прикрывавшие доступ в Ферганскую долину, — город Ходжент и крепость Нау. Его нимало не смущало, что они принадлежали не Бухарскому ханству, с которым велась война, а Коканду, фактически прекратившему борьбу после падения Ташкента. Впрочем, уже «ирджарское дело», инициатором которого был Романовский, показало, что он продолжает активную экспансионистскую политику своего предшественника и эти стремления находят полную поддержку в высших правительственных кругах{603}. В Петербурге и Оренбурге закрывали глаза на противоречивый характер сообщений военного губернатора Туркестанской области, мотивировавшего! свой поход на Ходжент и Нау стремлением к «точнейшему исполнению видов правительства, желающего избегать завоеваний и ограничиваться лишь такими военными действиями, которые для спокойствия края, принятого под покровительство России, и для поддержания нашего достоинства в Средней Азии крайне необходимы»{604}.

Романовский теперь настаивал на включении Нау и Ходжента в состав Российской империи, ссылаясь на «отказ» правителей Бухары и Коканда от прав на эти пункты при условии заключения мира. В Петербурге отдавали отчет в вынужденном характере этих «отказов», и военный губернатор Туркестанской области делал упор на большом стратегическом и торговом значении Ходжента{605}. Вместе с тем он предлагал начать мирные переговоры с ханствами, так как эмир освободил посольство Струве — Глуховского (оно в начале июня 1866 г. вернулось в Ташкент) и обещал немедленно отпустить всех русских купцов, задержанных в Бухаре.

После Ирджарского сражения Романовский предъявил эмиру предварительные условия мира. Они

предусматривали признание Бухарским ханством всех территориальных захватов России в Средней Азии и проведение границы по Голодной степи и пустыне Кызылкум; уравнение пошлин, взимавшихся [224] с русских товаров в ханстве, с пошлинами, какими облагались бухарские товары в России; обеспечение безопасности и свободы передвижения русских купцов в Бухаре; выплату военной контрибуции.

Как подчеркивал военный губернатор Туркестанской области, он специально включил пункт с требованием контрибуции, чтобы в случае необходимости заменить его любым другим условием{606}.

Так как Крыжановский сохранил прерогативы ведения окончательных мирных переговоров со среднеазиатскими ханствами, то после посещения Петербурга и совещаний с высшей сановной знатью он значительно расширил программу экспансионистских действий, включив в нее военные походы на Бухару и Коканд.

«Побив эмира так, как вы его побили, — писал Крыжановский Романовскому, — надо от него всего требовать, не уступая ему ни в чем». В отношении Коканда он предлагал «принять... тон высокий, третировать Худояр-хана как человека, который по положению своему должен быть вассалом России. Если обидится и будет действовать против нас, тем лучше, это даст предлог покончить с ним»{607}.

17 августа 1866 г. Крыжановский приехал в Ташкент для осуществления намеченных захватнических планов. Вскоре после его приезда было официально провозглашено включение в состав Российской империи всех занятых земель — не только Ташкента, но и зачирчикских районов, Ходжента, Нау и др.

Оренбургский генерал-губернатор потребовал от бухарского эмира присылки уполномоченного для переговоров о мире. В начале сентября посол согласился принять все условия, но просил лишь исключить пункт о выплате контрибуции. Это было использовано Крыжановским в качестве предлога для начала военных действий. Еще до окончания переговоров (5 сентября 1866 г.) Крыжановский писал Милютину, что выступает в поход против Бухары{608}. 13 сентября он предъявил послу явно невыполнимей ультиматум: в десятидневный срок выплатить крупную контрибуцию (100 тыс. бухарских тилл). 23 сентября царские войска вторглись в пределы Бухары и вскоре штурмом заняли важные крепости — Ура-Тюбе, Джизак и Яны-Курган.

Добившись успехов в борьбе с более слабым противником, Крыжановский отбыл в Оренбург. Русские войска вышли на подступы к Самарканду. [225]

Тем временем из Индии в Россию направилось посольство полузависимого от англичан княжества Индур, расположенного в центральной части полуострова Декан. Индурская миссия, выехавшая летом 1866 г., к концу года через Лахор, Пешавар, Кабул, Бамиан, Балх добралась до бухарского города Карши. Здесь она была задержана местными властями, отобравшими почти все ее документы. Лишь главе миссии удалось сохранить письмо к русским властям. Оно было написано симпатическими чернилами на листке чистой бумаги, а потому не привлекло внимания бухарских чиновников.

В июне 1867 г. глава миссии был отправлен из Карши в Самарканд. Вместе со сгонявшимися на войну ремесленниками и дехканами индурец участвовал в столкновении под Яны-Курганом 5 июля 1867 г., а при отступлении бухарских войск перешел в русский лагерь. Отсюда он был отправлен в Ташкент. Посланец оказался сыном главного министра княжества Индур — Гаухар-султана. Он заявил, что послан правителем Индура Мухаммед Гали-ханом, возглавляющим союз княжеств Индур, Хайдарабад, Биканер, Джодхпур и Джайпур.

По словам исполнявшего должность военного губернатора Туркестанской области Мантейфеля, индурец произвел на него впечатление «весьма смышленого человека

и начертил даже карту Индии и всего его пути до Ташкента»{609}, сообщив при этом, что в Индии распространились слухи о занятии Россией Самарканда, Бухары и всех земель вдоль Аму-Дарьи.

Рекомендуя посланца как особо доверенное и уполномоченное лицо, правитель княжества писал, что посылает его для установления дружественных отношений с Россией, поручая «состоять при русском военачальнике» для поддержания связи с Индуром, который, как гласило письмо, «до сих пор еще не подчинился англичанам»{610}.

Вместе с письмом посол представил и проект своеобразного договора между Россией и союзом перечисленных княжеств, правители которых обязывались по этому проекту дружелюбно принять «главнокомандующего русского со своими войсками» и не предоставлять убежища врагам России. Правительство Российской империи соответственно должно было обещать не вмешиваться во внутренние дела княжеств и возвращать бежавших оттуда преступников. «В случае надобности русских в войске и деньгах, — говорилось в этом проекте, — им позволяется брать у «ас и то, и другое, но в размере, сколько мы будем в состоянии дать им»{611}. [226]

Никаких конкретных результатов это посольство не имело. Собираясь в обратный путь, индурец просил Мантейфеля дать, ему ответное письмо для передачи правителю княжества. Осторожный Мантейфель отказался и заявил, что находит это «совершенно лишним и неуместным». Послу был выдан лишь документ, удостоверявший, что он был принят в Ташкенте русскими властными и возвращается на родину. В августе 1866 г. индурец через Ходжент, Коканд и Кашмир направился в Индию.

Так завершилось индурское посольство в Россию. Его прибытие еще раз подтвердило стремления индийских княжеств установить контакт с Российской империей для противодействия английской колониальной политике.

## Образование Туркестанского генерал-губернаторства

К 1867 г. обширные территории Средней Азии были включены в состав Российской империи. Для обсуждения проблемы административного устройства завоеванных районов был создан комитет под председательством Милютина в составе Крыжановского, Стремоухова, начальника Главного штаба Гейдена, непосредственных участников военных действий в Средней Азии — Черняева, Романовского и Воронцова-Дашкова, членов так называемой степной комиссии — Гирса, Гутковского, Гейнса, Проценко и др.

Несмотря на возражения Крыжановского, комитет решил изъять среднеазиатские владения из ведения оренбургских властей и образовать отдельное Туркестанское генерал-губернаторство, куда должны были войти две области: Сыр-Дарьинская и Семиреченская. Закон о создании новой административной единицы был принят 11 июля 1867 г.

Первым генерал-губернатором был назначен генерал-адъютант К. П. Кауфман. Он участвовал в военных действиях на Кавказе, был правителем канцелярии Военного министерства, а затем занимал должность виленского генерал-губернатора. Царским манифестом от 17 июля 1867 г. Кауфману были предоставлены неограниченные полномочия «к решению всяких политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и к подписанию трактатов, условий или постановлений», касающихся взаимоотношений России с этими странами{612}.

Перед ним была поставлена задача открыть прежде всего [227] «широкий и легко доступный путь нашей отечественной торговле и промышленности в глубь Средней Азии»{613}.

Кауфман стал настоящим хозяином в Туркестане. Недаром местные жители дали ему прозвище — «ярым-подшо» — полуцарь. Его подчиненный Н. П. Остроумов отмечал, что Кауфман своими распоряжениями «иногда даже предупреждал высшую правительственную власть, которой оставалось только соглашаться с его распоряжениями и утверждать их в законодательном порядке»{614}.

Этот неограниченный властелин выехал в Ташкент, получив задание максимально облегчить колониальное освоение занятых Россией среднеазиатских земель. Выполнение этого задания, отвечавшее интересам торгово-промышленных слоев империи, являлось одной из непосредственных целей царского правительства. «Зависимость самодержавия от буржуазии всея России...» — по выражению В. И. Ленина, — есть самая сильная материальная зависимость...»{615}

Предприниматели Российской империи продолжали проявлять большую заинтересованность в расширении среднеазиатской торговли и эксплуатации природных ресурсов Туркестана. Еще в апреле 1866 г. в связи с присылкой Черняевым из Средней Азии на этнографическую выставку 1867 г. коллекций образцов сельскохозяйственной продукции и промышленных изделий края в Москве было созвано объединенное заседание Московского общества сельского хозяйства и Общества любителей естествознания при Московском университете, посвященное экономическим ресурсам Туркестана. Оно вызвало огромный интерес: на нем присутствовало свыше 500 представителей различных отраслей промышленности и торговли, а также видные ученые. Выступивший на заседании президент Московского общества сельского хозяйства И. Н. Шатилов в докладе о природных богатствах и экономике Средней Азии подробно остановился на значении и перспективности развития с ней всесторонних связей. Он призвал «купечество и промышленников... докончить дело, начатое русским войском, ...и упрочить за Россией значение» в Азии{616}.

Крупные промышленники, банкиры и ученые — Д. П. Шипов, И. К. Бабст, Т. С. Морозов, М. Я. Киттары, Г. Е. Щуровский, С. А. Маслов и другие — настаивали, чтобы правительство обеспечило безопасность торговли, и постановили выразить [228] признательность М. Г. Черняеву «не только» за успешное руководство военными действиями, но и за «участие, которое он принимает в деле развития промышленности и торговли»{617}.

Специальное заседание было посвящено транспортным проблемам. Было решено отправить экспедицию для исследования местности между Каспийским и Аральским морями, где намечалось проложить торговую дорогу в Туркестан.

Расширение владений Российской империи в Средней Азии встретило одобрение у деловых кругов не только важнейшего торгового центра — Москвы, но и других городов. Уфимское городское собрание, например, в мае 1866 г. отправило Черняеву «благодарственный адрес», в котором отмечало значение «присоединения к России обширных и богатых природой областей, ...открытие новых, весьма значительных рынков для отечественной торговли», и присваивало в знак этого бывшему военному губернатору Туркестанской области звание почетного члена собрания{618}.

Много внимания уделяла развитию торговых связей со Средней Азией газета «Москва». Ее редактором-издателем был член известной семьи славянофилов И. С. Аксаков, близко стоявший к московскому купечеству. Эта газета, которая провозглашала, что в ней будет отведено «почетное место интересам русской промышленности и торговли»{619}, призывала закрепить за Россией господство на среднеазиатских рынках.

Газета в частности предостерегала от учреждения в Бухарском ханстве английского консульства. Вслед за

консулом, отмечала «Москва», в ханства приедут британские торговцы и предприниматели, «и тогда нетрудно предвидеть, что станет с этим драгоценным, по невозможности встретить нам еще теперь конкуренцию, рынком»{620}.

Использование рынков Средней Азии для русской торговли находилось под пристальным и неослабным наблюдением влиятельного «Общества для содействия русской промышленности и торговли». Одним из стимулов его создания являлось стремление торгово-промышленных кругов России противодействовать пропаганде фритредерства, которую вели в правительственных кругах во второй половине 60-х годов XIX в. (в связи с подготавливавшимся пересмотром таможенного тарифа) английский консул в Петербурге Митчел и экономист Де Молинари. Инициаторами образования общества для защиты интересов отечественных предпринимателей были крупный лесопромышленник В. Ф. Громов, представитель кяхтинского [229] купечества в Петербурге И. А. Носков, известный, в то время заводчик и общественный деятель А. П. Шипов, петербургский городской голова Н. И. Погребов. Устав общества был утвержден 17 ноября 1867 г.{621}.

Члены общества, среди которых находились лица, связанные с политикой царизма в Туркестане и со среднеазиатской торговлей (Н. П. Игнатьев, ставший впоследствии, в 1883 г., почетным членом общества, Ю. А. Гагемейстер, А. И. Глуховской, А. А. Шавров и др.), много времени и энергии уделяли изучению торговых путей в Среднюю Азию{622}. Они детально изучали проблемы, связанные с занятием побережья Красноводского залива и с созданием там русской торговой фактории, и даже интересовались возможностью повернуть течение Аму-Дарьи из Аральского в Каспийское море для использования этой реки в качестве водной транспортной магистрали.

Еще в 1866 г., в самый разгар военных действий между Российской империей и Бухарским ханством, крупный делец А. Хлудов отправил свои товары в Бухару и очень выгодно продал их{623}. В 1867 г. большая партия товаров была направлена из Ташкента в Кокандское ханство, а торговые дома Хлудовых, Кривошеина и другие готовились к посылке новых караванов в Бухару.

Освоение соседних рынков постоянно находилось в центре внимания царских властей в Туркестане. Основное положение в докладе, составленном в канцелярии туркестанского генерал-губернатора, гласило: «Проникнувшись важностью такого дела, как развитие русской торговли в Средней Азии, администрации областей (Сыр-Дарьинской и Семиреченской. — Н. Х.) должны содействовать купцам, одобрять и отмечать наиболее энергичных представителей русского купечества, быстро и безо всяких проволочек исполнять все, в чем купечество может нуждаться от властей, — одним словом, добросовестно и от души содействовать развитию нашей торговли»{624}.

В докладе подчеркивалось, что целью торговой политики царского правительства в Средней Азии является максимальное развитие торговых оборотов купечества Российской империи, «чтобы русские товары проникали на азиатский материк как можно южнее и восточнее». [230] Это нашло прямое отражение в практической деятельности Кауфмана сразу же после его приезда в Ташкент.

По специальному указанию туркестанского генерал-губернатора, была создана комиссия по устройству ярмарки в Ташкенте{625}. В 1868 г. Кауфман обратился с большой речью к «именитым людям» Ташкента, носившей своего рода программный характер. Он сделал исторический экскурс в недавнее прошлое торгово-политической жизни Средней Азии, особо подчеркнув, что ханы и беки отбирали у местных торговцев в свою пользу «все ценное и хорошее», с чем купцы «возвращались из Ирбита, Нижнего, Петропавловска и Троицка». «Богатые люди, — продолжал Кауфман, — подвергались, по капризу высших властей, опасности быть повешенными или зарезанными потому только, что они были богаты». Генерал-

губернатор ссылался на проведенное уменьшение податей и налогов, особенно тех, которыми было обложено торговое сословие{626}. Он призывал к развитию экономических связей с остальной частью страны.

Прибыв в Ташкент, Кауфман отказался признать мирный договор, который Крыжановский еще до образования отдельного Туркестанского генерал-губернаторства подписал в Оренбурге с бухарским послом. По условиям этого соглашения наложенная на Бухару контрибуция отменялась, а крепость Яны-Курган (близ Самарканда) возвращалась эмиру. Кауфман возражал против отказа от контрибуции и предлагал провести русско-бухарскую границу западнее, чем это было предусмотрено договором. По его приказанию был подготовлен и отправлен эмиру Музаффару новый проект.

Царское правительство готовилось к решительной войне против Бухары. Чтобы обеспечить свой тыл и закрепить зависимое от России положение Кокандского ханства, Кауфман в январе 1868 г. добился принятия Худояр-ханом торгового договора. Этот договор предоставлял русским купцам все те льготы и привилегии, которые царское правительство долго пыталось обеспечить за собой. В частности устанавливались фиксированные пошлины на ввозимые товары в размере 2,5% их стоимости. Так же как кокандским купцам в России, русским торговцам гарантировались свободное и безопасное пребывание в ханстве, проезд в любую его часть и организация здесь складочных пунктов (караван-сараев). В Коканде разрешалось пребывание русских торговых агентов.

Договор 1868 г. фактически превращал Кокандское ханство [231] в контролируемый царским правительством рынок сбыта русских товаров и источник сырьевых ресурсов{627}.

Добившись осуществления своих целей в отношении Кокандского ханства, царское правительство уделило все внимание утверждению господства над Бухарой.

Положение в Бухарском ханстве было очень напряженным. Уже в первой половине 1868 г. в Бухаре и Самарканде, как в свое время и в Ташкенте, определились две группировки среди господствовавших кругов ханства. Бухарское духовенство и феодальная верхушка требовали от эмира решительных действий против России. Они делали ставку на старшего сына эмира Абдулмалика, по прозвищу Катта-тора, обвиняя Музаффара в слабости и вялости. Опираясь на многочисленных учеников мусульманских религиозных училищ, духовенство издало фетву (указ) о «священной войне» — газавате против Российской империи.

Противоположную позицию занимало бухарское купечество, торговые и ремесленные слои Бухары и Самарканда. Заинтересованные в развитии экономических связей, они стремились к быстрейшему урегулированию конфликта.

В борьбе этих группировок победа оказалась на стороне более могущественного духовенства и феодальной аристократии. В апреле 1868 г. возглавляемые эмиром бухарские войска вышли к р. Зеравшан, оставив в тылу у себя Самарканд. С востока туда подошли царские отряды под командованием Кауфмана. Эмир требовал возвращения Джизака и других занятых царскими войсками городов, а туркестанский генерал-губернатор настаивал на принятии Бухарским ханством договора об отказе от территориальных претензий и на выплате значительной контрибуции.

Царь и Военное министерство одобрили наступательный план действий, предложенный Кауфманом{628}.

1 мая 1868 г., ссылаясь на то, что эмир не отвел свои войска от Зеравшана в глубь бухарской территории, туркестанский генерал-губернатор отдал приказ о форсировании реки. В тот же день бухарская армия отступила. Русские войска без сопротивления овладели Самаркандом, откуда Кауфман послал донесение Александру II о взятии города{629}.

Преследуя эмира, царские войска 11 мая 1868 г. заняли г. Ургут, а через пять дней — Катта-Курган, последний крупный [232] город на подступах к столице ханства Бухаре. 2 июня 1868 г. на Зирабулакских высотах, между Катта-Курганом и Бухарой, произошло решающее сражение, в котором бухарские отряды потерпели поражение. Дорога на столицу ханства была открыта, но народное восстание в Самарканде, где Кауфман оставил небольшой гарнизон, заставило его повернуть обратно на выручку осажденного в городе русского отряда.

Впрочем, это не оказало существенного влияния на дальнейший ход событий. Бухарское ханство было вынуждено капитулировать. 23 июня 1868 г. между Российской империей и Бухарой был заключен мирный договор. Бухарское правительство официально признало вхождение Ходжента, Ура-Тюбе и Джизака в состав Российской империи. Русским подданным предоставлялось право свободной торговли и учреждения торговых агентств в ханстве, проезда через его территорию в другие государства, а также гарантировалась безопасность личности и имущества. Царское правительство добилось принятия эмиром пункта о выплате 500 тыс. руб. контрибуции. Для; обеспечения выплаты оно объявило о временной оккупации Самарканда и Катта-Кургана, из районов которых был образован Зеравшанский округ (в составе Самаркандского и Кат-та-Курганского отделов){630}.

С Самаркандом — повторилось то же, что и с Ташкентом: длительное время между различными правительственными учреждениями России шла оживленная переписка по вопросу о судьбе этого города и всего Зеравшанского округа. Кауфман, поддерживаемый Милютиным, настойчиво добивался полного и окончательного включения округа в Туркестанское генерал-губернаторство. Он ссылался на экономическое и военно-политическое значение Самарканда, в частности на то, что через Самарканд протекала р. Зеравшан, снабжавшая водой столицу ханства. Это, по мнению Кауфмана, автоматически ставила Бухару в зависимое положение от России{631}.

В противовес этому представители Министерства иностранных дел, продолжая свою линию оглядки на реакцию Британской [233] империи, доказывали, что Бухарское ханство и без того поставлено под полный контроль царского правительства, что «дополнительные», «ненужные» аннексии вызывают лишние дипломатические осложнения{632}.

Этот вопрос не имел существенного значения. Уже в результате территориальных аннексий и неравноправных договоров, навязанных Кокандскому и Бухарскому ханствам в 1868 г., царское правительство добилось полного господства над обширными землями Средней Азии и подчинения своему контролю двух наиболее крупных и богатых ханств.

Успехи политики царизма были с удовлетворением встречены влиятельными политическими и торгово-промышленными кругами Российской империи. «Русский вестник», откликаясь на события, происшедшие в 1864–1868 гг. в Средней Азии, подчеркивал, что они «возбуждают все больший и больший интерес»; в журнале отмечалось, что перспективы развития отечественной промышленности и торговли определяются тем, «в какой мере мы сумеем приурочить к себе обширные и многолюдные рынки непосредственно прилегающие ко вновь завоеванным землям»{633}. В деловых сферах считали, что утверждение в Средней Азии укрепит внутриэкономичеекое положение и усилит торговые позиции России в Азии.

В 1868 г., таким образом, был завершен важный этап политики царского самодержавия в Средней Азии: закрепившись в ее центральных районах, оно после этого смогло уделить больше внимания Хивинскому ханству, овладению восточным побережьем Каспийского моря и всей Туркменией, развитию торгово-политических связей с Китаем, особенно с его западной провинцией Синьцзяном.

В период обострившегося соперничества колониальных держав, усилившейся борьбы за рынки сбыта и источники сырья, а затем и за сферы приложения капитала, перед Средней Азией было всего два пути: оказаться в составе Российской империи или быть поглощенной Англией — непосредственно или косвенно, через находившиеся в значительной степени под контролем британских колонизаторов соседние отсталые феодальные государства Востока.

Англо-русское соперничество в Средней Азии завершилось, победой России. [234]

## Заключение

В 1864–1868 гг. большая часть Средней Азии вошла в состав Российской империи (Южный Казахстан, Северная Киргизия, Ташкентский и Самаркандский оазисы). Крупнейшие среднеазиатские ханства — Кокандское и Бухарское — были вынуждены признать свою вассальную зависимость от царского правительства. Подчинение Россией остальных районов Средней Азии стало лишь делом времени.

В результате присоединения к России Средней Азии там несравненно более быстрыми темпами двинулось вперед развитие капиталистических отношений, несмотря на упорное стремление царизма законсервировать в ханствах отсталый феодальный уклад. В Средней Азии прокладывались железные дороги, возникали предприятия для первичной обработки сырья, развивалась добыча полезных ископаемых. Все это, естественно, приводило к росту производительных сил страны и развитию местного пролетариата.

Было отменено рабство, прекращены межфеодальные войны. Началось серьезное всестороннее изучение географических условий и природных ресурсов Средней Азии.

Все это положительные явления. Их перечень можно было бы продолжить. Не они, однако, составляют основное, определяющее при характеристике прогрессивного значения присоединения Средней Азии к России. Ведь подобные мероприятия проводили и британские правящие круги в своих колониях, чтобы улучшить условия выкачки оттуда денежных средств и сырья. Основное, определяющее при оценке прогрессивного значения включения народов Средней Азии в состав Российской империи заключается в том, что они — помимо воли и желания царизма — «вступили в общение с русским

народом, русским рабочим классом — могучей революционной силой»{634}.

Хотя на эту тему за последние годы написано несколько [235] специальных монографий (особенно историками среднеазиатских республик) и она в той или иной форме затрагивается почти во всех работах, посвященных истории Средней Азии в новое и новейшее время{635}, на некоторых сторонах этого вопроса необходимо остановиться подробно.

Присоединение Средней Азии к России завершило длительный процесс их тесного и взаимно выгодного экономического общения. Средняя Азия была включена в общерусский рынок, что положительно сказалось на ее хозяйственном развитии.

Советские историки обоснованно считают, что присоединение к английским колониальным владениям явилось бы величайшим злом для народов Средней Азии.

Переход под владычество британских колонизаторов лишил бы народы Средней Азии той важнейшей перспективы, какую они приобретали, сближаясь с русским народом и другими народами России. Дело было, конечно, не в том, что царизм был хуже или лучше английского империализма. В. И. Ленин ставил обе эти системы на одну доску, хотя и подчеркивал, что «русские империалисты были представителями старого времени и душить, как следует, не умели...», а представители английской и американской буржуазии «душить умеют и душат до конца»{636}.

Дело было в специфике общей обстановки в Российской империи, в специфике политических и экономических отношений между народными массами метрополий и колоний, в территориальном соседстве русского народа с народами окраин.

Жители Индии не видели у себя простых людей Англии — рабочих или крестьян. Из метрополии приезжали «белые господа» — чиновники, дельцы, представители технической интеллигенции. «В Индию едут не представители трудящейся Англии, а лишь отпрыски владеющих и господствующих классов последней, — писал дореволюционный русский историк Д. Сатурин, — едут за тем, чтобы «владеть и править» сотнями миллионов безответных индусов, которых слепая судьба отдала в их безжалостные руки. Они приезжают туда в качестве чиновников, [236] банкиров, фабрикантов и купцов и, наживши миллионы и выслуживши княжеские пенсии, возвращаются на свою северную родину...»{637}.

Вся история Индии в колониальный период не знает случаев, когда бы англичанин работал батраком на какой-нибудь плантации или чернорабочим на фабрике в колонии. Этого бы не допустили английские власти из опасений дискредитации «господства белых» и всей системы британского колониального владычества.

Проводившаяся в Англии в течение многих десятилетий пропаганда расистской идеи о «белом господине» и «коричневом (черном, желтом и т. д.) рабе» глубоко проникла и в среду сравнительно широких слоев населения метрополии. «...Даже английские рабочий и фермер в какой-то степени подпали под ее влияние и несмотря на подчиненное положение у себя на родине испытывали гордость владельцев и властелинов. Тот же рабочий или фермер, приехав в Индию, неизбежно был бы причислен здесь к правящему классу», — писал Джавахарлал. Неру{638}.

В середине XIX в. английская буржуазия твердо перешла к системе «свободной торговли» и превратила свою страну в гигантскую «мастерскую мира», «мировую фабрику», извлекая, громадные сверхприбыли. Британские капиталисты смогли достичь такого положения главным образом потому, что они выкачивали грандиозные материальные средства из своих колоний, в первую очередь из Индии.

Это давало британским господствующим слоям широкую возможность для подкупа определенной части пролетариата. Так была создана рабочая аристократия, в

дальнейшем поддерживавшая хищническую политику британского колониализма. Это ослабляло остроту классовых противоречий и классовой борьбы в стране, способствовало стабилизации определенной консервативности английского пролетариата. «Так называемая свобода английских граждан основана на угнетений-колоний» — писал Ф. Энгельс К. Марксу 23 мая 1856 г.{639}. Через два года К. Маркс с горечью отмечал: «...английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта наиболее буржуазная из всех наций, повидимому, хочет, в конце концов, иметь на-ряду с буржуазией буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат. Для нации, которая эксплуатирует весь мир, это и в самом деле является до известной степени естественным»{640}. [237]

На протяжении всего XIX в. господствующие классы Англии, которые проявляли чрезвычайную гибкость в укреплении своей власти, старались «приручить» рабочий класс Англии, заразить его колониальным шовинизмом.

Эти явления на империалистической стадии развития капитализма отмечал В. И. Ленин. «Класс неимущих, но не трудящихся, не способен ниспровергнуть эксплуататоров. Только содержащий все общество класс пролетариев в силах произвести социальную революцию. И вот, широкая колониальная политика привела к тому, что европейский пролетарий отчасти попадает в такое положение, что не его трудом содержится все общество, а трудом почти порабощенных колониальных туземцев. Английская буржуазия, напр., извлекает больше доходов с десятков и сотен миллионов населения Индии и других ее колоний, чем с английских рабочих. При таких условиях создается в известных странах материальная, экономическая основа заражения пролетариата той или другой страны колониальным шовинизмом»{641}.

В. И. Ленин решительно и последовательно разоблачал колониальный шовинизм, призывая к его искоренению и созданию единого антиимпериалистического фронта пролетариата метрополий и трудящихся колоний. На втором конгрессе Коммунистического Интернационала в 1920 г. В. И. Ленин приводил слова члена Британской социалистической партии Квелча о том, что «рядовой английский рабочий счел бы за измену помогать порабощенным народам в их восстаниях против английского владычества. Верно, — продолжал В. И. Ленин, — что настроенная джингоистски и шовинистически рабочая аристократия Англии и Америки представляет собой величайшую опасность для социализма и сильнейшую опору II Интернационала, что здесь мы имеем дело с величайшей изменой со стороны вождей и рабочих, принадлежащих к этому буржуазному Интернационалу»{642}.

Итак, историческая действительность свидетельствует, что определенная часть английского народа, рабочего класса Англии в течение длительного времени была заражена колониальным шовинизмом и непосредственно заинтересована в эксплуатации трудящихся масс колоний Британской империи.

Было бы неверно говорить на основании изложенного об особой реакционности английского народа в целом. В. И. Ленин отмечал, что «в каждой национальной культуре есть, хотя [238] бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры»{643}.

Это ленинское положение о двух нациях в каждой буржуазной нации, о двух национальных культурах в каждой буржуазной национальной культуре вскрывает сущность политической обстановки в Англии во второй половине XIX — начале XX в. В этой стране буржуазная идеология господствовала над пролетарской, была

значительно сильнее «элементов демократической и социалистической» идеологии.

Политически, экономически и территориально английский пролетариат был отделен от далеких заморских территорий, где десятки и сотни миллионов жителей Индии, Цейлона, Бирмы, Малайи и других стран испытывали жесточайший колониальный гнет. Порабощенные британскими империалистами колониальные массы в своей освободительной борьбе не могли рассчитывать на помощь трудящихся Англии, на заимствование опыта революционного движения английского пролетариата, ибо это движение имело в те годы очень ограниченные размеры.

Все это приводит к важному выводу, что в системе Британской империи не было предпосылок для создания объединенного фронта народных масс метрополии и колоний в борьбе против капиталистической эксплуатации.

* * *

Во второй половине XIX в. в Россию постепенно начал перемещаться центр мирового революционного движения. С этим периодом совпало присоединение Средней Азии к Российской империи.

На положении в русском Туркестане отражались революционные события, которые переживала вся страна. В Среднюю Азию, как и на другие окраины государства, наряду с сатрапами, царскими чиновниками, искателями легкой наживы, «господами ташкентцами», приезжала российская беднота. Нищие крестьяне из Воронежской, Харьковской, Рязанской, [239] Владимирской и других губерний пытались обрести здесь клочок земли для пропитания. Многие, так и не найдя этого клочка, становились батраками у местных баев, разделяя горькую участь узбекских, таджикских, казахских и иных бедняков. Служба русского батрака у местного богатея не вызывала ничьего удивления и не рассматривалась в России как подрыв колониальной политики. Высокопоставленные царские сановники задумывались даже над тем, «не следует ли особыми мерами организовать приток сюда русских рабочих», хотя и полагали, что подобная мера «не произведет хорошего морального впечатления на азиатской окраине»{644}.

По мере развития железнодорожного строительства, местной промышленности, разработок месторождений полезных ископаемых в Среднюю Азию потянулись русские трудящиеся. Они устраивались на хлопкоочистительные заводы, многие из которых принадлежали местным промышленникам{645} — Муминбаевым, Азимбаевым, Ходжаевым, Вадьяевым, Потеляховым и др., на нефтяные промыслы, на строительство дорог и трудились здесь рука об руку с представителями коренного населения. В процессе совместного труда крепла дружба русского народа с трудящимися окраин России, расширялось взаимопонимание между ними, цементировался боевой союз, проявившийся с такой силой в годы революционной борьбы с царизмом, капиталистами и помещиками.

Немалое значение также имела деятельность прогрессивной интеллигенции, революционных демократов, народовольцев. В противовес мракобесам, реакционерам, колонизаторам в стране существовали и активно боролись представители «другой» России — демократы, сторонники коренных преобразований, друзья и единомышленники В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.

Среди непосредственных участников военно-политических и дипломатических действий Российской империи в Средней Азии были лица, придерживавшиеся прогрессивных взглядов. Так, например, Н. В. и Я. В. Ханыковы сочувствовали петрашевцам; их брат А. В. Ханыков (вместе с А. В. Спешневым) в кружке Петрашевского был самым решительным сторонником крестьянской революции. По свидетельству Н. Г.

Чернышевского, А. В. Ханыков стоял за ликвидацию крепостнических отношений революционным путем и резко критиковал [240] утверждавшийся в России капиталистический строй{646}. Н. В. Ханыкова чувство протеста против российской действительности, в конечном итоге, вынудило эмигрировать во Францию.

Выдающийся путешественник-исследователь Н. А. Северцов горячо сочувствовал народам Средней Азии, ратовал за более гуманное отношение к «инородцам», призывал к улучшению условий их жизни. Северцов выступал с разнообразными проектами экономического развития Средней Азии{647}.

Политические взгляды Н. А. Северцова характеризует подготовленная им докладная записка о крестьянских волнениях в Оренбургской и Самарской губерниях в 1859 г., т. е. еще до отмены крепостного права. «Глухое беспокойство, брожение умов в ожидании возвещенных, частью вытребованных (! — Н. Х.) общим мнением реформ, — писал он, — неудовольствие масс, тяготящихся порядком вещей, уже явно отживших и несостоятельных, — объясняют и легкое распространение беспорядков и, так сказать, эпидемический их характер»{648}.

Такое же понимание нужд и чаяний простых людей проявлял Н. А. Северцов во время своих путешествий по Туркестану и многочисленных поездок по казахским и киргизским селениям. Он, в частности, настаивал на том, чтобы в Средней Азии земли для переселенцев из России выделялись не за счет местного населения. Северцов всегда по достоинству отмечал заслуги сопровождавших его узбеков, таджиков, казахов или киргизов.

Взгляды русских демократических кругов отражали известный путешественник по Востоку Г. Н. Потанин, сосланные царским правительством в Среднюю Азию петрашевцы Р. Черносвитов и поэт А. Н. Плещеев, который участвовал во взятии Ак-Мечети в 1853 г. Прогрессивные идеи оказали безусловное воздействие и на начальника Аральской флотилии А. И. Бутакова, которому еще в 1850 г. был сделан «строжайший выговор за упущения по наблюдению за рядовым Шевченко»{649}. «Упущения» Бутакова выразились в том, что он, зная о царском запрете Тарасу Шевченко писать и рисовать, поручил ему составление «гидрографических видов», а также оказывал «всяческое послабление». [241]

Такие примеры можно было бы значительно расширить{650}. Царское правительство не смогло воспрепятствовать проникновению в Среднюю Азию демократических идей. Прогрессивные мыслители Туркестана были хорошо знакомы с выдающимися произведениями русской классической литературы и популяризовали ее среди своих соотечественников. Характерным примером является перевод казахским просветителем Абаем Кунанбаевым на родной язык романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Подчеркивая близость русского и казахского народов, выдающийся казахский ученый, общественный деятель и мыслитель Чокан Валиханов писал: «Мы... связаны с русскими историческим и даже кровным родством». Он писал далее о судьбах миллионов людей — казахов, «которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно...»{651}.

Крупные ученые, философы и писатели народов Средней Азии — Ахмади Дониш, Мукими, Фуркат, Завки, Отар и другие — испытывали большое влияние демократических традиций лучших слоев русского народа. Это также способствовало сближению народов России, созданию прочной основы в их борьбе с реакционными силами.

Народные массы Средней Азии видели не только царских сатрапов, но могли близко познакомиться и с представителями прогрессивной России, деятельность которых несмотря на их классовую принадлежность содействовала укреплению взаимопонимания между народами империи.

Само собой разумеется, что складывавшийся постепенно «союз низов» Российской империи приобретал значительно более прямые и четкие формы в результате непосредственного общения русского пролетариата и беднейшего крестьянства с трудящимися массами Туркестана (как и других окраин страны), однако нет оснований недооценивать значения и роли деятельности передовых людей России в этом благородном деле.

Сближение интересов эксплуатируемых масс протекало параллельно с образованием «блока верхов», блока царизма, русских капиталистов и помещиков с эксплуататорскими слоями национальных меньшинств государства. [242]

Классовая борьба в Российской империи носила в этот период исключительно острый характер. 27 сентября 1877 г. К. Маркс писал Зорге, что Россия «давно уже находится накануне переворота; все элементы для этого уже готовы …Революция начнется на этот раз на Востоке…»{652}.

Как бы в ответ на это точное предсказание, в России стали, возникать политические организации пролетариата: в 1875 г. — «Южно-Российский союз рабочих», а в конце 1878 г. — «Северный союз русских рабочих». В стране начали создаваться марксистские группы и кружки, объединенные в 1895 г. в Петербурге В. И. Лениным в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Образование в 1898 г. Российской социал-демократической рабочей партии явилось переломным пунктом в истории не только русского, но и мирового социалистического движения.

Характернейшей особенностью деятельности демократических и социалистических организаций России было то, что они не стремились отгородиться от народов окраин, национальных меньшинств огромной империи, а, наоборот, всячески старались вовлечь их в совместную борьбу с царским самодержавием, с русскими и национальными капиталистами, помещиками и феодалами. Руководимая В. И. Лениным РСДРП разработала единственно правильную марксистско-ленинскую программу разрешения национально-колониального вопроса, рассматривая его как неотъемлемую часть общей освободительной борьбы пролетариата.

Своеобразие исторической роли великого русского народа, русского пролетариата заключается в том, что только в России в результате огромной работы лучших сынов и дочерей народа, объединенных в марксистско-ленинскую партию, требование о равноправии наций, об их праве на самоопределение и самостоятельное существование исходило от партии рабочего класса господствующей нации.

Царскому самодержавию не удалось разложить революционный русский пролетариат, отравить его национальным шовинизмом, разобщить с эксплуатируемыми слоями национальных меньшинств. Русские рабочие и крестьянская беднота, переселявшиеся на окраины, передавали местному населению опыт политической борьбы. В Средней Азии работали сосланные и приехавшие сюда революционеры-большевики В. Д. Корнюшин, М. В. Морозов, В. В. Быховский, Н. В. Шумилов и др. Они распространяли здесь ленинскую «Искру», агитационные издания туркестанских организаций РСДРП. В Средней Азии на активную борьбу против царского самодержавия выступили воинские части. [243] Все это укрепляло союз русского пролетариата с трудящимися национальных меньшинств, обусловливало их совместные действия против царизма и в революции 1905–1907 гг.{653} и в 1917 г.

Простой русский народ не был заражен расистской «идеологией господ». Он подвергался такой же эксплуатации со стороны русской буржуазии, помещиков и их государственного аппарата, как и так называемые инородцы. Русские рабочие и крестьяне в своей массе не ощущали никакого «превосходства» над родственными им по классу тружениками — узбеками, таджиками, казахами, туркменами, киргизами, каракалпаками.

Джадиды и другие буржуазные националисты и реакционеры стремились разжечь среди народов Туркестана

враждебные чувства, ненависть к другим народам России, в первую очередь к русскому. Они старались оклеветать русский народ, приписать ему вину за страдания, какие пришлось выносить народам Средней Азии, попавшим в колониальное ярмо царизма.

Это было явной подтасовкой фактов, искажением исторической действительности. Выступая 23 июля 1959 г. в Москве на митинге, посвященном возвращению советской партийно-правительственной делегации из Польши, Н. С. Хрущев отмечал: «Но кто же был повинен в страданиях народов, кому это было нужно? Стремился ли русский крепостной крестьянин завоевать польские земли? Легче ли становилось российскому пролетарию от того, что те, кто его угнетал, одновременно угнетали и польский народ? Или, быть может, польский трудящийся был заинтересован в подневольном труде украинцев и белорусов? Разумеется, ни русскому трудовому народу, ни польскому трудовому народу все это не приносило ничего хорошего... Правящие классы царской России эксплуатировали русский народ не менее жестоко, чем поляков, а польские земельные магнаты выжимали пот из десятков тысяч своих земляков с той же алчностью, с какой они делали это на Украине и в Белоруссии»{654}.

Это положение вполне может быть применено и к Средней Азии. Н. С. Хрущев указывал на необходимость «иметь очень хорошее зрение, чтобы за многими событиями, выступавшими на исторической поверхности, суметь разглядеть самое важное — классовую, социальную сущность этих явлений»{655}.

В Российской империи, по сравнению с Британской империей, [244] классовая дифференциация была значительно более резко выражена, чем национальная. Царское правительство широко и активно поддерживало бухарского эмира и хивинского хана, грабивших узбеков, таджиков, туркмен, старательно охраняя феодалов от гнева, эксплуатируемых масс (вплоть до применения военной силы).

Вместе с тем дискриминационная политика царизма в отношении национальных меньшинств, «инородцев» в подавляющем большинстве случаев не воспринималась, а тем более не использовалась в личных интересах русскими трудовыми слоями. Трудящиеся России в отличие от довольно широких кругов английского народа не пользовались никакими выгодами от колониальной политики, не сочувствовали этой политике и не поддерживали ее.

Это облегчало создание классового союза угнетенных масс Российской империи, независимо от их национальной принадлежности, направленного против общего врага, независимо от его национальности, будь ли это русский царь, капиталист, помещик или бухарский эмир, грузинский феодал, украинский магнат.

Боевой союз эксплуатируемых масс всех национальностей России, который настойчиво сплачивался членами ленинской коммунистической партии, привел к победе трудящихся в 1917 г.

Подобно тому как трудящиеся национальных меньшинств окраин Российской империи участвовали в борьбе русского народа против ига царского самодержавия, капиталистов и помещиков, так и русский народ и другие народы страны в 1920 г. помогли труженикам Бухарского и Хивинского ханств свергнуть господство местной феодальной знати.

Присоединение среднеазиатских народов к России, сближение их с русским и другими народами нашей Родины неизмеримо ускорило проведение социалистической революции в Средней Азии. В этом важнейшее прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России.

Этого величайшего события в жизни среднеазиатских народов не произошло бы в такой короткий срок, если бы они были подчинены Британской империи.

* * *

1857–1868 гг. были периодом перехода России на капиталистический путь развития, когда появлялись новые заводы и фабрики, расширялась внешняя и внутренняя торговля. Однако рост капиталистических отношений сдерживался наличием [245] в стране феодально-крепостнической системы, .а после отмены крепостного права в 1861 г. — ее пережитков. В этих условиях особое значение приобретало развитие капитализма вширь. Внешняя политика государства была призвана обеспечить присоединение к Российской империи новых территорий. Царизм, потерпев поражение в борьбе со своими западноевропейскими соперниками — Англией и Францией за господство на Балканах и Ближнем Востоке, уделил основное внимание Центральной Азии, в частности, Средней Азии.

Господство Российской империи в Средней Азии обеспечивало монопольное положение русских капиталистов на важных рынках сбыта и источниках сырья и создавало предпосылки для расширения фабрично-заводской промышленности. Присоединение среднеазиатских земель предотвратило их захват сильнейшим конкурентом России — Великобританией.

Исследование секретнейших для того времени документов царского правительства свидетельствует, что оно не имело никаких планов и стремлений к «походу на Индию», а тем более к овладению этой британской колонией. Развернутая правящими кругами Англии пропагандистская кампания о «русской угрозе Индии» на деле должна была замаскировать и обосновать активную политическую и экономическую экспансию самой Британской империи в Средней Азии.

Внешняя политика России в этом районе в рассматриваемое время может быть разбита на два этапа: 1) всесторонняя разведка обстановки в Средней Азии, попытки установить здесь свое господство дипломатическим путем (1857–1863); 2) широкое военное наступление (1864–1868), которое привело к присоединению значительной части Средней Азии к Российской империи.

Во многих случаях царизм подчинял эти территории насильственным путем, военной силой. Однако в ряде районов Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркмении местное население, возмущенное жесточайшей феодальной эксплуатацией, всевозможными обложениями и поборами кокандских властей, зачастую открыто выступало на стороне русских войск. Яркий пример тому — поведение населения Икана в 1865 г., участие казахских и киргизских отрядов в военных действиях России против Коканда. Даже в городах «собственно» Кокандского и Бухарского ханств (в первую очередь в крупных торговых центрах Ташкенте и Самарканде) имелись довольно сильные и влиятельные сторонники русской ориентации — прежде всего среди купечества, связанного торговыми интересами с Россией.

Присоединение Средней Азии к России, несмотря на захватнические, колонизаторские цели царизма, имело объективно [246] прогрессивное значение. Прогрессивным было начавшееся здесь развитие капиталистических отношений, несмотря на отрицательные и мрачные стороны капитализма{656}. Но основное в прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России заключалось в том, что среднеазиатские народы были включены в государство, где исключительно остры были социальные, классовые противоречия, где быстрыми темпами шло революционизирование пролетариата, в государство, лучшие люди, передовые слои которого считали эксплуатируемые трудовые массы (вне зависимости от национальной принадлежности) своими союзниками в борьбе за светлое будущее против царизма и помещиков, панов и князей, эмиров и баев.

## Библиография

Абаза К. К., Завоевание Туркестана, СПб., 1902.

Абаковский, Краткий исторический очерк торговли России с Северо-Западным Китаем, Омск, 1886.

«Автобиография Абдур.рахман-хана, эмира Афганистана», т. 1–2, СПб., 1901.

Алекторов А. Е., История Оренбургского края, Оренбург, 1883.

Амин-и-Бухари, Мир Мухаммед. Убийдулла-наме, пер. с тадж., Ташкент, 1957.

Аминов А. М., Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России, - «Звезда Востока», Ташкент, 1955, № 10.

Аминов А. М., Экономическое развитие Средней Азии со второй половины XIX столетия до первой мировой войны, Ташкент, 1959.

Аполлова Н. Г., Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века, Алма-Ата, 1948.

Аргайль[ский], Ответственность Англии в Восточном вопросе. Факты, и воспоминания за сорок лет, пер. с англ., СПб., 1908.

Бабков И. Ф., Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 г. Разграничение с Западным Китаем 1869 г., СПб., 1912.

Бекмаханов Е. Б., Присоединение Казахстана к России, М., 1957. [Беллью] «Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873–74 г.», пер. с англ., СПб., 1877.

Березин И., Об учреждении Азиатской компании в начале нынешнего столетия, - «Вестник промышленности», т. X, М., 1860, № 12.

Бернштам А. Н., Проблемы истории» Восточного Туркестана, - «Вестник древней истории», 1947, № 2. [Бетгер Е. К.] «Дневные записки плавания А. И. Бутакова на шхуне «Константин» для исследования Аральского моря в 1848–1849 гг.», Ташкент, 1953.

«Биография М. Г. Черняева. Очерк истории Ташкента», [б. м.], [б. г.].

Бларамберг И. Ф., Журнал, веденный во время экспедиции для обозревания восточных берегов Каспийского моря в 1836 году, - «Записки Русского географического общества», СПб., 1850, кн. IV.

Бларамберг И. Ф., Историческая записка о прибрежных туркменских поколениях со времени вступления их в сношение с русским правительством, - «Записки Русского географического общества», 1850, кн. IV.

Бларамберг И. Ф., Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагана, - «Записки Русского географического общества», 1850, кн. IV.

Богданов М. Н., Обзор экспедиций и естественно-исторических исследований в Арало-Каспийской области с 1720 по 1874 г., СПб., 1875.

Боде К., О туркменских поколениях, - «Записки Русского географического общества», 1842, кн. II.

Бондаревский Г. Л., Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток, Ташкент, 1955. [Борис А.] «Путешествие в Бухару», ч. 1–3, пер. с англ., М., 1848–1849.

Брагинский И. С., Раджабов С., Ромадин В. А., К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России, - «Вопросы истории», 1953, № 8.

Бродовский М., Колониальное значение наших средне-азиатских владений для внутренних губерний, М., 1891.

Бунаков Е. В., К вопросу о политических связях России с Восточным Туркестаном в правление Якуб-бека (1865–1877 гг.), — «Бюллетень АН УзССР», 1945, № 5.

Бунаков Е. В., К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. — «Советское востоковедение», т. II, М. — Л., 1941.

Бунге Н. Х., Общий оборот внешней торговли, торговый баланс и таможенные пошлины первостепенных держав в XIX столетии, — «Русский вестник», М., 1867, № 10–11.

Бутаков А., Эпизод из современной истории Средней Азии, - «Отечественные записки», 1875, ноябрь.

Бутыркин В., Самый удобный путь для развития морской торговли на Каспие и торговли с Средней Азией, - «Морской сборник», 1864, № 9.

Бушев П. П., Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг., М., 1959.

Бушуев С. К., Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–70 годы XIX века), М., 1955.

Быков Г., Английский рабочий класс во второй половине XVIII века и в первой половине XIX века, - «Борьба классов», М., 1933, № 2.

Быков Е., Беглый рассказ о медленном путешествии в Ташкент и несколько светлых мыслей о темной стороне нашего положения в Средней Азии, — «Военный сборник», СПб., 1869, № 4.

В., Русский Туркестан, — «Русская мысль», М., 1890, кн. 11. [Валиханов Ч. Ч.] «Сочинения Чакана Чингисовича Валиханова», — «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XXIX, [б. г.].

Валиханов Ч. Ч., Статьи. Переписка, Алма-Ата, 1947.

Вальская Б. А., Путешествия Егора Петровича Ковалевского, М., 1956.

Вамбери А., Путешествие по Средней Азии, М., 1874. [Вартенбург] «Рост России в Азии», Ташкент, 1900.

Вахидов А. П., Политические взгляды просветителей народов Средней Азии второй половины XIX в., - «Советское государство и право», 1955, № 7.

Вельяминов-Зернов В. В., Исторические известия о Коканском ханстве, от Мухаммеда-Али до Худаяр-Хана, - «Труды Восточного отделения археологического общества», ч. II, СПб., 1856.

Вельяминов-Зернов В. В., Сведения о Коканском ханстве, - «Вестник. Русского географического общества», 1856, ч. 18. [Венюков М. И.] «Из воспоминаний М. И Венюкова», т 1–3 Амстердам, 1895.

Венюков М., Общий обзор постепенного расширения русских пределов в Азии и способов обороны их, - «Военный сборник», 1872, № 2.

Венюков М., Опыт военного обозрения русских границ в Азии, СПб., 1873.

Венюков М., Очерк географических исследований в Азиатской России, — «Военный сборник», 1877, № 7.

Венюков М., Очерки Заилийского края, СПб., 1861.

Венюков М. И., Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россией и Индией, - «Сборник государственных знаний», т. 3, СПб., 1878.

Венюков М. И., Поступательное движение России в Средней Азии, - «Сборник государственных знаний», т. 3, СПб., 1877.

Венюков М. И., Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них, СПб., 1868. [Венюков М. И.] «Россия и Восток. Собрание географических и политических статей М. Венюкова», СПб., 1877. [Верещагин В. В.] «Самарканд в 1868 г. Из воспоминаний художника В. В. Верещагина», - «Русская старина», СПб., 1888, № 9, 11, 12. Вернадский И. В., Политическое равновесие и Англия, М., 1855. [Веселовсвий Н. И.] «Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881», СПб., 1887.

Веселовский Н. И., Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае, СПб., 1894.

Веселовский Н. И., Новые материалы для истории Коканского ханства, — «Журнал Министерства народного просвещения», ч. CCXLVIII, 1886, ноябрь.

Веселовский Н. И., Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего, СПб., 1877.

Веселовский Н., Поездка Н. И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 году под видом купца Хорошева, СПб., 1909.

Вессель Н. Х., Стратегия и торговля, - «Исторический вестник», СПб., 1885, июль.

«Взятие Ташкента», — «Военный сборник», 1865, № 9.

«Водворение русской власти в Средней Азии», — «Военный сборник», 1868, № 8–9.

Водопьянов В., Оренбуржцы в Туркестане, - «Военно-исторический сборник», Пг., 1915, № 2–4; 1916, № 1–2.

Вучетич Н. Г., Воспоминание о М. Г. Черняеве, - «Исторический вестник», 1913, апрель.

Гагемейстер Ю. А., Взгляд на промышленность и торговлю России, - «Русский вестник», 1857, № 1.

Гагемейстер Ю., Об увеличении сбыта русских произведений за границу. Мысли по поводу Лондонской всемирной выставки, - «Журнал Министерства государственных имуществ», 1852, ч. XLII, XLIII.

Г[агемейстер Ю. А.], О торговом значении Средней Азии в отношении к России, - «Русский вестник», 1862, № 10.

Галкин М. Н., Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПб., 1868.

Гафуров Б. Г., История таджикского народа в кратком изложении. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., т. I, изд. 3, М., 1955.

Гейнс А. К., О восстании мусульманского населения или дунганей в Западном Китае, - «Известия Русского географического общества», т. II, СПб., 1866. [Гейнс А.] «Железные дороги в Среднюю Азию. Сборник статей и проектов по проведению железных дорог в Среднюю Азию. С 23.III — 1854 по 27. V — 1874 гг.», [б. м.], [б. г.].

Гельмерсен Г., Хива, в нынешнем своем состоянии, - «Отечественные записки», т. 8, 1840, разд. 2.

Гиббинс Б. и Сатурин Д., История современной Англии, СПб., 1901.

Гиндин И. Ф., К вопросу об экономической политике царского правительства в 60–80-х годах XIX века, - «Вопросы истории», 1959, № 5. [Глуховекой А. М.] «Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии», СПб., 1867.

«Государственные финансы России накануне реформы 1861 года», — «Исторический архив», 1956, № 27. [Григорьев В. В.] «О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухара», Казань, 18&1.

Григорьев В. В., О русских интересах в подвластных нам оседлых странах Средней Азии, - Газ. «Москва», 1867, № 23, 24, 32 53, 54.

Григорьев В. В., Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости, - «Записки Русского географического общества», 1861, кн. II. [Григорьев В. В.] «Проект товарищества для развития торговли России с Средней Азией», - Газ. «Народное богатство», 1863, № 40.

Григорьев В. В., Разбор сочинения «Очерки торговли России с Среднею Азиею» П. Небольсина, - «Отчеты о XXV присуждении Демидовских наград», СПб., 1856.

Григорьев В. В., Русская политика в отношении к Средней Азии, — «Сборник государственных знаний», т. 1, СПб., 1874.

Гримм Э., Основы афганской политики Англии, - «Новый Восток», 1929, № 26–27.

Грулев М., Соперничество России и Англии в Средней Азии, СПб., 1909.

Губаревич-Радобыльский А. Х., Значение Туркестана в торговле России с сопредельными странами, - «Материалы для изучения хлопководства», вып. II, СПб., 1912. [Данилевский Г. И.] «Описание Хивинского ханства», - «Записки Русского географического общества», 1851, кн. V.

Данилова Е. Н., «Завещание» Петра Великого, - «Труды Историко-архивного института», т. 2, М., 1946.

Джамгерчинов Б. Д., Важный этап из истории киргизского народа. К столетию присоединения Киргизии к России, Фрунзе, 1957.

Джамгерчинов Б. Д., К вопросу о присоединении Киргизии к России, - «Известия Киргизского филиала АН СССР», вып. VII, Фрунзе, 1947.

Джамгерчинов Б. Д., Присоединение Киргизии к России, М., 1959.

«Договоры России с Востоком, политические и торговые», СПб., 1869.

Долинский Д., О путях сообщения России с Средней Азией, - «Экономист», СПб., 1859, кн. 2.

Долинский Д., О средствах к устранению экономических и финансовых затруднений в России. Статьи и заметки, касающиеся этого предмета, СПб., 1871.

Д[олгорук]ой Дм., Пять недель в Кокане, - «Русский вестник», 1871, № 1.

Дружинин М. Н., В страну туркмен и узбеков, Л., 1927.

Думай Л. И., Аграрная политика цинского (манчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века, М. — Л., 1936.

Думай Л. И., Биянху - вождь дунганского восстания 1862–1577 гг., — «Записки института востоковедения АН СССР», т. VII, 1939. [Дюгамель А. О.] «Автобиография А. О. Дюгамеля», — «Русский архив», 1885, кн. 2.

Ерофеев Н. А., Колониальный вопрос в политической жизни Англии 30–40-х годов XIX в., - «Ученые записки по новой и новейшей истории», вып. II, 1956. [Жигарев С.] «Русская политика в Восточном вопросе (её история в XVI — XIX веках, критическая оценка и будущие задачи)», т. I. М., 1896.

Жуковский И., Азия, - «Библиотека для чтения», т. 128, СПб., 1854, разд. III — IV.

Жуковский С. В., Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, Пг., 1915.

Зайончковский А. М., Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой, т. 1–2, СПб., 1908.

Зайончковский П. А., Военные реформы 1860–1870 годов в России, М., 1952.

Зайончковский П. А., Архив Д. А. Милютина, - «Вопросы истории», 1946, № 5–6.

Зайцев В. Н., История 4-го Туркестанского линейного батальона с 1771 по 1882 год, как материал к описанию движения русских в Среднюю Азию, Ташкент, 1882. [Залесов Н. Г.] «Записки Н. Г. Залесова», - «Русская старина», 1903, № 4–10.

Залесов Н., Письмо из степи, - «Военный сборник», 1858, № 8.

Залесов Н., Письмо из Хивы, - «Военный сборник», 1859, № 1.

Залесов Н., Письмо из Бухары, - «Военный сборник», 1860, № 4. [Залесов Н. Г.] «Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году», - «Русский вестник», 1871, N° 2–3.

Захаров С., Маркс и Энгельс о некоторых вопросах истории Англии, о — «Историк-марксист», 1940, № 10.

Зиновьев М. А., Осада Ура-Тюбе и Джизага. (Воспоминания об осенней экспедиции 1866 года в Туркестанской области), - «Русский вестник», 1868, № 3, 4, 6.

Зиссерман А. Л., Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879, т. 1–3, М., 1891.

Зыков С., Очерк утверждения русского владычества на Аральском море и реке Сыр-Дарье с 1847 по 1862 год, - «Морской сборник», 1862, № 6.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана, СПб., 1829.

Иванин М. И., Хива и река Аму-Дарья, - «Морской сборник», 1864. № 8–9.

Иванов Д. Л., Очерк военных действий в Средней Азии, с 1847 до 1869 года. Материалы для истории Хивинского похода 1873 года, вып. II, Ташкент, 1881.

Иванов Д., Туркестанские походы, - «Военный сборник», 1873, № 3, 4, 5, 7, 9, 10.

Иванов П. П., Казахи и Кокандское ханство (к истории их взаимоотношений в начале XIX в.), - «Записки института востоковедение АН СССР», т. VII, 1939.

Иванов П. П., Очерки по истории Средней Азии (XVI - середина XIX в.), М., 1958.

Игнатьев Н., Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева, СПб., 1897.

Идаров С. А., Значение Индии в политике России с Турцией и Англией, - «Русский вестник», 1884, № 6.

«Из воспоминаний о походе под Самарканд в 1868 г.», — «Военный сборник», 1885, № 1.

Искандаров Б. И., Из истории Бухарского эмирата, М., 1958.

«История дипломатии», т. 1–3, М. — Л., 1941–1945.

«История Казахской ССР». С древнейших времен до Октябрьской социалистической революции, т. I, Алма-Ата, 1957.

«История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1956, кн. 2.

«История русской экономической мысли», т. I. — Эпоха феодализма 1800–1861 гг., М., 1958, ч. 2.

«История Туркменской ССР». С начала XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции, т. I, Ашхабад, 1957, кн. 2.

«Казенный турист», Заметки о Бухаре и ее торговле с Россией, - «Современник», 1864, № 11–12.

Каменский Г., Англия - страшный соперник России в торговле и промышленности, - «Вестник промышленности», т. I, 1859, № 2. [Катенин А. А.] «А. А. Катенин (Биографические данные и копии из бумаг бывшего видного государственного деятеля, особенно на среднеазиатском военном фронте)», - «Военно-исторический сборник», 1915, № 3, 4; 1916, № 1, 2.

«Кауфманский сборник», М., 1910.

Кафаров Палладий, О торговых путях по Китаю и подвластным ему владениям, - «Записки Русского географического общества», 1850. кн. IV.

Килевейн Е. Я., Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид Мухаммед-хана. 1856–1860, - «Этнографический сборник», вып. 5, 1862.

Кисляков Н. А., Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана, Сталинабад — Ленинград, 1941.

Клейнборт Л., Русский империализм в Азии, СПб., 1906. [Ковалевский Е.] «Путешествие в Китай Е. Ковалевского», СПб., 1853.

Ковалевский Е. П., Собрание сочинений, т. 1–5, СПб., 1871–1872.

Ковалевский Е. П., Странствователь по суше и морям, кн. 1–2, СПб., 1843.

Ковалевский П., Встречи на жизненном пути. Егор Петрович Ковалевский, - «Исторический вестник», 1882, февраль.

Кокорев В., Взгляд русского на европейскую торговлю, М., 1857.

Кокорев В. А., Экономические провалы по воспоминаниям с 1837 г., СПб., 1887.

Корнилов А. А., Общественное движение при Александре II 1855–1881, М., 1909. [Костенко Л. Ф.] «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности», СПб., 1871. [Кошелев А. И.] «Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы)», Берлин, 1884.

Крестовский В., В гостях у эмира бухарского. Путевой дневник, - «Русский вестник», 1884, № 2, 3, 5–8. [Кривошеин] «Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 году», СПб., 1919.

Кун А., Очерк Коканского ханства, - «Известия Русского географического общества», т. XII, 1877.

Куропаткин А. П., Очерки Кашгарии, СПб., 1878.

Кушева Е. П., Об одной дореволюционной публикации документов по истории Средней Азии, - «Проблемы источниковедения», сб. III, М. — Л., 1940.

Кушева Е. П., Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX века, - «Исторический сборник», вып. 3, Л., 1934.

Лаврентьев В., Капитализм в Туркестане. (Буржуазная колонизация Средней Азии), Л., 1930.

Ламздорф В. М., Дневник. 1891–1892, М. — Л., 1934.

Левин Ш. М., Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века, М., 1958.

Лежан, Русские в Средней Азии, — «Записки для чтения», 1867, кн. 10–11.

Ленд Р., Исследования в Восточной Персии и в Хератском владении СПб., 1868.

Лобачев П., Возникновение промышленных кризисов капитализма и первые кризисы в России в 1847–57 г., Саратов, 1940.

Лобысевич Ф. И., Описание Хивинского похода 1873 г., СПб., 1898.

Лобысевич Ф. И., Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях, СПб., 1900.

Логофет Д. Н., Бухарское ханство под русским протекторатом т 1–2 СПб., 1911.

Логофет Д. Н., Страна бесправия. (Бухарское ханство и его современное состояние), СПб., 1909. [Любимов Н. А.] «М. Н. Катков и его историческая заслуга. По документам и личным воспоминаниям Н. А Любимова», СПб., 1889.

Лыко М., Очерк военных действий 1868 года в Зарявшанской долине, - «Военный сборник», 1871, № 5–8.

Львов И., Завоевание Туркестана, - «Русский вестник», 1868, № 7.

Лященко П. И., История народного хозяйства СССР, т. I, М., 1947.

М. С., Николай Владимирович Ханыков (некролог), — «Вестник Европы», 1878, № 12.

Макшеев А. И., Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае, - «Записки Русского географического общества по отделению статистики», т. II, 1871.

Макшеев А. И., Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских, СПб., 1890. [Макшеев А. И.] «Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю А. Макшеева», СПб., 1896.

Маркус, Выписка из дел о видах и распоряжениях нашего правительства относительно восточного берега Каспийского моря, [б. м.], [б. г.].

Мартене Ф. Ф., Император Николай I и королева Виктория, - «Вестник Европы», 1896, № 11.

Мартене Ф. Ф., Россия и Англия в Средней Азии, СПб., 1880.

Масальский В. И. Хлопковое дело в Средней Азии (Туркестан, Закаспийская область, Бухара и Хива) и его будущее, СПб., 1892.

Маслов А. Н., Россия в Средней Азии. (Очерк наших новейших приобретений), — «Исторический вестник», 1885, май.

«Материалы Для описания Хивинского похода 1873 г.», вып. V, Ташкент, 1881.

«Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М. — Л., 1939.

«Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию», СПб., 1869.

«Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.)», М., 1951. [Мейендорф] «Статистический взгляд на Бухарию», - «Северный архив», 1826, октябрь, № 19, 20.

Мендельсон Л. А., Экономические кризисы и циклы XIX века, М., 1949. [Меньков П. К.] «Записки Петра Кононовича Менькова», т. 1–3, СПб., 1898.

«Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.)», М., 1951.

«Мировые экономические кризисы. 1848–1935», т. 1–3, М., 1937–1939.

Мороховец Е. А., Крестьянская реформа 1861 г., М., 1937.

Мортон А. Л., История Англии, пер. с англ., М., 1950.

Муминов И., Из истории общественной и философской мысли Узбекистана конца XIX и начала XX века, Самарканд, 1949. [Муравьев П.] «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819–1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров», ч. 1–2, М., 1822.

Мухамеджанов А., Характеристика основных изданных источников по взаимоотношениям Бухарского ханства с Россией в 20–50-х годах XIX в. (Автореферат), Ташкент, 1955.

Мухаммед Юсуф мунши, Муким-ханская история, пер. с тадж., Ташкент, 1956.

Мушкетов И. В., Туркестан, СПб., 1906.

Н. В., Коканское ханство по новейшим известиям, - «Военный сборник», 1869, № 7.

Назаров П., Воспоминания о степном походе с ханства Хиву и Бухару, - «Военный сборник», 1864, № 4. [Назаров Ф.] «Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии», СПб., 1821. [Наливкин В.] «Краткая история Кокандского ханства», СПб., 1886.

«Народное восстание в Индии. 1857–1859 гг. Сборник статей к столетию восстания», М., 1967.

Нарочницкий А. Л., Колониальная политика капиталистических держа» на Дальнем Востоке. 1860–1895, М., 1956.

Нарочницкий А. Л., Русские документальные публикации по вопросам, внешней политики России и международных отношений нового времени, изданные до 1917 года, - «Исторический журнал», 1945, № 1–2.

«Наша китайская торговля», СПб., 1868.

«Наши соседи в Средней Азии: Хива и Туркмения», СПб., 1873.

Неболсин Г. П., Статистическое обозрение о внешней торговле России, ч. 1–2, СПб., 1850.

Неболсин Г. П., Статистические записки о внешней торговле России, ч. 1–2, СПб., 1835.

Небольсин П. И., Очерки торговли России с Средней Азией, — «Записки Русского географического общества», 1855, кн. X.

Неведенский С., Катков и его время, СПб., 1888.

Нейманн К., Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах, пер. с нем., М., 1848.

Неру Дж., Открытие Индии, пер. с англ., М., 1955. [Нессельроде К. В.] «Записка канцлера графа К. В. Нессельрода о политических соотношениях России», - «Русский архив», 1872, кн. 2. [Нессельроде К. В.] «Всеподданнейший отчет министра иностранных дел графа Нессельрода, за 25 лет царствования императора Николая I», — «Сборник Русского исторического общества», т. 98, СПб., 1896.

Нигматов Т. Н., Характеристика основных изданных источников по взаимоотношениям Хивинского ханства с Россией в 20–50-х годах XIX века. (Автореферат), Ташкент, 1955. [Никитенко А. В.] «Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетелем в жизни был». Записки и дневник (1826 — /877) А. В. Никитенко», т. 1–2, СПб., 1893.

Никитников Ф., Нужен ли консул в Бухаре, - Газ. «Москва», 1867, № 96.

Носков И. А., О сухопутной торговле с Китаем, СПб., 1871.

«О возмущениях, бывших в Дзюнгарии и Малой Бухарин», — «Сибирский вестник», ч. 3, 4, СПб., 1823.

«Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии», — «Записки Русского географического общества», 1849, кн. III.

«Обозрение промышленности и торговли», — «Вестник промышленности», т. XI, 1861, № 2.

«Общий очерк Киргизской степи», — «Военный сборник», 1865, № 12.

Омелин Н. Е., Из истории колонизации Средней Азии царской Россией, - «Научные записки Ташкентского финансово-экономического института», Ташкент, 1948, № 3. [Остроумов Н.] «Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова», Ташкент, 1899.

«Отчет о деятельности высочайше утвержденного Общества для содействия русской промышленности и торговле с 1867 по 1892 г.», — «Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле», ч. 22, СПб., 1893.

«Отчеты о действиях Хорасанской экспедиции», — «Вестник Русского географического общества», 1859, ч. 25; 1860, ч. 28.

«Очерк распространения русского владычества в Средней Азии в 1847 — |1862 гг.», — «Морской сборник», 1862, № 6. [П. М. К.] «Русское знамя в Средней Азии», - «Исторический вестник», 1899, апрель — май.

П. Р., Из путевых записок о Нарыне и Кашгаре, - «Военный сборник», 1870, № 7, 8. [Пашино П. И.] «Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки П. И. Пашино», СПб., 1868.

Перцев В. Т., Экономическое развитие Англии в XIX в., Минск, 1924.

«Письмо адмирала Бутакова к князю А. И. Барятинскому с заметками М. Г. Черняева», — «Русский архив», 1899, № 11.

Пичугин П., Вторжение коканцев в Алатавский округ в 1860 году, - «Военный сборник», 1872, № 5.

Погребинский А. П., Экономическое развитие Англии в эпоху промышленного капитализма, М., 1947.

Покровский С. А., Внешняя торговля и внешняя торговая политика России, М., 1947.

Покровский С. П., Международные отношения России и Бухары в дореволюционное время и при советской власти - до национального размежевания среднеазиатских республик, Ташкент, 1927. [Полторацкий В. А.] «Воспоминания В. А. Полторацкого», - «Исторический вестник», 1893, январь — октябрь; 1895, январь — июль.

Попов А. Л., Борьба за среднеазиатский плацдарм, - «Исторические записки», 1940, № 7.

Попов А. Л., Внешняя политика русского царизма в XIX веке в «кривом зеркале» М. Н. Покровского, - «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. II, М. — Л., 1940.

Попов А. Л., Из истории завоевания Средней Азии, - «Исторические записки», 1940, № 9.

Попов А., От Босфора к Тихому океану, - «Историк-марксист», 1934, № 3. [Потанин] «Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина (1830 года)», - «Вестник Русского географического общества», 1865, кн. VI.

Предтеченский А. В., Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века, М. — Л., 1957.

Пясковский А. В., К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России, - «Вопросы истории», 1959, № 8.

Пясковский А. В., Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа - важнейшее прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России, - «Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России», Ташкент, 1959.

Пясковский А. В., Революция 1905–1907 гг. в Туркестане, М., 1958.

Р., История сношений Англии с Афганистаном, рассказанная англичанином, - «Русский вестник», 1879, № 7.

Раджабов 3. Ш., Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX в., Сталинабад, 1957.

Раджабов С., К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом, Сталинабад, 1954.

Раджабов С., Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии, Ташкент, 1955.

Рашидов Ш., Навеки вместе с русским народом (О прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России), - «Коммунист», 1959, № 10.

Ресалэ-и-Якуби, Воспоминания о Якуб-беке кашгарском Камиль-хана-ишана, - «Историк-марксист», 1940, № 3.

Риттер К., Землеведение. География стран Азии, находящихся в непо-

средственном сношении с Россией, Восточный или Китайский Туркестан, вып. 1–2, СПб., 1869, 1873. Риттер К., Иран, ч. I, СПб., 1874.

Риштия С. К., Афганистан в XIX веке, пер. с перс., М., 1958. Робертс Кандагарский, Сорок один год в Индии. От субалтерна до главнокомандующего. СПб., 1902.

Рожкова М. К., Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия, М. — Л., 1949.

Романовский Д. И., Заметки по средне-азиатскому вопросу, СПб., 1868. «Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки», вып. 3, СПб., 1872.

Руир, Англо-русское соперничество в Азии в XIX в., пер. с фр., М., 1924.

Рябинский А. М., История колониального порабощения Бухарского ханства царской Россией, - «Труды Военно-политической ордена Ленина академии Красной Армии им. В. И. Ленина», сб. 4, М. — Л., 1940.

Рябинский А. М., Царская Россия и Бухара в эпоху империализма, - «Историк-марксист», 1941, № 4.

Савельев П. С., Бухара в 1853 г., с присоединением известий обо всех европейских путешественниках, посещавших этот город до 1835 года включительно, СПб., 1836.

Самойлович А. Н., Отклики хивинской придворной хроники XIX в, на приезд английского майора Эббот, — «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова», Л., 1934.

«Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», т. 1, СПб., 1902.

Северцов Н. А., Заметка о наших среднеазиатских владениях, - «Слово», 1880, № 8.

Северцов Н. А., Месяц плена у коканцев, — «Русское слово», <1859, № 10.

Северцов Н. А., Путешествия по Туркестанскому краю, М., 1947.

Северцов Н. А., Сборник документов, Ташкент, 1958.

Семенов А. А., Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства, — «Труды Среднеазиатского государственного университета», вып. 1, Ташкент, 1929.

Семенов А., Покоритель и устроитель Туркестанского края генерал-адъютант К.. П. фон Кауфман I, — «Кауфманский сборник», М., 1910.

Семенов А., Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год, ч. I — III, СПб., 1859. [Семенов П. П.] «История полувековой деятельности Русского географического общества. 1845–1895», ч. I — III, СПб., 1896.

Семенов-Тян-Шанский П. П., Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг., М., 1948.

Симонова Л. Х., Рассказы очевидцев о завоевании русскими Самарканда и о семидневном сидении, - «Исторический вестник», 1904, сентябрь.

Синха Н. К., Банерджи А. Ч., История Индии, пер. с англ., М., 1954.

Скальковский К. А., Воспоминания молодости, СПб., 1906.

Скальковский К. А. Наши государственные и общественные деятели, СПб., 1890.

Скальковский К., Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной деятельности, т. 1–2, СПб., 1891.

Скрин А., Китайский Туркестан, Ташкент, 1911.

Скрин Ф. Г., Рост России с 1825 по 1900 г., пер. с англ., СПб., 1904.

Смирнов Н. А., Политика России на Кавказе в XVI — XIX веках, М., 1958.

«Современная летопись, — Газ. «Московские ведомости», 1866, № 10–11.

Стрельбицкий И., Земельные приобретения России в царствование императора Александра II с 1865 по 1881 год, СПб., 1881.

Стремоухов Н. П., Поездка в Бухару. (Извлечение из дневника), — «Русский вестник», 1875, № 6.

Субботин А. П., Россия и Англия на среднеазиатских рынках, СПб., 1885.

Сярковский Г., Воспоминания офицера о Туркестанских походах 1864–1865 гг., — «Военный сборник», ,1891, № 2, 3.

Тарасенко-Отрешков Н. И., Обзор внешней торговли России последних двадцати пяти лет, СПб., 1859.

Тарасов С. А., Очерк торговли с Западным Китаем, — «Журнал мануфактур и торговли», т. VI, 1859, кн. 4, отд. V.

Тарле Е., Английская политика от Крымской кампании до наших дней, — «Литературный современник», 1940, № 7.

Тарле Е., Англо-французская дипломатия и Крымская война, — «Военно-исторический журнал», 1940, № 4.

Тарле Е. В., Крымская война, т. 1–2, М. — Л., 1950.

Татаринов А., Семимесячный плен в Бухарии, СПб., 1867.

Татищев С. С., Внешняя политика императора Николая I. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны, СПб., 1887.

Татищев С. С., Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи, СПб., 1890.

Татищев С. С., Император Александр II, его жизнь и царствование, т. 1–2, СПб., 1911.

Терентьев М. А., История завоевания Средней Азии, т. 1–3, СПб., 1906.

Терентьев М. А., Как устранить соперничество англичан в Средней Азии? - «Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле», вып. II, СПб., 1873.

Терентьев М. А., Россия и Англия в борьбе за рынки, СПб., 1876.

Терентьев М. А., Россия и Англия в Средней Азии, СПб., 1875.

Терентьев М. А., Статистические очерки Среднеазиатской России, - «Записки Русского географического общества по отделению статистики», т. IV, 1874.

Терентьев М., Торговая политика Англии, — «Вестник Европы», 1874, № 9.

Терентьев М. А., Туркестан и туркестанцы, — «Вестник Европы», 1875, № 9–11. [Тернер Ф. Г.] «Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера», ч I — II СПб., 1910–11911.

Тернер Ф. Г., Движение внешней торговли России с 1853 по 1856 г., СПб., 1856.

Тихонов Д., Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане, — «Советское востоковедение», т. V, М. — Л., 1948.

Толбухов Е., Устроитель Туркестанского края, — «Исторический вестник», 1913, июнь.

«Торговые договоры России с Китаем», СПб., 1909.

Туманский А., На память 25-летия взятия Самарканда (1868–1893), СПб., 1893.

«Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Собрал полковник А. Г. Серебренников», т. 1–8, 17–22, Ташкент, 1912–1916.

Уальполь С., Иностранная политика Англии, СПб., 1885.

«Улучшение пароходства на Сыр-Дарье», — «Современная летопись», 1866, № 41.

Усманов К., Восстание в Кашгаре (1864 г.), — «Труды Московского института востоковедения», сб. 5, М., 1947.

Усманов К., Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне 1864 года, — «Вопросы истории», 1947, № 2.

Фадеев А., Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX столетии, — «Вопросы истории», 1951, № 9.

Фадеев А. В., О некоторых чертах внешней политики царской России в период разложения крепостнической системы, — «Вопросы истории», 1958, № 1.

Фадеев А. В., Россия и. восточный кризис 20-х годов XIX века, М., 1958.

Фань Вэнь-лань, Новая история Китая, т. I, пер. с кит., М., 1955.

Федоров М. П., Соперничество торговых интересов на Востоке, СПб., 1903,

Федченко А. П., Путешествие в Туркестан, т. I, СПб. — М., 1875.

Халфин Н. А., Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.), Ташкент, 1957.

Халфин Н. А., Британская экспансия в Средней Азии в 30–40 годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира, — «История СССР», 1958, № 2.

Халфин Н. А., Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в — начало XX в.), М., 1959.

Халфин Н. А., Некоторые вопросы международных отношений на Среднем Востоке в XIX веке в индийской историографии, — «Советское востоковедение», 1958, № 4. [Ханыков Н. В.] «Герат», — «Сборник географических, топографических л статистических материалов по Азии», вып. 16, СПб., 1885.

Ханыков Н., Описание Бухарского ханства, СПб., 1843. [Ханыков Я. В.] «.Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского Ханства, с их окрестностями, составленной д. ч. Я. В. Ханыковым», — «Записки Русского географического общества», 1851, кн. V.

Х[орошхи]н А. П., Весна 1858 года в Средней Азии. (Воспоминания казачьего офицера А. П. Х-на), — «Военный сборник», 1875, № 9.

Хромов П. А., Экономическое развитие России в XIX — XX веках 1800–1917, М., 1950. [Хрулев С. А.] «Записка о походе в Индию», — «Русский архив», 1882 № 5.

Хрулев С., Проект устава товарищества для развития торговли с Среднею Азиею, — «Промышленность. Журнал мануфактур и торговли», 1863, кн. 1.

Черкасов, Защита Самарканда в 1868 году, — «Военный сборник», 1870. № 9.

Черносвитов Р., Мысль об устройстве водяных путей в Среднюю Азию, — «Экономический указатель», вып. 45, 1857.

Чернышевский Н. Г., Дневник второй половины 1848 г. и первой половины 1849 г., — «Полное собрание сочинений», т. I, М., 1939.

Чернявский В. И., П. П. Семенов-Тян-Шанский и его труды по географии, М., 1955.

«Черняев М. Г., Султаны Кенисара и садык, - «Русский вестник 1889 № 8.

«Черняев. К туркестанским боевым юбилеям. (1865–1915)», — «Военный сборник», 1915, № 11–12; 1916, № 1.

Ч[ерняева] А., М. Г. Черняев в Средней Азии. На Сыр-Дарьинской линии (1857–59), — «Исторический вестник», 1915, июнь.

Ч[ерняева] А., Черняевский музей, — «Военно-исторический сборник», 1916, № 1. [Чихачев П.] «Записка о возможности осуществления Россией экспедиции в Индию», — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып, 23, 1886.

Чихачев П., О исследовании вершин Сыр и Аму-Дарьи и нагорной пло-

щади Памир, — «Записки Русского географического общества», 1849, кн. III.

Ш[еман]ский А., Туркестанские боевые юбилеи 1865–1915, — «Военно-исторический сборник», 1916, № 2–4; 1916, № 1–2.

Шепелев А., Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией. Материалы для истории Хивинского похода 1873 г., ч. I, Ташкент, 1879.

Шипов А. П., О значении внутренней и внешней торговли, М., 1861.

Шипов А. П., О средствах к устранению наших экономических и финансовых затруднений, СПб., 1866.

Шипов А. П., Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения для России, вып. 1–2, М., 1857–1858.

Штейнберг Е. Л., Английская версия о «русской угрозе» Индии в Х1Х — ХХ в., — «Исторические записки», т. 33, 1950.

Штейнберг Е. Л., История британской агрессии на Среднем Востоке, М., 1951.

Шубинский П. П., Очерки Бухары, СПб., 1892.

Юдин М. Л., Памяти М. Г. Черняева, — «Исторический вестник», 1914, сентябрь.

Юлдашев М., Ключи Ташкента, — «Звезда Востока», 1959, № 5.

Эвальд А. В., Воспоминания о К. П. фон-Кауфмане, — «Исторический вестник», 1897, октябрь.

Яковлев А. Ф., Экономические кризисы в России, М., 1955.

Яковлев Н., О так называемом «завещании» Петра Великого, — «Исторический журнал», 1941, № 12.

Янжул И., Исторический очерк русской торговли с Средней Азией, - «Московские университетские известия», 1869, № 5.

Aitchison C. U., A collection of treaties, engagements and sanads relating to India and neighbouring countries, vol. XIII, Calcutta, 1933.

Atkinson, Th. W., Oriental and Western Siberia: a narrative of seven years explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis steppes, Chinese Tartary, and part of Central Asia, London, 1858.

Bellew H. W., Afghanistan and the Afghans, London, 1879.

Bellew H. W., Journal of a political mission to Afghanistan in 1857, under major (now colonel) Lumsden; with an account of the country and people, London, 1862.

Beveridge A. J., The Russian advance, New York — London, 1904.

Boulger D. Ch., Central Asian questions. Essays on Afghanistan, China and Central Asia, London, 1885.

Boulger D., The life of Jakoob-Beg, London, 1878.

Burrows M., The history of the foreign policy of Great Britain, Edinbourgh — London, 1895.

Burslem R., A peep into Tourkistan, London, 1846.

«The Cambridge history of the British empire», Cambridge, vol. I, 1929; vol. II, 1940.

«The Cambridge history of British foreign policy, 1783–1919», vol. I — III, Cambridge, 1922–1923.

Capur A. Ch., Disraelis forward policy on the north-west of India, 1874–1877, — «The research bulletin ('arts) of the University of the Panjab», Panjab, 1951, N 4.

Chaudhuri M., Power-politics in Afghanistan, past and present, - «The modern review», vol. LXXXV, Calcutta, 1949, N 2.

Cpstin W. C., Great Britain and China (1833–1860), Oxford, 1937.

Curzon Q N., Persia and the Persian question, vol. 1–2, London — New York, 1892.

Curzon Q. N., Russia in Central Asia in 18S9 and the Anglo-Russian question, London — New York, 1889.

Datta K., The Indian movement of 1857–9 and its reaction abroad, — «The Journal of the Bihar research society», vol. XXXIX, pt 4, Patna, 1953, December.

Davis H. W. C., The Great game in Asia (1800–1844). The Ralleigh lecture on history. Read November 10, 1926. Proceedings of the British academy, 1926, London, p. 227–256.

Dobson G., Russia's railway advance into Central Asia, London — Calcutta, 1890.

Edwards H. S., Russian projects against India, London, 1858.

Fisher F. H., Afghanistan and the Central Asian question, London, 1878.

Fraser-Tytler W. K., Afghanistan. A study of political developments in Central Asia, London — Oxford, 1950.

Greaves R. L., Persia and the' defence of India 1884–1892. A study in the foreign policy of the third marquis of Salisbury, London, 1959.

«Hansard's parliamentary debates», vol. CXLIX, London, 1858.

Hellwald F., Die Russen in Zentralasien, Augsburg, 1878.

Hutton J., Central Asia: from the Aryan to the Cossack, London, 1875.

Kemp P. M,, Bharat - Rus. An Introduction to Indo-Russian contacts and travels from mediaeval times to the October Revolution, Delhi 1958.

Khanikoff N., Memoirs sur la partie meridionale de l'Asie Centrale, Paris, 1861.

Krahmer G., Die Beziehungen Russlands zu Persien, Leipzig, 1903.

Krahmer G., Russland in Mittel-Asien, Leipzig, 1898.

Lansdell H., Russian Central Asia including Kudja, Bokhara, Khiva and Men, vol. 1–2, London, 1885.

Lansdell H., Through Central Asia, London, 1887.

Lenczowsky G., Russia and the West in Iran. 1918–1948, Ithaca, 1949.

Lerch, P., Khiva oder Kharesm, seine historischen und geographischen Verhaltnisse, SPb., 1873.

Lilienthal A., There goes the Middle East, New York, 1957.

Lobanov-Rostovsky, Russia and Europe 1789–1825, Michigan, 1947.

Lobanov-Rostovsky A., Russia and Europe 1825 — /875, Ann Arbor, 1954.

Macmunn G., Afghanistan. From Darius to Amanullah, London, 1929.

Marvin Ch., Reconnoitring Central Asia, London, 1886.

Marvin Ch., The Russian advance towards India; conversation with Skobeleff, Ignatieff, London, 1882.

Menon K. S., The «Russian bogey» and British aggression in India and beyond, Calcutta, 1957.

Meyendorff G., Voyage d'Orenbourg a Boukhara, Paris, 1826.

Mollesworth W. N., The History of England -from the year 1830–1874, vol. 1–2, London, 1880.

Mosse W. E., England and the Polish insurrection of 1863, — «English history review», vol. 71, 1956, January.

Prasad B., The foundations of India's foreign policy, vol. I, 1860–1882., Bombay — Calcutta — Madras, 1955.

Panikkar K. M., Asia and the Western dominance. A survey of the Vasco de Gama epoch of Asian history 1498–1954, London, 1954.

Rawlinson H., England and Russia in the East, London, 1875.

Roberts of Kandahar, Forty one years in India, from subaltern to commander-in-chief, vol. I — II, London, 1897.

RonaldsKay, Earl of, The life-o-f lord Curzon, vol. 1–2, London, 1927.

Sykes P., A history of Afghanistan, vol. I — II, London, 1040.

Sykes P., A history of Persia, vol. I — II, 2-ed. London, 1921; 3 ed., 1938.

Trench F., THe Russo-Indian question, London, 1869.

Trevelyan G. M., British history in the nineteenth century and after (1782–1919), 2 ed., London, 1937.

Urquhart D., England, France, Russia and Turkey, London, 1834.

Urquhart D., Progress and present position of Russia in the East, London, 1838.

Urquhart D., Progress of Russia in the West, North and South, London, 1853.

Urquhart D., The portfolio; or a collection of state papers, etc., illustrative of the history of our own times, London, vol. 1–6, 1835–1837.

Urquhart D., The portfolio, new series, vol. 1–6, 1843–1844.

Walpole Sp., The history of 25 years (1856–1880), vol. 1–4, London — New York — Bombay.

Walsh W B , Russia and the Soviet Union. A modern history, Ann Arbor. 1958.

Wolff J., A narrative of a mission to Bokhara in the years 1843–1845. Edinbourgh — London, 1848.

**Перечень использованных архивных фондов**

Центральный государственный военно-исторический архив СССР: ф. 38 — «Департамент Генерального штаба»; ф. 67 — «А. Л. Данзас»; ф.400 — «Главный штаб»; ф. 401 — «Военно-ученый комитет»; ф. 431 — «Англия»; ф. 483 — «Военные действия в Средней Азии».

Архив внешней политики России; ф. «Главный архив Министерства иностранных дел», I — 1, I — 9; ф. «Посольство в Лондоне».

Центральный государственный исторический архив СССР (Москва): ф. 730 — «Н. П. Игнатьев»; ф. 959 — «В. А. Кокорев»; ф. 1722 — «Мраморный дворец».

Центральный государственный исторический архив СССР (г. Ленинград): ф. 40 — «Всеподданнейшие доклады по части торговли1 и промышленности и торговые договоры с иностранными государствами» (коллекция); ф. 101 — «Пароходное общество «Кавказ и Меркурий»»; ф. 853 — «В. В. Григорьев»; ф. 895 — «Н. А. Безак»; ф. 954 — «Кауфманы»; ф. 967 — «Г. А. Колпаковский»; ф. 1001 — «Неболсины»; ф. 107,2 — «Э. Э. Ухтомский»; ф. 1173 — «Особый комитет для рассмотрения предположений о торговых сношениях России с Азией».

Центральный государственный архив Военно-морского флота СССР:, ф. 283 — «Инспекторский департамент Морского министерства»; ф. 410 — «Канцелярия Морского министерства».

Центральный государственный исторический архив УзССР: ф. 1 — «Канцелярия туркестанского генерал-губернатора»; ф. 715 — «Подготовительные материалы к составленной полковником Серебренниковым публикации документов «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания»».

Архив Академии наук СССР: ф. 2 — «Архив Конференции Академии наук»; ф. 25 — «Н. В. Ханыков»; ф. 66 — «А. А. Бунге».

Архив Всесоюзного географического общества, ф. 1 — «Канцелярия Имп. Русского географического общества».

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей: ф. 169 — «Д. А. Милютин».

Государственный Исторический музей, Отдел письменных источников: ф. «М. Г. Черняев»; ф. «Н. И. Гродеков».

**Примечания**

Введение

{1} Под термином «Центральная Азия», употребляемом в данной работе, подразумевается географическая область, которая включает среднеазиатские ханства — Бухарское, Хивинское и Кокандское, западнокитайскую провинцию Синьцзян, Афганистан и северо-восточную провинцию Ирана — Хорасан.

{2} См «Библиографию»

{3} Если не считать отдельных работ М А Терентьева, В В Григорье Ева и Ю А Гагемейстера, посвященных развитию русской торговли со странами Азии

{4} А. Л. Попов, Внешняя политика русского царизма в XIX веке в «кривом зеркале» М. Н. Покровского, стр. 210–211.

{5} Критика эта не затрагивала принципиальных основ политики царского самодержавия на Востоке, а касалась лишь некоторых ее частностей.

{6} См. «Библиографию»

{7} См., например: Е. В. Тарле, Крымская война, т. 1–2, А. В. Фадеев, Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века; Г. Л. Бондаревский, Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток, а также другие исследования.

{8} А. Л. Нарочницкий, Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895; «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.)» и др.

{9} «Исторические записки», 1940, № 7.

{10} «Исторические записки», 1940, № 9.

{11} Сб. «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. II, стр. 210–390.

{12} «Советское востоковедение», т. II, М. — Л., 1941.

{13} «Исторический сборник», вып. 3, М. — Л., 1934.

{14} См. об этом работы А. В. Пясковского: «Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа...», стр. 56–131; «К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России», стр. 21–46.

{15} «История дипломатии», т. 2, 1945, стр. 26

{16} В. И. Ленин, О сепаратном мире, — Сочинения, т. 23, изд. 4, стр. 116.

{17} См., например: Е. Л. Штейнберг, Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX — XX вв; Е. Л. Штейнберг, История британской агрессии на Среднем Востоке, Н. А. Халфин, Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.)

{18} Ф. Энгельс, Внешняя политика русского царизма, - К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, изд. 1, стр. 34

{19} W. B. Walsh, Russia and the Soviet Union. A modern history.

{20} Историки других стран Запада посвятили этой теме крайне ограниченное число работ, написанных в основном по английским материалам. Ученые стран Востока, за исключением Индии, о чем ниже, не выступали с исследованиями по данному вопросу.

{21} См работы Д. Уркварта (D Urquhart): «England, France, Russia and Turkey»; «Progress of Russia in the West, North and South», «The portfolio; or a collection of state papers.», «The portfolio», new series, vol. 1–6

{22} H. Rawlinson, England and Russia in the East.

{23} G. N. Curzon, Persia and the Persian question.

{24} См. работы П. Сайкса (P. Sykes): «A history of Persia», vol. I — II; «A history of Afghanistan», vol. I — II.

{25} См.: Н. Яковлев, О так называемом «завещании» Петра Великого, стр. 129–133, Е. Н. Данилова, «Завещание» Петра Великого, стр. 103–270.

{26} A. Lilienthal, There goes the Middle East, p. 17, 125

{27} W. К Fraser-Tytler, Afghanistan. A study of political developments, in Central Asia, p. 80–81.

{28} Ibid , p. 121–123, 129, 130, 144–145.

{29} G. Lenczowsky, Russia and the West In Iran. 1918–1948, p. 2–4.

{30} R. L. Greaves Persia and the defence f India 1884–1892, p. 2–3, 11–13.

{31} B. Prasad, The foundations of India's foreign policy, vol. I, 1860–1882.

{32} M. Chaudhuri, Power-politics in Afghanistan, past and present.

{33} Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, История Индии, пер. с. англ.

{34} См. их работы: К. M Pamkkar, Asia and the Wzstern dominance..; K. S. Menon, The «Russian bogey» and British aggression in India and beyond; A. Ch Capur, Disraeli's forward policy on the north-west of India, 1874–1877.

{35} Подробно об этом см.: Н. А. Халфин, Некоторые вопросы международных отношений на Среднем Востоке в XIX веке в индийской историографии.

{36} К. S. Menon, The «Russian bogey» and British aggression in India and beyond.

{37} См. об этом: Е. Н. Кушева, Об одной дореволюционной публикации документов по истории Средней Азии, стр. 409–421.

{38} Архив Д. А. Милютина, например, находится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина; архивы видных военно-политических деятелей царизма в Средней Азии — М. Г. Черняева и Н. И. Гродекова — в отделе письменных источников Исторического музея СССР; бумаги А. М. Горчакова, Н. П. Игнатьева, В. А. Кокорева — в ЦГИАМ; К. П. Кауфмана, Г. А. Колпаковского — в ЦГИАЛ; А. Л. Данзаса, А. Н. Куропаткина — в ЦГВИА; семьи моряков Бутаковых — в ЦГА ВМФ СССР и т. д. Использование этих материалов было бы значительно облегчено изданием сводного справочника о рукописных фондах библиотек и музеев (наподобие общего справочника

о советских архивах, опубликованного не так давно). Тогда исследователи получили бы, например, определенные сведения о документах генерала С. А. Хрулева, находящихся в Казахстанской публичной библиотеке (г. Алма-Ата), или о бумагах дипломата Д. А. Оболенского, хранящихся в Государственном литературном музее в Москве.

{39} Для изучения материалов прессы второй половины XIX в., посвященных среднеазиатским проблемам, огромное значение имеет уникальный «Туркестанский сборник», который хранится в Государственной публичной библиотеке УзССР им. А. Навои (Ташкент). Этот ценнейший сборник, составленный основоположником русской научной библиографии В. И. Межовым и дополненный известным востоковедом А. А. Семеновым, насчитывает свыше 600 томов, содержащих важнейшие заметки, статьи и даже книги по различным сторонам жизни народов Средней Азии, экономическим и политическим отношениям России и других государств со среднеазиатскими ханствами.

{40} «Правда», 10. IV. 1959.

Глава 1

{41} Россия, например, с ее быстро развивавшейся в первой половине XIX в. текстильной промышленностью, в 50-х годах лишь 5% потребляемого хлопка ввозила из Средней Азии

{42} П. П. Иванов, Очерки по истории Средней Азии , стр. 135–139 167, 200, 212.

{43} Н. А. Северцов, Месяц плена у коканцев, стр 290–292.

{44} ЦГВИА, ф. 67, д. 112, л. 3.

{45} Подробно об этом см.: Б. Г. Гафуров, История таджикского народа.., стр. 404–408, «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, стр. 9–78.

{46} П. П. Шубинский, Очерки Бухары, стр. 123.

{47} [Н. Муравьев] «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819–1820 годах...», стр. 101

{48} А. Ч., М. Г. Черняев в Средней Азии..., стр. 844.

{49} В. В. Вельяминов-Зернов, Сведения о Коканском ханстве, стр. 113–115.

{50} [Н. Г. Залесов] «Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году», стр. 56.

{51} М. И Иванин, Хива и река Аму-Дарья, стр. 169.

{52} «Наши соседи в Средней Азии Хива и Туркмения», стр. 130.

{53} Там же, стр. 130.

{54} П. П. Иванов, Очерки по истории Средней Азии..., стр. 103.

{55} [Ф. Назаров] «Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии», стр. 87–88.

{56} Содержательный очерк экономики Средней Азии накануне присоединения к России см. в кн.: А. М. Аминов, Экономическое развитие Средней Азии..., стр. 21–58.

{57} Ф Энгельс, Внешняя политика русского царизма, стр 22.

{58} АВГО, ф I. 1850, оп. 1, д. 17, л. 79–80.

{59} П. И. Небольсин, Очерки торговли России с Средней Азией, стр. 15.

{60} Журн. «Экономист», кн 2, 1859, стр. 102–103.

{61} Дм. Д[олгорук]ий, Пять недель в Кокане, стр. 317

{62} ЦРИАМ, ф. 969. «В А Кокорев», д. 53, л. 6.

{63} Лишь Данилевскому удалось добиться подписания договора об установлении добрососедских отношений между Россией и Хивой, почти все пункты которого «остались мертвой буквой» (С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, стр. 140).

{64} В. В. Вельяминов-Зернов, Сведения о Коканском ханстве, стр. 115.

{65} Фань Вэнь-лань, Новая история Китая, т. I, стр. 331.

{66} Л. И. Думан, Аграрная политика цинского (манчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века, стр. 126.

{67} Там же, стр. 215.

{68} Иакинф (Н. Я. Бичурин), Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана, стр. 136.

{69} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 675, л. 253.

{70} П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. I, стр. 535. Подробно об этом см.. П. А. Хромов, Экономическое развитие России в XIX — XX веках, 1800–1917.

{71} В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, изд. 4, стр. 522, 520.

{72} А. Семенов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности , ч. III, стр. 99.

{73} Там же, стр. 93.

{74} Там же, стр. 97, 98.

{75} Там же, стр. 90.

{76} Там же, стр. 72.

{77} Г. П. Неболсин, Статистическое обозрение о внешней торговле России, ч. 2, стр. 438–439.

{78} ЦГИАЛ, ф. 1173, д. 2. — Журналы «Особого комитета» от 15. III. и 8. IV. 1836.

{79} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 2, стр. 7.

{80} «Журнал мануфактур и торговли», 1843, № 4, стр. 162.

{81} [Г. И. Данилевский] «Описание Хивинского ханства», стр. 129, 132 и др.

{82} П. Чихачев, О исследовании вершин Сыр и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир, стр. 26.

{83} Там же, стр. 27.

{84} Там же, стр. 28.

{85} [Я. В. Ханыков] «Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского Ханства...», стр. 288.

{86} Там же, стр. 289.

{87} Г. П. Неболсин, Статистическое обозрение о внешней торговле России, ч. 2, стр. 228–231.

{88} Там же, стр. 232.

{89} Там же, стр. 233.

{90} Там же, стр. 369.

{91} Подробно об этом см. М. К. Рожкова, Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке..., стр. 152–155 и сл.

{92} Г. П. Неболсин, Статистическое обозрение о внешней торговле России, ч. 2, стр. 372.

{93} Там же, стр. 438–439.

{94} Там же, стр. 453–455.

{95} Там же, стр. 456.

{96} Ф. Г. Тернер, Движение внешней торговли России с 1853 по 1856 г., стр. 287–288.

{97} АВГО, ф. I, 1850, оп. I, д. 17, л. 21.

{98} Там же, л. 78–88

{99} Читавший этот документ Я. В. Ханыков оставил на нем следующую пометку «Обсуживать эту записку столь же невозможно, как фантастический план проложения дороги на Луну» (там же, л. 79)

{100} П. И. Небольсин, Очерки торговли России с Средней Азией, стр. 22–23.

{101} Проф. С. А. Покровский исчисляет цифру товарооборота со Средней Азией на 1851–1853 гг. в 6,7 млн руб., а общую цифру внешнеторгового оборота России в 263 млн. руб (см. его кн. «Внешняя торговля и внешняя торговая политика России», стр. 242, 251).

{102} Г. П. Неболсин, Статистическое обозрение о внешней торговле России, ч. 2, стр. 372, 373.

{103} И. Жуковский, Азия, стр. 278.

{104} Н. Веселовский, Поездка Н. И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 году под видом купца Хорошева, стр. 3.

{105} «Договоры России с Востоком, политические и торговые», стр. 247. См. также: «Торговые договоры России с Китаем», стр. 1.

{106} М. И. Венюков, Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них, стр. 270–271.

{107} И. Ф. Бабков, Воспоминания о моей службе в Западной Сибири...,

стр. 133–134.

{108} ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 32, д. 366, л. 7–8.

{109} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 32, д. 366, л 64.

{110} Там же, л. 288, 579.

{111} ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 32, д. 366, л. 579.

{112} ЦГВИА, ф. 67, д. 107, л. 9. — Донесение консула в Кульдже Захарова в Министерство иностранных дел.

{113} См. об этом Н. А. Халфин, Британская экспансия в Средней Азии в 30–40 годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира, стр. 103–112.

{114} См. об этом подробно К Burslem, A peep into Tourktstan.

{115} Ibid., p. 135.

{116} К. Нейманн, Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах, стр. 183.

{117} См. Н. А. Халфин, Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в. ), стр. 49–61.

{118} П. И. Небольсин, Очерки торговли России с Средней Азией, стр. 216–217.

{119} Ф. Энгельс, Действительно спорный пункт в Турции, - К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2, стр. 12–13.

{120} Цит. по кн.: М. К. Рожкова, Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке..., стр. 311.

{121} Там же, стр. 314.

{122} ЦГВИА, ф. 67, д. 48, л. 18–19.

{123} Г. Каменский, Англия — страшный соперник России в торговле и промышленности, стр. 151–152. — Интересно отметить, что эти высказывания Каменского почти дословно были включены А. Семеновым (без ссылки на источник) в его книгу «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности...», ч. III, стр. 194–196...

{124} Г. Каменский, Англия - страшный соперник России в торговле и промышленности, стр. 153.

{125} Подробно об этом см.: М. К. Рожкова, Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке...

{126} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 8, стр. 144.

{127} Б. Г. Гафуров, История таджикского народа..., стр. 410.

{128} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 16, док. 5. — Письмо Перовского Сенявину от 8. I. 1854.

{129} Там же, док. 22 — Письмо Перовского Сенявину от 26 I. 1854.

{130} Там же, приложение к док. 47. — Донесение пристава при киргизах Большой Орды (март 1854 г.).

{131} Там же, док. 78 — Письмо В. А. Перовского начальнику штаба Сибирского корпуса от 16 V. 1854.

{132} Там же, док. 108.

{133} Там же, док. 111 — Письмо Перовского от 20. IX. 1854.

{134} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 16, док. 11.

{135} Там же, док. 15 — Здесь и в других документах царских чиновников киргизами именуются казахи.

{136} Там же, док. 32.

{137} См. об этом подробно: Е. Б. Бекмаханов, Присоединение Казахстана к России.

{138} Робертс Кандагарский, Сорок один год в Индии... , стр. 34.

{139} C. U. Aitchison, A collection of treaties, engagements and sanads..., vol. XIII, p. 206–207.

{140} Цит. по ст.: Р., История сношений Англии с Афганистаном, рассказанная англичанином, стр. 262–263.

{141} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 17, док. 77. — Письмо оренбургского генерал-губернатора товарищу министра иностранных дел от 26. VIII. 1856.

{142} И. В. Мушкетов, Туркестан, стр. 295–296. — Майор Уокер и капитан Монтгомери возглавляли после Далгетти эту «школу» (она получила название «Тригонометрической службы Индии»).

{143} П. П. Бушев, Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг., также см.: «Вопросы истории», 1947, № 9, стр. 154.

{144} H. W. Bellew, Journal of a political mission to Afghanistan..., p. 215, 225, 251.

{145} Робертс Кандагарский, Сорок один год в Индии..., стр. 37.

{146} F. H. Fisher, Afghanistan and the Central Asian question, p. 169.

{147} См. о нем: «Народное восстание в Индии 1857–1859 гг. Сборник статей к столетию восстания».

{148} К. Маркс, Восстание в Индии, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XI, ч. I, изд. 1, стр. 214.

{149} K. Datta, The Indian movement of 1857–9 and its reaction abroad, p. 427.

{150} Ibid., p. 428.

{151} ЦГВИА, ф. 401, д. 21, л. 551, 552.

{152} ЦГИАМ, ф. 730, д. 247, л. 62.

{153} H. W. Bellew, Journal of a political mission to Afghanistan..., p. 255.

{154} Roberts of Kandahar, Forty one years in India.., vol. I, p. 57; см. также: H. W. Bellew, Afghanistan and the Afghans, p. 86–87.

{155} «Hansard's parliamentary debates», vol. CXLIX, p. 276.

{156} Ibid., p. 290–291.

{157} Ibid., p. 555.

{158} См. об этом, в частности: ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 25, док. 177. — «Записка командира Оренбургского корпуса о средствах для развития нашей среднеазиатской торговли» от 29. XI. 1861.

Глава II

{159} Л. А. Мендельсон, Экономические кризисы и циклы XIX века, стр. 355–356.

{160} ЦГИАЛ, ф. 1072, д. 8, л. 13–31.

{161} К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, изд. 1, стр. 172.

{162} См. об этом: Е. Н. Кушева, Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX века, стр. 133–162.

{163} В 40-х годах XIX в. П. В. Голубков издал большую серию книг (преимущественно переводных) о политическом и экономическом положении стран Востока и английской колониальной политике, чтобы заинтересовать деловой мир России выгодами торговли с Азией.

{164} ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18293, л. 1–2.

{165} Ю. А. Гагемейстер, Взгляд на промышленность и торговлю России, стр. 6–52.

{166} См. о нем вводную статью А. А. Погребинского к публикации: «Государственные финансы России накануне 1861 года», стр. 100–102.

{167} [Ф. Г. Тернер] «Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера», ч. I, стр. 187.

{168} Ю. А. Гагемейстер, Взгляд на промышленность и торговлю России, стр. 38–39.

{169} Там же, стр. 50.

{170} См. о И. В. Вернадском: «История русской экономической мысли», т. I, ч. 2, стр. 441–454.

{171} В. В. Григорьев, Разбор сочинения «Очерки торговли России с Среднею Азиею» П. Небольсина, стр. 178–181.

{172} Там же, стр. 112.

{173} Р. Черносвитов, Мысль об устройстве водяных путей в Среднюю Азию, стр. 1053–1059.

{174} Д. Долинский, О путях сообщения России с Средней Азией, стр. 94.

{175} А. П. Шипов, Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения для России, стр. 49–50.

{176} Там же, стр. 42.

{177} [А. Гейнс] «Железные дороги в Среднюю Азию...», стр. 4–7.

{178} Там же, стр. 7.

{179} Мнение А. И. Барятинского изложено по записи начальника штаба Кавказской армии и ближайшего в те годы сотрудника наместника — Д. А. Милютина (БЛ ОР, ф. 169, карт. 9, № 4, л. 10).

{180} См. его резолюцию на докладной записке А. И. Барятинского: ЦГА ВМФ СССР, ф. 410, оп. 2, д. 1893, л. 13.

{181} БЛ ОР, ф. 169, карт. 9, № 4, л. 14–15.

{182} [А. Гейнс] «Железные дороги в Среднюю Азию...», стр. 18–19.

{183} См.: ЦГИАЛ, ф. 101, д. 2, л. 6.

{184} ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, д. 14, л. 394. — Подробно о деятельности этого торгового дома см.: М. К. Рожкова, Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке..., стр. 331–335.

{185} ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, д. 14, л. 394.

{186} ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, д. 15, л. 37–66.

{187} См.: «Отчет о деятельности высочайше утвержденного Общества для содействия русской промышленности и торговле с 1867 по 1892 г.», стр. 2; К. Скальковский, Воспоминания молодости, стр. 292.

{188} ЦГИАМ, ф. 959 «В. А. Кокорев», д. 11, л. 5–8.

{189} См.: А. Л. Зиссерман, Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879, т. 3, стр. 172–179.

{190} ЦГИАМ, ф. 959, д. 178, л. 1–2; д. 180, л. 1–20.

{191} См. о В. А. Кокореве: К. А. Скальковский, Наши государственные и общественные деятели, стр. 164–178. — Марксистский анализ взглядов В. А. Кокорева дан в книге: «История русской экономической мысли» т. I. Эпоха феодализма, ч. 2, стр. 425–432. См. также: И. Ф. Гиндин, К вопросу об экономической политике царского правительства в 60–80-х годах XIX века, стр 75.

{192} ЦГИАМ, ф. 959, д. 53, л. 1–78.

{193} Там же, л. 20, 22, 39, 44 и др.

{194} ЦГИАМ, ф. 959, д. 83, л. 1. — Представление министра финансов Брока вел. кн. Константину Николаевичу от 31. VIII. 1857.

{195} Там же, л. 3.

{196} Там же, л. 4.

{197} Кавказским комитетом называлось специальное учреждение, ведавшее делами Кавказа.

{198} ЦГИАМ, ф. 959, д. 83, л. 2.

{199} «Русский архив», кн. 2, 1889, стр. 299–300. — Письмо Милютина Барятинскому от 22. X. 1857.

{200} А. Л. Зиссерман, Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879, т. 2, стр. 234.

{201} «Вестник промышленности», т. I, 1859, № 2, стр. 151.

{202} «Полное собрание законов Российской империи». Собр. II, т. 32, отд. II, 1857, СПб., 1858, дополнение, стр. 4–5 № 31, 941-а.

{203} ЦГВИА, ф. 38, оп. 3½87, св. 886, д. 13, л. 6–9. — Письмо Муравьева военному министру Сухозанету.

{204} Там же, л. 17.

{205} «История дипломатии», т. I, 1941, стр. 472.

{206} ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 2с, д. 3, л. 1–12.

{207} Там же, л. 9.

{208} Там же, л. 10.

{209} Там же, л. 78–99.

{210} Там же, л. 83.

{211} Там же, л. 98–99.

{212} Там же, л. 75.

{213} Впоследствии (1858–1861 гг.) — министр народного просвещения.

{214} Ег. П. Ковалевском см.: «Русский биографический словарь», СПб., 1903, стр. 26; Е. П. Ковалевский, Собрание сочинений, т. 3, стр. 1–17; [П. В. Анненков] «Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П. В. Анненкова, 1849–1868 гг.», СПб., 1877, стр. 329–343; Б. А. Вальская, Путешествия Егора Петровича Ковалевского. - Особенно высоко оценивал важную роль Ковалевского в разработке политической линии Российской империи в странах Востока в этот период М. И. Венюков, крупный специалист в области географии, ученый и путешественник. См.: [М. И. Венюков] «Из воспоминаний М. И. Венюкова», т. I, стр. 247.

{215} [П. П. Семенов] «История полувековой деятельности Русского географического общества. 1845–1895», ч. I, стр. 307.

{216} «Руссий архив», кн. 2, 4669, стр. 310–311.

{217} Подлинник ее см.: АВГО, ф. I, 1857, оп. I, д. 24, л. 1–6.

{218} АВГО, ф. I, 1857, оп. 1, д. 39, л. 3.

{219} Там же, л. 4.

{220} Там же, л. 6.

{221} АВГО, ф. I, 1857, оп. 1, д. 24, л. 7.

{222} «Вестник Русского географического общества», ч. 22, 1858, стр. 38–40.

{223} Там же, стр. 40.

{224} Там же, стр. 40–42. См. также: [П. П. Семенов] «История полувековой деятельности Русского географического общества...», ч. I, стр. 309.

{225} АВГО, ф. I, 1857, оп. I, д. 24, л. 9.

{226} Там же, л. 80. — Письмо директора Закаспийского торгового товарищества Н. Е. Торнау в Совет общества от 16. XI. 1857.

{227} «Вестник Русского географического общества», ч. 21, 1857, приложения, стр. 7.

{228} ЦГА ВМФ СССР, ф. 283, оп. 3, д. 298, л. 20.

{229} Цит. по ст.: А. Л. Попов, Из истории завоевания Средней Азии,, стр. 204.

{230} ЦГИАМ, ф. 1722, оп. 1, д. 449, л. 1.

{231} МИД, Главный архив, I — 1, оп. 781, д. 97, л. 202–210.

{232} Архив АН СССР, ф. 2, оп. I, 1857, д. 5, л. 1–2.

{233} АВГО, ф. 1, 1857, оп. 1, д. 3, л. 12–13.

{234} С. К. Риштия, Афганистан в XIX веке, стр. 251.

{235} Впоследствии Ханыков указывал на важное значение Герата как торгового центра и узла дорог. За последние полтора десятка лет, отмечал он, британские мануфактурные товары были серьезно потеснены на рынках Тегерана, Табриза и Герата немецкими сукнами и швейцарскими бумажными изделиями. Это должно было ободрить русских купцов текстильными товарами, особенно опасавшихся именно английской конкуренции. Из Индии вывозились в Герат лишь кисея, шелковые платки и серебро, а из Франции — предметы роскоши: бархат, тафта и ювелирные изделия, т. е. товары, почти не вывозившиеся из России. Характеризуя русский экспорт, Ханыков писал, что он состоит, «как и везде на Востоке... из полосового железа, красной меди..., стали, изделий из бронзы и т. д.; удобство для России перевозки товаров по Каспийскому морю приводит к тому, что ее торговцы не встречают конкуренции, и в этой связи можно не опасаться вреда даже от завершения создания сети индийских железных дорог» (N. Khanikoff, Memoire sur la partie meridionate de l'Asie Centrale, p. 128).

{236} МИД, Главный архив, I — 9, оп. 8, д. 15, л. 83.

{237} Р. Ленц, Исследования в Восточной Персии и в Хератском владении, стр. 151.

{238} В мае 1863 г. Ф. Литке обратился к Ханыкову с письмом, в котором указывал, что ревизионная комиссия, рассмотревшая в 1862 г. отчет Общества, выразила сожаление по поводу отсутствия в его делах каких-либо сведений о результатах Хорасанской экспедиции. «Труды этой экспедиции, столь любопытные для отечественной науки, не изданы», — констатировал Литке и просил сообщить о причинах этого (АВГО, ф. I, 1857, оп. I, д. 24, л. 343).

Ханыков ответил, что не имеет связи с другими участниками экспедиции, о своих собственных исследованиях докладывал в Обществе, опубликовал во Франции книгу об этой поездке «Memoire sur la partie meridio-nale de l'Asie Centrale» и отдельные статьи в журналах парижского Азиатского общества, а также готовит вторую часть указанной книги, куда должны войти собранные им этнографические данные (там же, л. 344–345. — Письмо Ханыкова от 26.VI.1863). Эта этнографическая работа была издана в 1866 г. на французском языке.

{239} К. Скальковский, Наши государственные и общественные деятели, стр. 170. — Скальковский отмечал здесь, что товарищество потерпело крупные убытки из-за «нерасчетливых действий» своего главноуправляющего Н. Е. Торнау.

{240} ЦГВИА, ф. 483, д. 43, л. 2.

{241} Там же, л. 2–3.

{242} Там же, л. 38–40.

{243} Там же, л. 9–18.

{244} ЦГВИА, ф. 483, д. 43, л. 85–96.

{245} ЦГВИА, ф. 67, д. 113, л. 3–4.

{246} ЦГВИА, ф. 483, д. 43, л. 142–145. — Протокол заседания Особого комитета.

{247} Известный впоследствии своими трудами по созданию самолета.

{248} ЦГВИА, ф. 67, д. 113, л. 8. — Письмо Бутакова Катенину от 12. II. 1858.

{249} Там.же, л. 10.

{250} Н. Игнатьев, Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г..., стр. 1.

{251} Там же, стр. 1–2.

{252} Там же, стр. 2–3.

{253} В частности, об этом говорил генерал М. Д., Скобелев (см. его письмо к М. Н. Каткову в 1881 г., приводимое М. Грулевым в предисловии к книге «Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана», стр. XXXVI) и один из руководителей Министерства иностранных дел И. А. Зиновьев (В. М. Ламздорф, Дневник. 1891–1892, стр. 105).

{254} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 19, док. 63.

{255} Подобный прием был не нов: почти за 30 лет до отправки посольства Игнатьева, в 1831 г., британское правительство, направляя в страны Востока экспедицию А. Бернса, использовало в качестве предлога для изучения реки Инд «невозможность» направить по суше «подарок» короля Георга IV правителю Пенджаба Ранджит Сингху — большую карету и пятерку лошадей.

{256} Н. Игнатьев, Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г..., стр. 30.

{257} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 19, док. 55.

{258} Там же, док. 61–62.

{259} Там же, док. 69.

{260} М. Н. Галкин, Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, стр. 164–165.

{261} [Н. Г. Залесов] «Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году», стр. 425.

{262} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 20, док. 106. — Письмо Катенина Горчакову от 7. VI. I858.

{263} См. его неоднократные утверждения об этом в книге «Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г...»

{264} Е. Я. Килевейн, Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид Мухаммед-хана. 1856–1860, стр. 9.

{265} Письмо Игнатьева см.: [Н. Г. Залесов] «Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году», стр. 457–460.

{266} Цит. по ст.: А. Л. Попов, Из истории завоевания Средней Азии, стр. 204.

{267} [Н. Г. Залесов] «Посольство а Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году», стр. 460–4Ь1.

{268} Там же, стр. 433–434.

{269} Лишь 27 июня Бутаков нашел сравнительно удобный вход в реку по Улькун-Дарье и 29–30 июня стал продвигаться вверх по Аму-Дарье, а 3 июля прибыл к Кунграду. Однако еще 1 июля группа Игнатьева отправилась в глубь ханства на хивинских барках.

{270} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 20, док. 123. — Шифрованная депеша Игнатьева в Министерство иностранных дел от 29. VI. 1858.

{271} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 20, док. 159. — Донесение Игнатьева директору Азиатского департамента от 20. VIII. 1858.

{272} Тексты проектов соглашения см.: [Н. Г. Залесов] «Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году», стр. 44–46.

{273} Там же, стр. 47.

{274} Там же, стр. 49–50.

{275} Там же, стр. 52.

{276} ЦГИАМ, ф. 730, д. 289, л. 125. — Письмо Игнатьева Ковалевскому от 20.VIII.1858.

{277} Там же, стр. 213–214.

{278} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 20, док. 195, — Шифрованная депеша Игнатьева от 6.X.1858.

{279} Н. Игнатьев, Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г..., стр. 211–212.

{280} Там же, стр. 249.

{281} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 20, док. 195, — Депеша Игнатьева Горчакову от 6.X. 1858.

{282} Н. Игнатьев, Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г..., стр. 240–241.

{283} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 20, док. 243. — Недатированная записка Игнатьева.

{284} Н. Игнатьев, Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г..., стр. 249.

{285} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 20, док. 195. — Шифрованная депеша Игнатьева Горчакову от 6.X.1858.

{286} Там же, док. 203. — Шифрованная депеша Игнатьева в Министерство иностранных дел от 16.X.1858.

{287} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 20, док. 240. — Недатированная депеша Игнатьева в Министерство иностранных дел.

{288} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 20, док. 203. — Шифрованная депеша в Министерство иностранных дел от 16.X.1858; док. 243. — Недатированная записка Игнатьева.

{289} Н. Игнатьев, Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г..., стр. 274, 278.

{290} Его почти дословно, хотя и без указания источника, повторяет С. В. Жуковский. См.: С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, стр. 154–155.

{291} [Н. Г. Залесов] «Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году», стр. 56–67

{292} ЦГВИА, ф. 67, д. 239, л. 5.

{293} ЦГВИА, ф. 67, д. 115, л. 55–56,

{294} ЦГВИА, ф. 67, д. 285, л. 2.

{295} [Ч. Ч. Валиханов] «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова», стр. 146–147.

{296} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 18, док. 102 (приложение). Эта «Записка» приводится в приложениях к работе Валиханова «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова». — Ее авторство здесь ошибочно приписывается генерал-губернатору Западной Сибири Г. X. Гасфорду.

{297} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 18, док. 102. — «Всеподданнейший доклад» военного министра от 23.VIII.1857.

{298} Там же, док. 134.

{299} Там же, док. 104. См. также: [Ч. Ч. Валиханов] «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова», стр. 332–334.

{300} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 18, док. 131. — Письмо Гасфорда Сухозанету от 2.XII.1857. См. также: [Ч. Ч. Валиханов] «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова», стр. 339.

{301} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 18, док. 161. — Письмо Сухозанета Гасфорду от 2.XII.1857. См. также: [Ч. Ч. Валиханов] «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова», стр. 339.

{302} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 18, док. 175. — Письмо Гасфорда Сухозанету от 25.XII.1857.

{303} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 19, док. 10.

{304} «Отчет Русского географического общества за 1865 г.» СПб., 1866, стр. 9.

{305} П. П. Семенов-Тян-Шанский, Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг., стр. 312–313.

{306} [Ч. Ч. Валиханов] «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова», стр. 369–397.

{307} Эти материалы опубликованы в «Сочинениях Чокана Чингисовича Валиханова».

{308} [Ч. Ч. Валиханов] «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова», стр. 480.

Глава III

{309} ЦГВИА, ф. ВУА, Главный штаб, 1810, д. 422, л. 92–93.

{310} [А. О. Дюгамель] «Автобиография А. О. Дюгамеля», стр. 84

{311} См.: ЦГВИА, ф. 67, д. 92, л. 8–10.

{312} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 22, док. 241.

{313} Там же, док. 305.

{314} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 23, док. 40. — Письмо Катенина Сухозанету от 9.III. 1860.

{315} Там же, док. 20. — Донесение управляющего «Областью киргизов оренбургского ведомства» Григорьева Катенину.

{316} См. об этом: П. П. Иванов, Очерки по истории Средней Азии.., стр. 142–143.

{317} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 22, док. 269.

{318} См. о нем: «История русской экономической мысли», т. I, ч. 2, стр. 455–461.

{319} «Вестник промышленности», т. X, 1860, № 10, стр. 153–184.

{320} Составлена на основании «Отчета Оренбургской таможни...» за 1859 г. (ЦГИАЛ, ф. 853, д. 76, л. 3 и сл.).

{321} «Вестник промышленности», т. X, 1860, № 10.

{322} Там же, стр. 169.

{323} Там же, стр. 182–183.

{324} Н. И. Тарасенко-Отрешков, Обзор внешней торговли России последних двадцати пяти лет, стр. 35–38.

{325} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 20, док. 188. — «Всеподданнейшее донесение» А. А. Катенина от 22. IX. 1858.

{326} ЦГВИА, ф. 38, оп. 31½87, св. 886, д. 4-а, л. 168–208.

{327} Там же, л. 193.

{328} Там же, л. 194–199.

{329} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 20, док. 188.

{330} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 22, док. 310. — Журнал совещательного заседания от 2 и 9. I. 1859.

{331} [Н. Г. Залесов] «Записки Н. Г. Залесова», стр. 28.

{332} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 21, док. 2. — Письмо Катенина начальнику Главного штаба от 6.1.1859.

{333} Там же.

{334} Там же, док. 8.

{335} Там же, док. 7. — «Записка полк. Н. П. Игнатьева о политике нашей в Средней Азии» от 5.1.1859. См. также: ЦГВИА, ф. 67, д. 131, л. 1–3.

{336} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 21, док. 16. — Записка Гасфорда от 19. I.1859.

{337} Там же, док. 22.

{338} А. Л. Зиссерман, Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879, т. 3, стр. 451.

{339} БЛ ОР, ф. ,169, карт. 9, № 11, л. 272–278.

{340} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 22, док. 274.

{341} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 21, док. 47. — Распоряжение Катенина от 21.II.1859.

{342} Там же, док. 71.

{343} Там же, док. 82. — Письмо Катенина Горчакову от 9.IV.1859.

{344} Там же, док. 87. — Предписание начальника штаба Сибирского корпуса генерал-майора Гинтовта штабс-капитану Венюкову от 11.IV.1859.

{345} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 22, док. 263. — «Постановление по делам туркменским» от 31.X.1859.

{346} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 21, док. 138. — Предписание Катенина. Бутакову от 27.V. 1859.

{347} Там же, док. 157.

{348} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 22, док. 191. — Донесение Бутакова инспекторскому департаменту Морского министерства от 28.VII.1859.

{349} Там же, док. 187.

{350} Там же, док. 215. — Записка А. И. Бутакова «О принятии Мухаммедом Фана управления Кунградом и об умерщвлении его». См. об этом: А. Бутаков, Эпизод из современной истории Средней Азии, стр. 103–112.

{351} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 22, док. 197. — Донесение Гасфорда военному министру от 5.VIII. 1859.

{352} Там же, док. 271.

{353} А. П. Федченко, Путешествие в Туркестан, т. I, ч. 2, стр. 11.

{354} Н. А. Кисляков, Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана, стр. 100.

{355} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 23, док. 40. — Донесение Дандевиля (февраль 1860 г.).

{356} Там же, док. 27. — Донесение Гасфорда Сухозанету от 13.II.1860.

{357} Там же, док. 44.

{358} Там же, док. 57.

{359} Там же, док. 58. — Предписание Гасфорда Колпаковскому от 10.IV.1860.

{360} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 24, док. 162. — Донесение Гасфорда Сухозанету от 9.IX.1860. На документе пометка царя: «Весьма хороший результат».

{361} Там же, док. 169.

{362} «Договоры России с Востоком, политические и торговые», стр. 259–269. См. также: С. С. Татищев, Император Александр II, его жизнь и царствование, т .1, стр. 255.

{363} ЦГВИА, ф. 38, оп. 3½87, св. 888, д. 9, л. 26.

{364} Там же, л. 27.

{365} Там же, л. 1–21.

{366} А. Л. Попов, Из истории завоевания Средней Азии, стр. 208.

{367} ЦГВИА, ф. 38, оп. 3½87, св. 888, д. 9, л. 34–55.

{368} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 25, док. 110.

{369} См.: С. А. Тарасов, Очерк торговли с Западным Китаем, стр. 5–6.

{370} Там же, стр. 20.

{371} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 25, док. 177.

{372} Там же, док. 159.

{373} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 26, док. 73. — Донесение Коллаковского Дюгамелю от 18.VI. 1862.

{374} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 25, док. 177.

{375} Там же.

{376} БЛ ОР, ф. 169, карт. 9, № 13, л. 627.

{377} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 25, док. 90 (приложение).

{378} Там же.

{379} ЦГВИА, ф. 483, д. 44150, л. 1–13.

{380} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 25, док. 118.

{381} Там же, док. 166.

{382} Там же, док. 147. — «Записка о возведении укрепления на Биш-Мазаре» от 29. IX. 1861 (составлена Данзасом).

{383} Там же, док. 146. — Донесение командира Сыр-Дарьинской линией генерал-лейтенанта Дебу Безаку от 23.IX.1861.

{384} Там же, док. 179.

{385} Там же.

{386} Д. А. Милютин, Мои старческие воспоминания (БЛ ОР, ф. 169, карт. 10, № I7, л. 246–247).

{387} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 25, док. 187 (подчеркнуто в тексте).

{388} Б. А. Вальская, Путешествия Егора Петровича Ковалевского, стр. 170. См. также: [Венюков М. И.] «Из воспоминаний М. И. Венюкова» т. 1, стр. 246, 247.

{389} БЛ ОР ф. 169, карт. 10, № 17, л. 247.

{390} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 26, док. 11.

{391} Там же, док. 13.

{392} Там же, док. 25.

{393} Там же, док. 29.

{394} Там же, док. 64.

{395} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 26, док. 77.

{396} Там же, док. 87.

{397} Там же, док. 95.

{398} Там же, док. 106.

{399} Там же, док. 108.

{400} Там же, док. 129. — Письмо Дюгамеля Милютину от 24.XII. 1862.

{401} Там же, док. 107. — Донесение командира Сыр-Дарьинской линией Веревкина Безаку от 11.XI.1861.

{402} Там же, док. 97. — Донесение Безака Сухозанету от I.X.1862.

{403} Там же, док. 112.

{404} Там же, док. 110.

{405} Там же, док. 121. — Письмо Безака Горчакову от 10.XII.1862.

Глава IV

{406} В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, — Сочинения, т. 17, изд. 4, стр. 95–96.

{407} «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, стр. 80; см. также: А. Л. Попов, Из истории завоевания Средней Азии, стр. 209.

{408} Ю. А. Г[агемейстер] О торговом значении Средней Азци в отношении к России, стр. 713.

{409} Там же, стр. 717, 735–736.

{410} Там же.

{411} «Русский вестник», 1871, № 1–2. стр. 452–457.

{412} Там же, стр. 456.

{413} Кандидат исторических наук Е. К. Бетгер любезно обратил наше внимание на то, что аналогичные взгляды за 45 лет до того выражал член экспедиции Э. А. Эверсмана в Бухару (1820 г.) Г. Мейендорф (см. G. Meyendorff, Voyage d'Orenbourg a Boukhara, p. 244).

{414} [Н. Г. Залесов] «Записки Н. Г. Залесова», стр. 332.

{415} «Промышленность. Журнал мануфактур и торговли», 1863, кн. 1, стр. 1–48.

{416} Так, в 1870 г. бумагопрядильни России выпускали продукции уже на 48,4 млн. руб., бумаготкацкие фабрики — на 48 млн., красильная и отделочная промышленность — на 30,7 млн. руб. ( «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», стр. 276).

{417} Там же, стр. 274. См. также: Е. В. Бунаков, К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в., стр. 22.

{418} А. Л. Попов, Из истории завоевания Средней Азии, стр. 209.

{419} Следует, однако, отметить, что в хлопковую базу России Средняя Азия стала превращаться по-настоящему лишь в 80-х годах XIX в., после введения массовых посевов и новых сортов хлопчатника.

{420} «Северная пчела», 1862, № 110.

{421} «Торговый сборник», 1864, № 20.

{422} «Вестник промышленности», т. XI, 1861, № 1–3, стр. 89.

{423} «Казенный турист», Заметки о Бухаре и ее торговле с Россией, стр. 96, 115. — Канаус, суса, выбойка — ткани местного производства.

{424} См. об этом более подробно: «История дипломатии», т. I, стр. 483–488.

{425} [Н. Г. Залесов] «Записки Н. Г. Залесова», стр. 321.

{426} АВПР, Главный архив МИД, 1–9, д. 26 за 1863 г., л. 37–39 и сл. — Рейтерн соглашался с тем, что международная обстановка складывается благоприятно для активизации политики царского правительства в этом районе, но призывал временно «воздержаться от наступательных действий в Средней Азии», ссылаясь на нежелательность для данного момента «отвлечения сил от сердца России к такой отдаленной окраине».

{427} ЦГИА УзОСР, ф. 715, д. 26-а, док. 78. — Письмо Горчакова Милютину от 16. VII. 1863.

{428} Гл. арх. МИД, оп. 1–9, 1862–1864, д. 15, ч. 1, л. 70–77.

{429} ГИМ, ф. «М. Г. Черняев», св. 12.

{430} Там же.

{431} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 26-а, док. 78.

{432} Там же, док. 89.

{433} Там же, док. 99. — Письмо Милютина Дюгамелю от 12. VIII. 1863.

{434} Там же, док. 111. — Письмо Дюгамеля Милютину от 20. IX. 1863.

{435} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 26–6, док. 122.

{436} Там же, док. 132.

{437} Там же, док. 141.

{438} Там же, док. 145, — Записка Милютина от 10. XII. 1863; док. 148. — Письмо Милютина Безаку от 23. XII. 1863.

{439} Там же, док. 144. — Письмо Горчакова Милютину от 9. XII. 1863.

{440} Там же, док. 149.

{441} Там же, док. 156. — Донесение Безака Милютину от 30. XII. 1863.

{442} А. П. Федченко, Путешествие в Туркестан, т. I, ч. 2, стр. 139, 153.

{443} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 26–6, док. 157. — Военно-статистический отчет о состоянии Сыр-Дарьинской линии (1863).

{444} ЦГВИА, ф. 431, д. 31, л. 62–65.

{445} Там же, л. 58–59.

{446} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 17, ч. 1, стр. 4.

{447} Там же, стр. 3. — Донесение командира Сибирского корпуса военному министру от 4. I. 1864.

{448} Там же, стр. 53. — Донесение командира Сибирского корпуса военному министру от 12. II. 1864.

{449} Там же, стр. 59. — Донесение командира Оренбургского корпуса военному министру от 17. II. 1864.

{450} Там же, стр. 77–78.

{451} Там же, стр. 106. — Телеграмма Милютина Безаку от 18. IV. 1864.

{452} Там же, стр. 105. — Письмо Игнатьева Милютину от 14. IV. 1864.

{453} Там же, стр. 132. — Донесение Черняева Дюгамелю от 27. V. 1864.

{454} Там же, стр. 150. — Донесение Черняева Дюгамелю от 6. VI. 1864.

{455} Там же, стр. 161. — Донесение Веревкина Безаку от 13. VII. 1864.

{456} Там же, стр. 187.

{457} Там же, стр. 186. — Донесение Веревкина Безаку от 27.VI.1864.

{458} Там же, стр. 253–254. — Письмо Милютина Безаку от 18.VII.1864.

{459} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 17, ч. 2, стр. 21–27. — Донесение Черняева Дюгамелю от 8. VIII. 1864.

{460} Там же, стр. 76. — Донесение Дюгамеля Милютину от 7. IX. 1864. ( «Сарты» — до революции так называли оседлое городское население «Средней Азии, занимавшееся торговлей и ремеслом).

{461} Там же, стр. 83–84.

{462} Там же, стр. 115. — Письмо Черняева от 20. IX. 1864.

{463} Там же, стр. 116. — Письмо Черняева от 26. IX. 1864.

{464} Там же, стр. 117. — Резолюция Милютина от 29. IX. 1864.

{465} Там же, стр. 117. — Телеграмма Милютина Дюгамелю от 30.IX.1864.

{466} ГИМ, ф. «М. Г. Черняев», св. 7. — Письмо Полторацкого Черняеву от 22. X. 1864.

{467} ЦГИАМ ф. 730 «Н. П. Игнатьев», д. 3823, л. 1–3. — Письмо Северцова от 16. VIII. 1864.

{468} ЦГВИА, ф. 67 «А. Л. Данзас», д. 290, л. 3–4.

{469} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 17, ч. 2, стр. 133. — Донесение Черняева Милютину от 14. X. 1864.

{470} Там же, стр. 136. — Качалов считал, что такие результаты были достигнуты «под руководством опытных иноземных учителей» (ЦГВИА, ф, 67 «А. Л. Данзас», д. 290, л. 6).

{471} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 17, ч. 2, стр. 137. — Донесение Черняева Милютину от 14. X. 1864.

{472} ГИМ, ф. «М. Г. Черняев», св. 7. — Письмо Дюгамеля Черняеву от 12. XI. 1864.

{473} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 17, ч. 2, стр. 221–222.

{474} ГИМ, ф. «М. Г. Черняев», св. 7.

{475} Ф. Энгельс, Внешняя политика русского царизма, стр. 29.

{476} ГИМ, ф. «М. Г. Черняев», св. 7.

{477} П. П. Семенов-Тян-Шанский, Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг., стр. 76–77.

{478} БЛ ОР, ф. 169, карт. 10, № 17, 1864, л. 260–261.

{479} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 17, ч. 2, стр. 48–53.

{480} ЦГВИА, ф. 400, д. 34, л. 1–11.

{481} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 17, ч. 2, стр. 88–89.

{482} Там же, стр. 192–193. — Донесение Черняева Дюгамелю от 17. XI, 1864.

{483} См. АВПР, оп. I — 9 «Азиатский департамент», № 15, ч. I. См. также: «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 17, ч. 2, стр. 165–172.

{484} Там же, стр. 196–201. — «Всеподданнейшая записка министров иностранных дел и военного относительно будущих наших действий в Средней Азии» от 20. XI. 1864.

{485} «Циркуляр» Горчакова см. в книге: С. С. Татищев, Император Александр II, его жизнь и царствование, т. 2, стр. 107–108.

{486} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 26-а, док. 97. — Письмо Горчакова Дюгамелю от 10.VIII. 1863.

{487} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 17, ч. 2, стр. 97–103.

{488} Там же, стр. 103–104.

{489} См. о нем подробно: Д. Тихонов, Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане, стр. 155–172; К. Усманов, Восстание в Кашгаре (1864 г.), стр. 153–173.

{490} Дунганами в русской литературе называлась народность хуэй-цзу; иногда под ними подразумевались «китайские земледельцы, принявшие мусульманство».

{491} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 17, ч. 2, стр. 14.

{492} Там же, стр. 152–154. — Письмо Дюгамеля Милютину от 21.X.1864.

{493} Там же, стр. 205–207.

{494} Там же, стр. 269–270. — Записка военного министра от 19.XII.1864.

{495} Там же, стр. 274. — Донесение начальника штаба Сибирского корпуса Кройеруса генерал-губернатору Западной Сибири Дюгамелю от 22.XII.1864.

{496} Там же, стр. 279. — Телеграмма Дюгамеля из Петербурга Кройерусу от 25.XII.1864.

{497} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 19, ч. I, стр. 11–12, 72–75, 128–130.

{498} Там же, стр. 12, 73, 74.

{499} Там же, стр. 61–64. — Донесение командующего войсками Семипалатинской области временно командующему войсками Западной Сибири от 15.II.1865.

{500} Там же, стр. 70–72, 92–94.

{501} И. В. Мушкетов, Туркестан, стр. 295.

{502} [Беллью] «Кашмир и Кашгар...», стр. 7.

{503} См.: Н. А. Халфин, Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.), стр. 31–44.

{504} В. Бутыркин, Самый удобный путь для развития морской торговли на Каспие..., стр. 40.

{505} ЦГВИА, ф. 38, оп. 3½82, св. 892, д. 26, л. 85.

{506} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 17, ч. 2, стр. 218.

{507} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 19, ч. 1, стр. 4–6.

{508} ЦГВИА, ф. 38, оп. 3½82, св. 892, д. 26, л. 86.

{509} Там же, л. 138–143.

{510} Там же, л. 127–129. — Письмо Крыжановского Милютину от 25.III.1865.

{511} Там же, л. 150–152.

{512} Там же, л. 154–158.

{513} Там же, л. 188–189.

{514} Любопытные доводы против монопольных прав, на предоставления которых настаивали Кокорев и Савельев, приводил посланник России в Тегеране Н. К. Гирс. Он отмечал вред, наносимый торговле монополиями, и подчеркивал, что отказ от них «открывает более свободы торговле туземцев и потому облегчит сближение сих с нашими негоциантами» ( «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 19, ч. 1, стр. 262).

{515} ЦГВИА, ф. 38, оп. 3½82, св. 892, д. 26, л. 210.

{516} Там же, л. 219.

{517} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 19, ч. 1, стр. 170. — Письмо Милютина Горчакову от 27.V.1865.

{518} ЦГВИА, ф. 38, оп. 3½82, св. 892, д. 26, л. 296–306. — Доклад по Главному управлению Генерального штаба (июль 1865 г.).

Глава V

{519} «Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки», приложения, стр. 76–79.

{520} См. об этом интересное сообщение в книге: Н. И. Веселовский, Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае, стр. 40–44.

{521} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 19, ч. I, стр. 4. — Донесение командующего Сыр-Дарьинской линией командующему войсками Оренбургского края от 2.1.1865.

{522} ЦГВИА, ф. 400, д. 55, л. 10. — Рапорт Черняева начальнику Главного штаба от 4.X.1866.

{523} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 19, ч. I, стр. 15. — Донесение и. д. командующего войсками Оренбургского края военному министру от 12.I.1865.

{524} Там же, стр. 30. — Телеграмма и. д. командующего войсками Оренбургского края военному министру от 31.I.1865.

{525} Там же, стр. 48–49.

{526} Там же, стр. 49–50. — Телеграмма военного министра и. д. командующего войсками Оренбургского края от 2.II.1865.

{527} ЦГВИА, ф. 38, оп. 3½87, св. 892-а, д. 8, л. 79–81.

{528} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 19, ч. I, стр. 81–85. — Утвержденное царем инструктивной письмо Горчакова Крыжановскому от 23.II.1865.

{529} Там же, стр. 86–88. — Письмо Крыжановского Черняеву от 25.II. 1865.

{530} Там же, стр. 92.

{531} Там же, стр. 37–40.

{532} Там же, стр. 89. — Письмо генерал-квартирмейстера Черняеву от 26.II.1865.

{533} Там же, стр. 138–140. — Донесение Черняева командующему войсками Оренбургского края от 23.IV. 1865.

{534} Там же, стр. 178.

{535} ЦГВИА, ф. 67 «А. Л. Данзас», д. 270, л. 16. — Письмо Качалова Данзасу от 5.VIII.1865. См. также: ГИМ, ф. «М. Г. Черняев», св. 12. — Письмо Черняева к Полторацкому от 20.XII.1865.

{536} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 19, ч. I, стр. 146–149. — Донесение Черняева командующему войсками Оренбургского края от 2.V.1865.

{537} Там же, стр. 152–155. — Донесение Черняева Крыжановскому от 11.V.1865.

{538} Там же, стр. 156. — Донесение Черняева Крыжановскому от 13.V.1865.

{539} Там же, стр. 192–196. — Письмо Горчакова Крыжановскому от 5. VI. 1865 с приложением проектов обращений к бухарскому токсабе (сановник, исполняющий обязанности премьер-министра) и к жителям Ташкента.

{540} Там же, стр. 199.

{541} Н. И. Веселовский, Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае, стр. 54–56.

{542} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 19, ч. I, стр. 201–204. — Донесение Черняева Крыжановскому, от 11.VI. 1865.

{543} После взятия Ташкента Черняев сообщал, что его гарнизон состоял из 5 тыс. сарбазов и 10 тыс. сипаев, «которые большей частью убежали в момент штурма», а всех защитников города было «до 30 тыс.» (там же. стр. 251).

{544} Там же, стр. 244–254. — Донесение Черняева Крыжановскому от 7.VII.1865. В «Истории Узбекской ССР» взятие Ташкента царскими войсками по непонятной причине датируется 17 мая ( «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, стр. 88).

{545} ЦГВИА, ф. 400, д. 55, л. 11. — Рапорт Черняева начальнику. Главного штаба от 4.X.1866.

{546} Там же, л. 15–17.

{547} «Общий очерк Киргизской степи», стр. 364.

{548} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 20, ч. 2, стр. 205–206. — Донесение Черняева Крыжановскому от 25.XI.1865.

{549} Там же, стр. 245. — Письмо Крыжановского Черняеву от 29.XII.1865.

{550} Там же, стр. 245. — Письмо Крыжановского Горчакову от 30.XII.1865.

{551} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 21, ч. 1, стр. 24–25.

{552} Там же, стр. 310–311.

{553} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 22, ч. 2, стр. 44. — Отношение Стремоухова начальнику Главного штаба Гейдену от 20.VIII.1866.

{554} Там же, стр. 70.

{555} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 19, ч. I, стр. 291–292.

{556} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т, 20, ч. 2, стр. 3–7. — Донесение Черняева Крыжановскому от 6.VIII.1865.

{557} Там же, стр. 36. — Письмо Крыжановского Милютину от 26.VIII. 1865.

{558} Там же, стр. 47.

{559} Там же, стр. 42–43, — Письмо Горчакова Милютину от 10.IX.1865.

{560} Там же, стр. 69–70. — Замечания Стремоухова на рапорт Черняева (подчеркнуто в тексте).

{561} Там же, стр. 63. — Письмо Милютина Горчакову от 10. IX. 1865.

{562} ЦГВИА, ф. 400, д. 55, л. 14. — Рапорт Черняева начальнику Главного штаба от 4.X.1866.

{563} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 20, ч. 20. — Письмо Черняева Милютину от 28. IX. 1865.

{564} См. «Адрес, поданный ташкентскими жителями оренбургскому генерал-губернатору 18 сентября 1865 г.», в приложениях к книге: Д. И. Романовский, Заметки по средне-азиатскому вопросу, стр. 177–179.

{565} ЦГВИА, ф. 400, д. 55, л. 11. — Рапорт Черняева начальнику Главного штаба от 4.X.1866.

{566} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 20, ч. 2, стр. 150.

{567} Там же, стр. 162–163.

{568} Там же, стр. 150–152.

{569} Там же, стр. 241. — Письмо Черняева Крыжановскому от 20.XII. 1865.

{570} Там же, стр. 250. — Донесение Крыжановского Милютину от 31.XII.1865.

{571} ЦГВИА, ф. 38, оп. 3½87, св. 893, д. 14, л. 6–24.

{572} АВПР, ф. «Посольство в Лондоне», д. 103, л. 44. — Письмо Горчакова Милютину от 11.IX. 1865.

{573} ЦГВИА, ф. 38, оп. 3½87, д. 31, л. 4–7. — «Замечания МИД» (сентябрь 1865 г.).

{574} ЦГВИА, ф. 483, д. 91, л. 8.

{575} Там же, л. 10.

{576} ЦГВИА, ф. 38, оп. 3½87, св. 894, д. 31, л. 9. — Письмо Крыжановского Милютину от 23.X. 1865.

{577} См. обмен письмами между ними в ноябре — декабре 1865 г. (там же, л. 18–19, 26).

{578} Там же, л. 21–22. — Письмо Романовского Милютину от 7–19. XII. 1865.

{579} Там же, л. 28–29. — Письмо Рейтерна Милютину от 25. XII. 1865.

{580} ЦГВИА, ф. 38, оп. 3½87, св. 894, д. 31, л. 30–32. — Письмо Милютина Рейтерну от 30. XII. 1865.

{581} ЦГИАЛ, ф. 40 «Всеподданнейшие доклады», оп. 1, д. 17, л. 5–8.

{582} ЦГВИА, ф. 38, оп. 3½87, св. 894, д. 31, л. 44–47. — Письмо Хлудова Рейтерну от 16. I. 1866.

{583} ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, д. 18, л. 20–23.

{584} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 21, ч. 1, стр. 15–20. — Записка Милютина от 14. I. 1866.

{585} Там же, стр. 303–304. — Письмо Горчакова Крыжановскому от 22. VI. 1866.

{586} ЦГВИА, ф. 400, д. 19 (1866 г.), л. 54–55.

{587} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания « т 19, ч. I, стр. 265–268. — Письмо Крыжановского Милютину от 13. VII. 1865.

{588} Там же, стр. 283. — Письмо Горчакова Милютину от 23. VII. 1865.

{589} Там же, стр. 288. — Записка генерал-квартирмейстера от 23. VII. 1865.

{590} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 20, ч. 2, стр. 14–15. — Письмо Крыжановского Милютину от 12. VIII. 1865.

{591} П. И. Пашино, посетивший Среднюю Азию в 1866 г., отмечал, что русские купцы пострадали от этих мер вдвое больше, чем, бухарские. См. [П. И. Пашино] «Туркестанский край в 1866 году...», стр.. 20.

{592} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 20, ч. 2, стр. 152–153. — Журнал Комитета министров от 19. X. 1865.

{593} А. Ш[еман]ский, Туркестанские боевые юбилеи..., — «Военно-исторический сборник», 1915, № 3, стр. 110.

{594} См. об. этом: А. Татаринов, Семимесячный плен в Бухарии, стр. 32–33.

{595} «Туркестанский край, Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 20, ч. 2, стр. 86–91. — Донесение Черняева Крыжановскому от 28. IX. 1865.

{596} Там же, стр. 183–184. — «Всеподданнейший доклад» Горчакова от 14. XI. 1865.

{597} Там же, стр. 191–192. — Письмо Стремоухова Крыжановскому от 15. XI. 1865.

{598} Там же, стр. 255. — Письмо Крыжановского Милютину от 31. XII. 1865.

{599} Милютин обосновал этот тезис тесными связями Кокандского ханства «с принятым под наше покровительство Ташкентом». Хотя на данном этапе военный министр считал необходимым отметить, что России «нет надобности принимать на себя опеку над Кокандом, заботиться о сохранении в нем спокойствия и т. д.», но намек на «общность интересов» этого ханства с уже занятыми землями не оставлял сомнений в намерениях царского правительства заставить его разделить участь Ташкента ( «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 21, ч. 1, стр. 20. — «Записка военного министра относительно Ташкента и дальнейшей нашей политики в Средней Азии» от 14. I. 1866).

{600} Там же, стр. 20–22, 27–28. — Донесения Ризенкампфа Крыжановскому от 14. I. 1866 и Милютину от 21. I. 1866. — Вполне возможно, что Черняев был осведомлен о полученном распоряжении и сам «подготовил» действия своего начальника штаба.

{601} А. И. Макшеев, Исторический обзор Туркестана..., стр. 239–240.

{602} «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания...», т. 21, ч. I, стр. 155.

{603} Так, Милютин сообщил Крыжановскому об «искренней радости» Александра II в связи с одержанной Романовским победой при Ирджаре (там же, стр. 240. — Записка Милютина от 30. V. 1866).

{604} Там же, стр. 270. — Донесение Романовского Крыжановскому от 6. VI. 1866.

{605} Там же.

{606} Д. И. Романовский, Заметки по средне-азиатскому вопросу, стр. 76.

{607} А. И. Макшеев, Исторический обзор Туркестана,.., стр. 246–247.

{608} Там же, стр. 248.

{609} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 35, док. 112. — Донесение Мантейфеля Крыжановскому от 23. VII. 1867.

{610} Там же, приложение 1 к док. 112.

{611} Там же, приложение 2 к док. 112.

{612} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 22, д. 409. — «Грамота высочайших полномочий», л. 10–11.

{613} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 346, л. 91.

{614} [Н. Остроумов] «Константин Петрович фон Кауфман...», стр. 102.

{615} В. И. Ленин, Первые итоги политической группировки, — Сочинения, т. 9, изд. 4, стр. 368.

{616} «Современная летопись», — газ. «Московские ведомости», 1866, № 10, стр. 5–8.

{617} Там же, №11, стр. 8.

{618} А. Ч., Черняевский музей, стр. 76.

{619} Газ. «Москва», 1867, № 1.

{620} Ф. Никитников, Нужен ли консул в Бухаре.

{621} См.: «Отчет о деятельности высочайше утвержденного Общества для содействия русской промышленности и торговле с 1867 по 1892 г.», стр. 2–4.

{622} «Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию».

{623} ЦГИА УзОСР, ф. КТГТ, оп. 32, Д. 367. — «О русской заграничной торговле в Средней Азии», л. 4–5.

{624} Там же, л. 4–5. — Доклад канцелярии туркестанского генерал-губернатора от 29. XII. 1867.

{625} Эта ярмарка была открыта в конце 1870 — начале 1871 г.

{626} А. Семенов, Покоритель и устроитель Туркестанского края генерал-адъютант К. П. фон Кауфман I, стр. XVI — XIX.

{627} Кокандское ханство существовало еще 8 лет. В 1875–1876 гг. Россия оккупировала его и превратила в Ферганскую область Туркестанского генерал-губернаторства.

{628} Об этом убедительно свидетельствует рапорт Кауфмана в Петербург от 1. V. 1868 (ЦГВИА, ф. 483, д. 49710, л. 5–11).

{629} Там же, л. 13–15. — Донесение Кауфмана от 2. V. 1868.

{630} Через пять лет, 18 сентября 1873 г., этот договор был дополнен новыми статьями, усиливавшими зависимость Бухарского ханства от Российской империи.

{631} «Владение нами Самаркандом, «средоточием мира», важнейшим городом Средней Азии в историческом и религиозном отношениях, — писал Кауфман во «всеподданнейшем отчете по дипломатической части», — совершенно уничтожило преобладающее влияние эмира бухарского в здешнем мусульманском мире, а вместе с тем поставило город Бухару и ближайшие его окрестности в полную зависимость от нас относительно снабжения водой, так как разрушением плотин на Зеравшане, близ Самарканда, мы могли поставить город в самое бедственное положение» (ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 34, д. 346, л. 5).

{632} См. об этом: Е. Толбухов, Устроитель Туркестанского края, стр. 905–907. Эти споры продолжались в течение четырех лет. Только в 1872 г. Самарканд и весь Зеравшанский округ были включены в состав Российской империи (см. «Материалы для описания Хивинского похода 1873 г.», стр. 32).

{633} И. Львов, Завоевание Туркестана, стр. 152.

Заключение

{634} Ш. Рашидов, Навеки вместе с русским народом. (О прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России), стр. 39.

{635} Б. Д. Джамгерчинов, К вопросу о присоединении Киргизии к России; Б. Д. Джамгерчинов, Присоединение Киргизии к России; С. Раджабов, К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом; С. Раджабов, Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии; И. С. Брагинский, С. Раджабов, В, А. Ромодин, К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России; А. В. Пясковский, Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа - важнейшее прогрессивное последствие, присоединения Средней Азии к России; см. также работы И. М. Муминова, З. Ш. Раджабова и Г. К. Бейсембиева по истории общественной мысли Средней Ааии и Казахстана и др.

{636} В. И. Ленин, VII Всероссийский Съезд Советов 5–9 декабря 1919 г., — Сочинения, т. 30, изд. 4, стр. 195.

{637} Б. Гиббинс и Д. Сатурин, История современной Англии, стр. 205.

{638} Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 310.

{639} К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, М., 1948, стр. 87.

{640} К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXII, изд. 1, стр. 360.

{641} В. И. Ленин, Международный Социалистический конгресс в Штутгарте, — Сочинения, т. 13, изд. 4, стр. 61.

{642} В. И. Ленин, II Конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля - 7 августа 1920 г., — Сочинения, т. 31, изд. 4, стр. 220 (подчеркнуто нами).

{643} В. И. Ленин, Критические заметки по национальному вопросу, — Сочинения, т. 20, изд. 4, стр. 8.

{644} [Кривошеин] «Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 году», стр. 13–14.

{645} В 1912 г., например, местным предпринимателям принадлежало в Туркестане 160 хлопкоочистительных заводов из 256 («История Узбекской ССР», т. 1, кн. 2, стр. 233).

{646} Н. Г. Чернышевский, Дневник второй половины 1848 г. и первой половины 1849 г., стр. 188, 196.

{647} См., например, его проект обводнения обширной территории, изложенный в записке «Об устройстве дороги между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей путем восстановления течения Джаны-Дарьи» (Н. А. Северцов, Сборник документов, стр. 89–109).

{648} ЦГВИА, ф. 67, д. 118, л. I. — Докладная записка Н. А. Северцова от 11. X. 1859.

{649} ЦГА ВМФ СССР, ф. 283, оп. 5, д. 51, л. 4. — Письмо управляющего Морским министерством А. Меньшикова военному министру А. Чернышеву от 9. XII. 1850.

{650} В сложившейся обстановке «крамольные» мысли порой одолевали лиц, вовсе не придерживавшихся прогрессивных взглядов. Так, генерал Черняев, характеризуя в частном письме Александра II, именовал его «человеком сентиментальным, без воли, без малейшего понимания русского народа и русской жизни. Благодетель для всех, паче всех для себя и для немцев» [ГИМ, ф. «М. Г. Черняев», св. 8, письмо Савелию Константиновичу (?) от 13. П. 1897].

{651} Ч. Ч. Валиханов, Статьи. Переписка, стр. 44.

{652} К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, изд. 1, стр. 480.

{653} См. об этом: А. В. Пясковский, Революция 1905–1907 гг. в Туркестане.

{654} «Правда» от 24. VII. 1959.

{655} Там же.

{656} См. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, — Сочинения, т. 3, изд. 4, стр. 523.